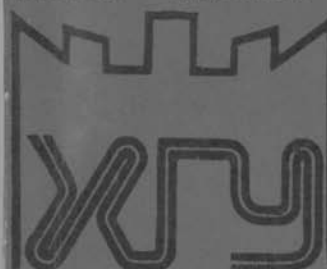

К-14038

ISSN 0453-7998

ПЗ12373

**ХАРЬКОВСКОГО
УНИВЕРСИТЕТА**

✓ К-14038
ПЗ12373

296'86

**ИСТОРИЯ КАПИТАЛИСТИЧЕСКОЙ
И СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ ФОРМАЦИИ**

«ВИЩА ШКОЛА»

1 р. 30 к.

ISSN 0453-7998. Вестн. Харьк. ун-та. История капитали-
стической и социалистической формаций. 1986. № 296.
1—129.

V.N. Karazin Kharkiv National University

00272338

5

МИНИСТЕРСТВО ВЫСШЕГО И СРЕДНЕГО
СПЕЦИАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ УССР

ХАРЬКОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

№ 296

ИСТОРИЯ КАПИТАЛИСТИЧЕСКОЙ
И СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ ФОРМАЦИЙ

Основан в 1966 году

ХАРЬКОВ
ИЗДАТЕЛЬСТВО ПРИ ХАРЬКОВСКОМ
ГОСУДАРСТВЕННОМ УНИВЕРСИТЕТЕ
ИЗДАТЕЛЬСКОГО ОБЪЕДИНЕНИЯ «ВИЩА ШКОЛА»
1986

В вестнике рассматриваются актуальные вопросы истории капиталистической и социалистической формаций. Центральное место отводится освещению истории социалистического строительства в СССР и историографическому аспекту этой темы. Ряд статей посвящен вопросам сотрудничества СССР с социалистическими странами в области культуры. Некоторые вопросы истории капиталистической формации анализируются на материалах России, Германии, Франции, Индии, Чили.

Для научных работников, преподавателей, аспирантов.

Редакционная коллегия: В. И. Булах (отв. ред.), Ю. А. Голубкин (отв. секр.), В. И. Кадеев, А. Е. Кучер, Г. Н. Попов, И. К. Рыбалка, И. Л. Шерман

Адрес редакционной коллегии: 310077, Харьков-77, пл. Дзержинского, 4, университет, исторический факультет, тел. 45-71-66

Редакция общественно-политической литературы
И. о. зав. редакцией Л. Н. Авраменко

СБОРНИК НАУЧНЫХ ТРУДОВ

ВЕСТНИК ХАРЬКОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

№ 296

ИСТОРИЯ КАПИТАЛИСТИЧЕСКОЙ И СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ ФОРМАЦИИ

Редактор А. Ф. Балабуха, художественный редактор В. Е. Петренко, технический редактор Г. П. Александрова, корректор В. Л. Светличная

Н/К

Сдано в набор 18.12.85. Подп. в печать 01.12.86. БЦ 08805. Формат 60×90/16. Бумага типогр. № 3. Лит. гарн. Выс. печать. Печ. л. 8. Кр.-отт. 8,25. Уч.-изд. л. 9. Тираж 500 экз. Изд. № 1433. Зак. 1977. Цена 1 р. 30 к. Заказное.

Издательство при Харьковском государственном университете издательского объединения «Вища школа», 310003, Харьков-3, ул. Университетская, 16

Харьковская городская типография № 16. 310003, Харьков-3, ул. Университетская, 16

Издано по заказу Харьковского государственного университета

В 0501000000-102
М226(04)-86

К-14038

© Харьковский
государственный
университет, 1986

Центральная Научная
Библиотека Харьковского
университета

**ИСТОРИОГРАФИЧЕСКАЯ ЛЕНИНИАНА
В УКРАИНСКОЙ ССР (1969—1984 гг.)**

Проблема «В. И. Ленин и историческая наука» является одной из стержневых в советской историографии. Ей посвящен огромный и многообразный круг литературы, исчисляющейся тысячами названий. Только указатель советской исторической литературы о В. И. Ленине как историке, вышедший в 1969 г., имеет 1129 названий работ [15]. Украинская историография, выступая органической составной частью всей советской исторической науки, вносит большой вклад в разработку этой проблемы. Некоторые итоги украинской Ленинианы подведены в работах С. К. Гутянского и А. В. Санцевича, опубликованных в 1969 г. Причем, первый автор рассмотрел ленинскую тематику лишь на страницах «Українського історичного журналу» 1957—1967 гг. [10, с. 42—57], второй — проанализировал большинство работ, вышедших на Украине с начала 20-х годов по 1968 г. включительно, посвященных жизни, деятельности и теоретическому наследию В. И. Ленина [14, с. 285—327]. Несмотря на широкие хронологические рамки и большой тематический диапазон исследования, А. В. Санцевичу удалось показать вклад ученых УССР в историческую, в том числе и историографическую Лениниану. Наличие упомянутых исследований позволяет нам ограничиться обзором только историографических работ по теме за 1969—1984 гг. Естественно, что в объеме одной статьи невозможно дать исчерпывающую характеристику всей литературы. Поэтому попытаемся рассмотреть наиболее крупные работы, отметить важнейшие вопросы, отраженные в историографических исследованиях, вышедших на Украине. Мы не касаемся работ по истории КПСС, в которых эта тема также нашла освещение.

Значительное воздействие на дальнейшее развитие историографической Ленинианы оказал 100-летний юбилей В. И. Ленина. В конце 60-х — начале 70-х годов в нашей стране вышло большое количество статей, брошюр, крупных коллективных трудов, монографий, раскрывающих различные аспекты богатейшего творческого наследия великого Ленина, его вклад в историческую науку. Довольно обширна и украинская советская историографическая Лениниана.

Одной из первых обобщающих работ на Украине по проблеме «В. И. Ленин как историк» явилась монография киевско-

го исследователя В. Н. Котова [13], раскрывающая роль вож-
дя Коммунистической партии как основоположника советской
исторической науки. На большом конкретном материале с при-
влечением многочисленных ленинских работ, многие из кото-
рых были впервые опубликованы в Полном собрании сочинен-
ний, автор раскрывает роль В. И. Ленина в развитии теорети-
ческих основ и методологических проблем исторической науки.
Большое внимание уделяется развитию Лениным марксистско-
го понимания всемирной истории, анализу важнейших черт ле-
нинской концепции исторического развития России. В трудах
В. И. Ленина, делает вывод автор, выработана единственно
верная концепция исторического развития России, в них даны
яркие образцы марксистского решения проблем истории Рос-
сии, выявлены исторические корни, предпосылки и закономер-
ности социалистической революции, указаны направления
и перспективы дальнейшего исследования.

Отдельный раздел монографии посвящен ленинской харак-
теристике истории советского общества. На страницах книги
показан конкретный вклад В. И. Ленина в создание центров
советской исторической науки, подготовку в широких масшта-
бах кадров историков-марксистов, организационное становле-
ние и развитие советской исторической науки, формирование
ее основных принципов. В последней главе монографии просле-
жено утверждение марксистско-ленинских теоретических основ
в советской исторической науке.

Содержательная монография В. Н. Котова не лишена, к со-
жалению, отдельных недостатков. В ней целесообразно было бы
обстоятельнее охарактеризовать ленинские работы, касающие-
ся истории Украины. Можно также упрекнуть автора за недо-
статочное внимание к предшественникам. Отмечая тот факт,
что исторические взгляды В. И. Ленина привлекали к себе вни-
мание большевиков-историков еще в 20-е годы, автор ограничи-
вается лишь перечнем их имен. Современные исследователи
проблемы не упомянуты вообще. Скрамное внимание уделено
автором и процессу становления исторической науки в СССР.

В целом удачную попытку анализа и синтеза богатейшего
ленинского теоретического наследия по истории советского об-
щества предприняли ученые Харьковского университета
В. И. Астахов и И. Л. Шерман, подготовившие монографию
«В. И. Ленин — историк советского общества» на основе ис-
следования ленинских трудов 1917—1923 гг. [4]. Тексту моно-
графии предпослано обстоятельное введение, в котором дана
историография вопроса, показано значение работ историков-
марксистов 20-х годов В. В. Адоратского, В. А. Быстринского,
В. И. Невского, М. Н. Покровского, впервые включивших
эту проблему в повестку исторической науки и заложивших
прочный фундамент будущей историографической Ленинианы.
Высокая оценка дана работам современных исследователей

и пропагандистов ленинского теоретического наследия Е. Н. Горюшко, В. П. Наумова, Н. Н. Маслова и др.

Первая глава монографии носит сугубо теоретический характер, она раскрывает основные черты ленинского метода исторического исследования: партийность, историзм, объективность при анализе исторических событий и явлений.

Три последующие главы монографии раскрывают важнейшие положения ленинского исторического анализа Великой Октябрьской социалистической революции, военной интервенции и гражданской войны, начального этапа социалистического строительства в нашей стране.

В рассматриваемой монографии есть и некоторые слабые места. В ней, в частности, нет достаточной четкости в раскрытии ленинской периодизации истории гражданской войны, излишне скупно сказано о разработке В. И. Лениным в послеоктябрьский период национального вопроса, имевшего тогда особое значение, отдельные фрагменты выходят за хронологические рамки темы. Но при всем этом монография В. И. Астахова и И. Л. Шермана — заметное явление в украинской историографической Лениниане. Авторы убедительно показали, что ленинская история советского общества — образец подлинно научного исторического исследования, незаменимый методологический путеводитель в сложных лабиринтах истории, неиссякаемая сокровищница идей и достоверных исторических фактов, ценных сведений и необходимых данных по истории советского общества 1917—1923 гг.

Современная украинская историографическая Лениниана серьезно обогатилась трудами, посвященными всестороннему исследованию многоплановой проблемы «В. И. Ленин и Украина». Этому способствовали выход на украинском языке Полного собрания сочинений В. И. Ленина, ряда тематических сборников его трудов, публикация документов и большого количества обобщающих работ исторического характера под названием «Ленин и Украина».

К 100-летию со дня рождения В. И. Ленина был создан наиболее крупный и пока единственный в своем роде историографический труд «Ленінська теоретична спадщина в українській радянській історіографії» [14]. В нем ученые Института истории АН УССР Ф. П. Шевченко, В. Г. Сарбей, С. К. Гутянский, В. П. Сидоренко и А. В. Санцевич на большом фактическом материале раскрыли огромное значение произведений В. И. Ленина для разработки самых важных и сложных проблем истории Украины как дооктябрьского, так и советского периодов. Как отмечается в предисловии, основная задача книги — подвести итоги сделанного, обратить внимание на новые возможности использования ленинского теоретического наследия в трудах украинских историков. Под этим углом зрения авторы рассматривают историографию важнейших проблем социально-

экономического, политического, государственного и культурного характера истории Украины феодальной, капиталистической и социалистической эпох. Удачным представляется первый раздел, посвященный использованию историками ленинской интерпретации истории феодализма. Его автор Ф. П. Шевченко справедливо замечает, что В. И. Ленин «специально занимался историей феодализма, чтобы глубже раскрыть закономерности общественного развития, показать те изменения, которые произошли в жизни с победой капитализма, а позже — социалистической революции» [там же]. Не менее содержательным является и второй раздел — о периоде капитализма, написанный В. Г. Сарбеем. Исходя из ленинской исторической концепции, в первых двух разделах подвергнут историографическому анализу большой круг литературы по дореволюционной истории Украины, сделаны интересные и ценные наблюдения над методикой использования оценок и выводов В. И. Ленина авторами исторических трудов.

Наибольшим по объему и количеству анализируемых работ является раздел о советском периоде в истории Украины. Авторы его С. К. Гутянский и В. П. Сидоренко особое внимание уделяют анализу монографических трудов и проблемных статей, раскрывающих ленинские идеи, положения и выводы по вопросам истории социалистической революции, гражданской войны, развертывания социалистического строительства на Украине.

О заключительной части монографии — «Лениниана в украинской историографии» (автор — А. В. Санцевич) упоминалось в начале нашего обзора. Раздел дает довольно полное представление о вкладе украинских исследователей в историографию Лениниану примерно за пять десятилетий.

Историографическую Лениниану полностью посвящен третий выпуск «Історіографічних досліджень в Українській РСР» [9]. Для всех его статей определяющей стала мысль о непреходящем значении ленинских трудов и идей для развития советской исторической науки. Это четко прослеживается в статьях И. А. Гуржия и С. К. Гутянского (о теоретическом наследии В. И. Ленина как методологической основе научного исследования культурной революции на Украине) [там же, с. 7—29], Г. Я. Сергиенко (о ленинской концепции декабристского движения, представляющей собой цельную теорию декабризма как выдающегося явления в русском революционно-освободительном движении XIX в.) [там же, с. 155—162], А. М. Пономарева (о ленинском анализе экономической природы русской мануфактуры и изучении этой проблемы в советской историографии) [там же, с. 169—183].

В статье Ж. П. Тимченко [там же, с. 53—63] подвергнуты историографическому анализу работы украинских советских историков, посвященные изучению ленинской теории союза ра-

бочего класса и беднейшего крестьянства в 1917 г. как одному из важнейших условий победы Великой Октябрьской социалистической революции. Автор показывает, что к этой чрезвычайно актуальной проблеме историки Украины многократно обращались и в обобщающих трудах по истории Октябрьской социалистической революции на Украине, и в работах, освещающих ее отдельные аспекты.

Вклад украинского исторического журнала «Літопис революції» в распространение и пропаганду вечно живого учения Ленина, процесс овладения украинскими советскими историками ленинской исторической концепцией и методологией рассматриваются в статье Н. В. Комаренко [там же, с. 184—196].

Большой интерес представляет публикация В. Г. Сарбея, в которой сделана удачная попытка проанализировать работы украинских историков с точки зрения изучения и использования ими ленинской концепции революционной ситуации конца 50-х—начала 60-х годов XIX в. [там же, с. 140—154]. При этом вклад историков Украины показан на широком фоне всей советской историографии данной проблемы. Рассматривая отражение в исторических исследованиях известной ленинской характеристики трех основных признаков революционной ситуации [см.: 1], В. Г. Сарбей пришел к выводу, что в трудах украинских советских авторов они раскрыты неравномерно. Наиболее интенсивно изучается третий признак — повышение революционной активности масс; имеются работы, показывающие «обострение, выше обычного, нужды и бедствий угнетенных классов» и почти совершенно отсутствуют исследования, раскрывающие «кризис верхов». В то же время автор статьи обращает внимание на случаи одностороннего использования ленинских положений и подчеркивает необходимость в решении конкретно-исторических проблем опираться на всю полноту оценок В. И. Ленина.

Перу В. Г. Сарбея принадлежит монография об отношении В. И. Ленина к прогрессивной украинской дооктябрьской историографии [18]. Обращает на себя внимание широкая источниковая база монографии: труды В. И. Ленина, особенно те, что касаются истории Украины, материалы Ленинских сборников, документы Центрального партийного архива Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС, мемуары, исследовательские работы ученых, публикации дореволюционной и советской прессы.

Монография состоит из крупных разделов. В первом из них раскрываются основополагающие черты ленинского историко-материалистического исследовательского метода, обращается внимание на анализ в советской историографии источниковой основы ленинской концепции отечественной, в том числе украинской истории. Во втором разделе сквозь призму ленинских произведений рассматриваются важнейшие проблемы дооктябрьской истории Украины. Большое политическое значение

имеет специальный параграф раздела, в котором раскрывается неутомимая и последовательная борьба основателя и вождя партии большевиков против украинского буржуазного национализма и его представителей Л. Юркевича, Д. Донцова, М. Грушевского. Одновременно автор показывает, что В. И. Ленин был непримирим и по отношению к любым проявлениям великодержавного шовинизма, клеймил позором его активных носителей В. Пуришкевича, С. Витте, П. Струве, П. Милюкова и др. Автор делает глубоко обоснованный вывод, что ленинская критика враждебных трудящимся массам националистических и великодержавных теорий диктовалась прежде всего задачами революционной практики и теории, но она же сыграла решающую роль и в формировании научной марксистско-ленинской концепции истории Украины.

Последний раздел книги посвящен четырем вопросам: В. И. Ленин и становление научного шевченковедения; научные труды Н. И. Костомарова в ленинской исторической концепции; использование В. И. Лениным антицаристских историко-публицистических работ М. П. Драгоманова; В. И. Ленин и революционно-демократическое наследие И. Я. Франко. На конкретных примерах В. Г. Сарбей раскрыл заботливое отношение В. И. Ленина к прогрессивным тенденциям украинской культуры и историографии, показал, что он, принимая и высоко оценивая их революционно-демократические и социалистические элементы, решительно отвергал и разоблачал консервативное и реакционное. Так, автор указывает, что В. И. Ленин сумел в противоречивом драгомановском творчестве увидеть труды, которые служили революционной борьбе, критике антинародного политического режима самодержавия, разоблачению соглашательской политики контрреволюционного либерализма.

В целом монография В. Г. Сарбея — интересное, насыщенное новым фактическим материалом исследование, содержащее серьезные выводы и обобщения. И все же заметим, что содержание работы, как нам представляется, не совсем точно отражено в названии. Вряд ли оправдано при рассмотрении дореволюционного прогрессивного историографического наследия Украины ограничиваться только четырьмя, хотя и, бесспорно, крупными представителями.

Кроме указанных, на Украине в рассматриваемый период вышел целый ряд других работ, в той или иной степени раскрывающих тему «В. И. Ленин и историческая наука». Необходимо подчеркнуть, что труды историков, каких бы аспектов этой многогранной проблемы они ни касались, пронизаны ленинскими идеями, марксистско-ленинской методологией, в них прослеживается огромное влияние ленинского теоретического наследия на разработку в целом отечественной истории, в том числе и истории Украины. В этой связи следует назвать содержа-

тельные статьи обобщающего характера И. А. Гуржия, А. В. Санцевича, В. Г. Сарбея, Ф. П. Шевченко и других [7].

Заметный вклад внесли украинские ученые в освещение ленинской методологии исторической науки. В работах В. И. Астахова и И. Л. Шермана, В. В. Косолапова, Н. Н. Липовченко, Л. Г. Мельника, К. Д. Петряева, Н. В. Поды, В. Г. Сарбея и др. [5] проанализированы основные принципы научно-исследовательского метода В. И. Ленина, охарактеризованы обобщение и использование им исторического опыта, показано, что В. И. Ленин никогда не отделял познания современности от познания прошлого нашей страны, ибо только в таком единстве он видел гарантию научной ориентации при исследовании самых разнообразных и сложных проблем современности. Ценность этих работ тем более увеличивается, что они направлены и против современных фальсификаторов марксистско-ленинской методологии, пытающихся ограничить значение ленинского учения рамками одной страны, стремящихся противопоставить взгляды основоположников научного коммунизма и В. И. Ленина на исторический процесс. Обострение идеологической борьбы в исторической науке на мировой арене, задачи поступательного развития самой науки требуют дальнейшей активизации научно-исследовательской работы в области марксистско-ленинской методологии.

Значительное количество историографических трудов посвящено ленинскому анализу важнейших проблем истории России. Творчески развив и обогатив метод, выработанный основоположниками исторического материализма, применив его к отечественной истории, В. И. Ленин в своем богатейшем теоретическом наследии оставил нам всеобъемлющие характеристики практически всех эпох, крупнейших событий и явлений истории нашей Родины. Много интересных положений, важных мыслей, глубоких выводов он посвятил истории феодальной России. Однако эта сторона ленинской исторической концепции оказалась наименее разработанной.

В украинской историографической Лениниане довольно широко представлена тематика, связанная с историей России переходного периода от феодализма к капитализму, времени промышленного капитализма и империализма. Большое внимание уделяется показу значения трудов В. И. Ленина для изучения социально-экономического развития России и Украины в дооктябрьский период, разработки вопросов общественно-политического движения и революционной борьбы, раскрытию роли ленинских произведений в разоблачении украинского буржуазного национализма и великодержавного шовинизма [3].

Внимание исследователей по-прежнему привлекает ленинская концепция истории советского общества. Наиболее подробно изучаются ленинские оценки крупнейших событий начального периода Советской власти — истории Великой Ок-

тябрьской социалистической революции, гражданской войны, социалистических преобразований в области промышленности, сельского хозяйства, культурного строительства [6].

Огромное внимание В. И. Ленин уделял решению национального вопроса вообще и на Украине в частности. Поэтому вполне закономерен большой интерес украинских исследователей к этой проблеме. Они подробно рассматривают ленинскую программу по национальному вопросу, разработка которой была начата еще до Великого Октября и окончательно оформилась в советское время. В общен историческом плане проблема широко освещена в трудах П. И. Воробья, И. Ф. Кураса, А. В. Лихолата, М. И. Куличенко, В. Е. Маланчука и др. Основные результаты работы украинских историков в этом направлении всесторонне проанализированы и высоко оценены в статье А. В. Санцевича [17].

Ленинские идеи пролетарского интернационализма, дружбы народов, их благотворное влияние на строительство социализма в СССР, братских социалистических странах, на мировое рабочее и революционное движение, программное положение В. И. Ленина об общности исторических судеб украинского и русского народов — таков круг вопросов монографий И. И. Компанейца, Б. В. Похвалинского, ряда авторских коллективов [8].

Отдельные фрагменты историографической Ленинианы можно проследить в общен исторических работах И. И. Коломийченко и П. М. Шморгуна, И. К. Рыбалки [12], посвященных теме «В. И. Ленин и Украина», коллективной монографии о развитии исторической науки на Украине за годы Советской власти [16], учебных пособий по историографии истории УССР Л. А. Коваленко и А. В. Санцевича [11].

Немало работ посвящено отдельным произведениям В. И. Ленина, раскрытию их значения для развития советской исторической науки. Авторы прослеживают историю создания этих произведений, показывают их теоретическую и практическую актуальность, исследуют источниковую основу, научную аргументацию, историю публикации и т. д.

В периодической печати УССР были опубликованы и статьи известных историков из Российской Федерации: Н. Н. Азовцева, В. В. Горбунова, Е. Н. Городецкого, Н. Н. Маслова и др. [2], что свидетельствует о творческом сотрудничестве ученых в разработке кардинальных исторических проблем.

Обзор историографической литературы, вышедшей в УССР за последние 15 лет, позволяет сделать вывод, что ученые республики добились значительных успехов в исследовании проблемы «В. И. Ленин и историческая наука». Необходимо подчеркнуть большую роль в этом отношении «Українського історичного журналу», на страницах которого многие из названных работ увидели свет, другие — обстоятельно прорецензированы. Глубокое изучение ленинского теоретического наследия,

всестороннее раскрытие сокровищницы ленинских идей и ленинской исторической методологии — важнейшая задача, сохраняющая свою актуальность и на будущее.

Список литературы: 1. Ленин В. И. Крах II Интернационала. — Полн. собр. соч., т. 26, с. 209—265. 2. Азовцев М. В. I. Ленін і радянська воєнна наука. — Комуніст України, 1969, № 5, с. 22—29; *Его же*. В. И. Ленин о гражданской войне. — Науч. труды по истории КПСС. Вып. 125. К., 1983, с. 9—15; Горбунов В. В. В. И. Ленин про формування радянської інтелігенції. — УІЖ, 1970, № 1, с. 3—12; Городецкий Ю. Н. Питання історіографічного дослідження у працях В. І. Леніна 1917—1923. — УІЖ, 1970, № 2, с. 27—28; Маслов М. М. Значення історичного дослідження в творах В. І. Леніна. — УІЖ, 1969, № 7, с. 3—14; *Его же*. Метод історичного пізнання в працях В. І. Леніна. — УІЖ, 1980, № 8, с. 41—51. 3. Антоненко С. И. Критика В. И. Лениным программы либеральной буржуазии накануне первой русской революции. — Вестн. Харьк. ун-та, 1980, № 206, с. 40—46; Барабой А. З. В. И. Ленин про соціальну природу селянства Росії в період капіталізму. — УІЖ, 1978, № 11, с. 44—53; Веремеева О. П. В. И. Ленин про ідеологію революційного демократизму. — Львів, 1971. — 152 с.; Курас І. Ф. До питання про лєнінську методологію дослідження історії політичних партій Росії. — УІЖ, 1984, № 4, с. 81—89; Лось Ф. Е. Ленінська характеристика основних етапів формування російського пролетаріату та його ідеологію. — УІЖ, 1969, № 9, с. 12—19; Мельник Л. Г. Промисловий переворот в Росії у висвітленні В. І. Леніна. — Питання історії народів СРСР. X., 1970, вип. 10, с. 121—127; Пода Н. В. Ленінська концепція формування фабрично-заводського пролетаріату в пореформенній Росії. — Історіографічні дослідження в Українській РСР. К., 1970, вип. 3, с. 124—139; Рудько М. П. В. І. Ленін про місце і роль народництва у революційно-демократичному русі. — Вісн. Київ. ун-ту, 1970, № 12. Серія історії, с. 16—19; Юр П. С. До питання про боротьбу В. І. Леніна проти дрібно-буржуазних та ліберально-буржуазних перекручень історії першої російської революції в період з 1905 по 1917 рр. — Вісн. Київ. ун-ту. Вип. 16. 1983, с. 8—13. 4. Астахов В. И., Шерман И. Л. В. И. Ленин — историк советского общества. — X., 1969, — 355 с. 5. Астахов В. И., Шерман И. Л. Ленінський метод дослідження історії радянського суспільства. — Питання історії народів СРСР. X., 1970, вип. 10, с. 3—10; Косолапов В. В. Методология и логика исторического исследования. — К., 1977. — 382 с.; В. И. Ленин и методологические вопросы современной науки. — К., 1971. — 206 с.; Липовченко М. М. В. И. Ленин про класовий аналіз історичних явищ. — Комуніст України, 1970, № 8, с. 23—31; Мельник Л. Г. Предмет і методологія історичної науки. — К., 1977. — 134 с.; *Его же*. Развитие научного познания истории. — К., 1983. — 125 с.; Петряев К. Д. Вопросы методологии исторической науки. 2-е изд., перераб. — К., 1976. — 179 с.; Пода Н. В. Питання партійності історичної науки в працях В. І. Леніна 90-х років XIX ст. — У кн.: Ідеї Леніна перемагають. К., 1970, с. 266—275; Сарбей В. Г. Про принципи наукового дослідницького методу В. І. Леніна. — УІЖ, 1970, № 4, с. 59—65. 6. Булах В. І. В. І. Ленін про принципи організації і діяльності Рад. — Питання історії народів СРСР. X., 1970, вип. 10, с. 11—18; Гошуляк І. Л. В. І. Ленін про шляхи зміцнення Радянської влади на Україні. — УІЖ, 1979, № 12, с. 29—41; Лемещук М. М. В. І. Ленін про Збройні Сили Радянської держави. — УІЖ, 1970, № 2, с. 3—9; Скаба А. Д., Шерман І. Л. Історичний аналіз Брестського миру в працях В. І. Леніна. — УІЖ, 1969, № 6, с. 3—15; Терлецький В. М. Ленинское идейное наследие и проблемы советского строительства. — К., 1974. — 263 с. Цалюк М. Я. Розробка В. І. Ленінін концепції про перехід радянського села до соціалізму. — Вид-во Київ. ун-ту, 1971. — 224 с. 7. Гуржій І. О. Значення лєнінської теоретичної спадщини для дослідження історії України. — Вісн. АН УРСР, 1970, № 4, с. 21—31; Санцевич А. В. Становлення та розвиток радянського суспільства в працях В. І. Леніна. — УІЖ, 1969, № 7, с. 15—24; Сарбей В. Г. До питання про джерелознавче вивчення лєнінської концепції вітчизняної історії. —

У кн.: Історичні джерела та їх використання. Вип. 5. К., 1970, с. 3—25; Шевченко Ф. П. В. І. Ленін про роль народних мас в історії. — УІЖ, 1980, № 3, с. 34—45. 8. *Інтернаціональна сила ленінських ідей*. — К., 1970. — 519 с.; *Компанієць І. І.* В. І. Ленін та інтернаціональна єдність українських і російських трудящих у трьох революціях. — К., — 1970. — 231 с.; *Похвалинський Б. В.* В. І. Ленін і революційне оновлення світу. — К., 1980. — 174 с. 9. *Історіографічні дослідження в Українській РСР*. Вип. 3. — К., 1970. — 211 с. 10. *Історіографічні дослідження в Українській РСР*. Вип. 2. — К., 1969. — 231 с. 11. *Коваленко Л. А.* Історіографія історії Української РСР від найдавніших часів до Великої Жовтневої соціалістичної революції. — К., 1983. — 118 с.; *Санцевич А. В.* Українська радянська історіографія (1945—1982). — К., 1984. — 142 с. 12. *Коломійченко І. І., Шморгун П. М.* В. І. Ленін і Україна. — К., 1969. — 96 с.; *Рибалка І. К.* В. І. Ленін і Україна. — Х., 1969. — 123 с. 13. *Котов В. Н.* В. І. Ленін — основоположник радянської історичної науки. — К., 1969. — 267 с. 14. *Ленінська* теоретична спадщина в українській радянській історіографії. — К., 1969. — 335 с. 15. *Проблеми історії в трудах В. И. Ленина*. Матеріали к указателю советской исторической литературы о В. И. Ленине как историке. 2-е изд. доп., — М., 1969. — 167 с. 16. *Розвиток історичної науки на Україні за роки Радянської влади*. — К., 1973. — 254 с. 17. *Санцевич А. В.* Тема «В. І. Ленін і розв'язання національного питання на Україні» в українській радянській історіографії. — УІЖ, 1972, № 4, с. 127—133. 18. *Сарбей В. Г.* В. І. Ленін і дожовтнева спадщина історіографії України. — К., 1972. — 287 с.

Поступила в редколлегию 20.09.84.

О. И. ТРАВКИНА

СОВРЕМЕННАЯ СОВЕТСКАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ ЛИТЕРАТУРА О БОРЬБЕ С ГЕРМАНСКИМИ ОКУПАНТАМИ НА УКРАИНЕ В 1918 г.

В советской исторической науке огромное внимание уделяется истории защиты социалистического Отечества, борьбе с внутренней и внешней контрреволюцией. Обобщение исторического опыта, приобретенного в ходе гражданской войны и военной интервенции, продолжает оставаться актуальным и в настоящее время, сохраняет немаловажное значение в борьбе против агрессивных устремлений современных империалистов, служит развенчиванию буржуазных фальсификаторов истории СССР. Среди побед, которые одержала страна Советов над силами международной и внутренней контрреволюции, особое место занимает разгром германских оккупантов на Украине в 1918 г.

Агрессия германских интервентов была первой крупной попыткой международного империализма с помощью вооруженной интервенции свергнуть власть рабочих и крестьян в нашей стране.

Борьба проходила в условиях напряженной международной обстановки, своеобразной расстановки и соотношения классовых сил, тесного переплетения классовой борьбы и национально-освободительного движения, активности националистической буржуазии. Все это требовало выработки и применения гибкой тактики, разнообразных форм и методов борьбы с врагом на различных ее этапах.

История этой борьбы, охватывающая важнейшие военные, политические, социально-экономические аспекты, вопросы партийного строительства, нашла отражение в воспоминаниях активных участников гражданской войны, в сборниках документов, монографиях и научных статьях. Анализ литературы о крахе германской оккупации на Украине в 1918 г. уделено внимание в историографических работах И. Л. Шермана, Н. В. Комаренко, В. Е. Тычины и др. [7; 15; 17; 18]. Но специального исторического исследования, обобщающего достижения советской исторической науки рассматриваемой темы на современном этапе, еще нет. Мы попытаемся рассмотреть основные направления и аспекты в изучении темы (70-е — нач. 80-х годов) и определить некоторые задачи ее дальнейшего развития.

Методологической основой нашей работы являются труды В. И. Ленина, в которых содержится глубокий анализ социально-политической обстановки на Украине в 1918 г., тактики борьбы большевистских организаций с интервентами, глубоко раскрыто значение краха германской оккупации.

Успешное развитие современной историографии борьбы с германскими агрессорами является логичным продолжением разработки темы в предшествующие периоды, опирается на значительные достижения в ее изучении, прежде всего в 50—60-е годы. Крупнейшим фактором в активизации научно-исследовательской работы в 70—80-х годах явились знаменательные юбилеи (100 и 110-летие со дня рождения В. И. Ленина, 60-летие Великого Октября, 60-летие образования СССР), XXV, XXVI и XXVII съезды КПСС.

Историки расширяют проблематику исследований, акцентируют внимание на слабоизученных и спорных вопросах темы, создают обобщающие работы, что свидетельствует о качественно новой ступени в изучении краха германской оккупации на Украине в 1918 г.

Так, в исследованиях 70—80-х годов сделан углубленный анализ международного положения и внутренней обстановки на Украине (конец 1917 — начало 1918 гг.), в частности борьбы за ленинскую политику мира, за поддержку Брестского мирного договора, разоблачение предательской сущности Центральной рады на переговорах в Бресте. В работах Ю. М. Гамрецкого, И. Л. Никольникова, О. К. Литвина, П. Н. Тригуба [3; 8; 12; 16] раскрывается сложная политическая и социально-экономическая обстановка, в которой коммунистам Украины пришлось отстаивать ленинскую политику мира, освещается острая борьба, развернувшаяся в партийных организациях и Советах Украины о Брестском мире. Авторы, проанализировав резолюции областных, губернских и уездных Советов, убедительно показали, что большинство из них одобряли ленинскую внешнюю политику.

Важную роль в победе ленинского курса Брестского мира на Украине, в консолидации ее революционных сил сыграл II Всеукраинский съезд Советов, решения которого высоко оценил В. И. Ленин. К сожалению, специальной работы, посвященной этому важному событию, нет. В этой связи значительный интерес представляет сообщение О. К. Литвина «З історії підготовки та проведення II Всеукраїнського з'їзду Рад» [8], в котором автор уточняет организационную картину подготовки съезда, количество делегатов, их состав, обстоятельства победы большевистской линии на съезде.

Советскими историками проделана большая работа по восстановлению героической картины обороны Украины, хода военных действий. Главным направлением в исследовании аспектов данной проблемы на современном этапе является изучение таких недостаточно разработанных вопросов, как создание единого фронта обороны республики, деятельность Народного Секретариата в организации отпора врагу, строительство Красной Армии весной 1918 г. Вновь привлёк вопрос о создании Донецко-Криворожской республики, ее роли в борьбе с оккупантами. Известно, что о причинах преобразования Донецко-Криворожского бассейна в самостоятельную административно-хозяйственную единицу нет единой точки зрения. Некоторые ученые считают, что основной причиной создания Донецко-Криворожской республики явилось противодействие захвата ее немецкими интервентами. Существует и другая точка зрения, объясняющая причины обособления ошибочными взглядами некоторых партийных руководителей на государственное строительство как федерацию административно-хозяйственных единиц. Статья П. И. Гарчева и Л. П. Кононенко [4] внесла определенный вклад в уточнение этих вопросов.

Строительство Красной Армии весной 1918 г. посвящена публикация О. И. Щусь [20]. В ней раскрываются основные формы и принципы строительства Красной Армии, подчеркивается, что в военном строительстве на Украине был использован ценный опыт РСФСР. Значительное внимание уделено анализу мобилизационной работы партийных и советских органов, освещению процесса сведения в условиях тяжелых оборонительных боев разрозненных частей и отрядов в пять революционных армий.

Среди проблем, находящихся в центре внимания исследователей на современном этапе, особое место занимает ленинская тема [4; 9; 19; 21]. В трудах обобщающего характера по истории гражданской войны на Украине обстоятельно освещена многогранная деятельность В. И. Ленина в создании единого фронта обороны республики, в выработке правильной тактики борьбы с захватчиками и националистической контрреволюцией, в организации КП(б)У, создании первых регулярных частей Красной Армии, в освобождении Украины. Необходимо отме-

тить, что до настоящего времени не создано специального исследования, в котором были бы обобщены и проанализированы взгляды В. И. Ленина по важнейшим вопросам краха германской оккупации на Украине в 1918 г.

Успешно ведутся исследования руководящей деятельности Коммунистической партии борьбой трудящихся Украины против германских оккупантов, о чем свидетельствуют публикации обобщающих работ, специальных монографий, статей [2; 6; 14; 19], появление 4-го издания «Нарисів Комуністичної партії України», в котором дана принципиальная оценка ряда важных вопросов партийного строительства на Украине, завершение издания 25 очерков истории областных парторганизаций и Киевской городской организации Коммунистической партии Украины. В монографии Ю. В. Шиловцева и в других работах [16] отражена исторически верная картина восстановления и укрепления сети подпольных большевистских организаций на Украине, уточнено их количество и структура, проанализированы формы и методы партийного руководства забастовочным и повстанческо-партизанским движением.

Углубленное изучение партийного строительства на Украине дало возможность ученым убедительно показать рост авторитета Коммунистической партии и ее влияния на широкие народные массы, необходимость централизации партийной сети, историческую закономерность образования КП(б)У — боевого отряда РКП(б).

Сделан дальнейший шаг вперед в освещении авангардной роли рабочего класса в борьбе с германскими оккупантами [5; 14].

На большом конкретно-историческом материале исследователи показывают тяжелое экономическое положение, в котором очутилась Украина после оккупации ее германскими войсками, антинародную политику оккупационного режима, авангардную роль рабочего класса в организации борьбы с врагом. Большое внимание уделяется освещению крупнейшего выступления рабочих Украины — Всеукраинской стачке железнодорожников, борьбе большевистских организаций за руководство забастовочным движением, против влияния мелкобуржуазных и соглашательских партий в профсоюзных организациях.

Работы последних лет заполнили значительный пробел в освещении борьбы большевиков против меньшевиков, эсеров, буржуазных националистов в профсоюзах Украины. Однако недостаточно раскрыты формы и методы деятельности большевистских организаций в профсоюзах. Требуется более глубокой и обстоятельной разработки история борьбы с мелкобуржуазными националистическими и соглашательскими партиями в период оккупационного режима и гетманщины. В исследовании данной проблемы отсутствует комплексный подход: анализ контрреволюционной деятельности мелкобуржуазных партий дается еще изолированно, в отрыве от общего хода событий, плохо

увязан с борьбой, которую вели коммунисты с национальной контрреволюцией за освобождение из-под ее влияния слоев трудящихся масс.

Тактика коммунистов Украины в отношении мелкобуржуазных партий также является слабоизученной проблемой. Выработка правильной тактики по отношению к непролетарским партиям на Украине происходила в сложной и противоречивой обстановке, требовала большого опыта, умения ориентироваться в быстроменяющихся условиях, чутко улавливать изменения в расстановке и соотношении классовых сил, что не всегда удавалось. Уроки, извлеченные из этого опыта, сохраняют свое теоретическое и практическое значение и в наше время, прежде всего для стран, борющихся за свое социальное и национальное освобождение. Необходима дальнейшая разработка этой важной проблемы.

Продолжается углубленное изучение участия зарубежных интернационалистов в борьбе с внешней и внутренней контрреволюцией на Украине. В 1977 г. издан обобщающий труд Ю. В. Мельниченко [10], в котором значительное место отведено деятельности иностранных коммунистических групп на Украине среди германских оккупантов, участию в вооруженной борьбе интернационалистов против германских агрессоров.

Рассматривая состояние исследования темы на современном этапе, нельзя не отметить, что характерной особенностью литературы последних лет является создание обобщающих работ, в которых осуществлен комплексный подход к освещению борьбы с оккупантами в 1918 г., анализируются политические, военные, социально-экономические проблемы, даются глубокие научные выводы. Это «Великий Жовтень і громадянська війна на Україні», «В борьбе за власть Советов на Украине», «В боротьбі за Жовтень», пятый том «Історії Української РСР» и др. [1; 2; 6]. В 1980 г. вышел первый обобщающий труд о крахе германского нашествия на Страну Советов В. И. Петрова [13]. Автор предпринял важную попытку осветить в комплексе политические, дипломатические, военные, экономические мероприятия Советского правительства, направленные на отражение агрессии, что позволило создать цельное полотно борьбы трудящихся Страны Советов против германских империалистов, выявить закономерности и факторы, определившие победу Советского государства в одной из первых попыток международного империализма задушить социалистическую революцию.

Значительным вкладом в осуществление комплексного исследования кардинальных вопросов темы явилась монография Г. Н. Никольникова, вышедшая в 1981 г. [12]. Освещение многогранных аспектов борьбы трудящихся Украины против германских оккупантов, огромных усилий Советской России за заключение Брестского мира дало возможность автору более глубоко и полно раскрыть внешнее положение и внутреннюю

обстановку Украины в конце 1917 — начале 1918 годов, борьбу трудящихся Украины за ленинскую политику мира, усилия Коммунистической партии, направленные на создание единого фронта обороны страны, руководство РКП(б) во главе с В. И. Лениным освободительным движением трудящихся Украины.

Значительным импульсом в дальнейшем углубленном изучении исследуемой темы явилась Всесоюзная научная конференция, посвященная 60-летию окончания гражданской войны в СССР, которая состоялась в 1980 г.

Таким образом, в современной литературе о борьбе трудящихся Украины против германских оккупантов в 1918 г. достигнуты определенные успехи. Созданы обобщающие труды, в которых проанализирован огромный фактический материал, осуществлено комплексное исследование узловых, кардинальных аспектов темы, сделан значительный шаг в раскрытии сложных, малоизученных ее проблем.

Необходимо также отметить, что степень разработки отдельных проблем остается не одинаковой. Большое значение для успешного изучения всех аспектов темы имеет дальнейшее глубокое освоение ленинского теоретического наследия. Назрела необходимость в создании фундаментального труда, раскрывающего взгляды В. И. Ленина по важнейшим вопросам борьбы трудящихся Украины против германских оккупантов. Внимание ученых следует направить на освещение руководящей роли Коммунистической партии в борьбе против агрессоров. Прежде всего, должно быть продолжено всестороннее исследование форм и методов партийного руководства, опыта борьбы коммунистов по созданию военно-политического союза рабочего класса и трудящегося крестьянства как главного условия победы над врагом. В этой связи необходимо подвергнуть углубленной разработке вопрос об изменении в расстановке и соотношении классовых сил на основных этапах борьбы с оккупантами и внутренней контрреволюцией. Нуждается в дальнейшем исследовании и борьба рабочего класса. Не стало до сих пор предметом специального изыскания крупнейшее выступление рабочих Украины в 1918 г. — Всеукраинская стачка железнодорожников.

Требуется дальнейшей разработки борьба с влиянием соглашательских и мелкобуржуазных партий в профсоюзных организациях. Настало время создания работ теоретического, обобщающего характера, в которых были бы проанализированы основные этапы партизанской борьбы, характерные особенности каждого из них, прослежена тесная связь забастовочного движения с крестьянскими выступлениями, а также глубоко раскрыта борьба Коммунистической партии с мелкобуржуазными и соглашательскими партиями.

Список литературы: 1. В борьбе за власть Советов на Украине. К., 1973. — 240 с. 2. Великий Жовтень і громадянська війна на Україні. — К., 1973. — 255 с. 3. Гамрецький Ю. М. Представництво України і Криму на IV Надзвичайній

чайному з'їзді Рад. — УІЖ, 1983, № 10, с. 127—135. 4. Гарчев П. Г., Кононенко М. П. В. І. Ленін — організатор єдиного фронту оборони на півдні України в березні—квітні 1918 р. — УІЖ, 1979, № 4, с. 15—25. 5. Зозуля І. А., Суровий Ф. Ф. Партійне керівництво профспілковим рухом на Україні в період громадянської війни. — К., 1979. — 127 с. 6. Історія Української РСР. — К., 1917. — Т. 5. 558 с. 7. Коментаренко Н. В. Журнал «Літопис революції». Історіографічний нарис. — К., 1970. — 82 с. 8. Литвин О. К. З історії підготовки та проведення II Всеукраїнського з'їзду Рад. — УІЖ, 1971, № 5, с. 36—45. 9. Лихолат А. В. Ленін і утворення Комуністичної партії України. — УІЖ, 1978, № 6, с. 8—22. 10. Мельниченко В. Ю. Діяльність іноземних комуністичних груп на Україні (1918—1920). — К., 1977. — 208 с. 11. Нагорна А. П. Ленінські інтернаціональні принципи в утворенні Комуністичної партії України. — УІЖ, 1978, № 4, с. 27—40. 12. Никольников Н. Л. Брестський мир и Украина. — К., 1981. — 175 с. 13. Петров В. И. Отражение страшной Советов нашествия германского империализма в 1918 г. — М., 1980. — 416 с. 14. Скляренко Е. М. Нариси історії профспілкового руху на Україні (1917—1920 рр.). — К., 1974. — 191 с. 15. Тичина В. Є. Деякі проблеми у вивченні історії визвольної боротьби проти німецьких окупантів і внутрішньої контрреволюції на Україні в 1918 р. — Історіографічні дослідження в УРСР. К., 1969, вип. 2, с. 71—86. 16. Тригуб П. Н. Питання війни та миру на обласних, губернських і повітових з'їздах Рад України (листопад 1917—березень 1918 рр.) — Питання історії народів СРСР, 1974, вип. 12, с. 11—17. 17. Шерман І. Л. Велика Жовтнева соціалістична революція і громадянська війна на Україні. — У кн.: Розвиток історичної науки на Україні за роки Радянської влади. К., 1973, с. 138—164. 18. Шерман І. Л. Проблеми громадянської війни на Україні в українській радянській історіографії (1956—1967). — УІЖ, 1969, № 3, с. 19—26. 19. Шиловцев Ю. В. Партійне будівництво на Україні (листопад — липень 1918 рр.). — Х., 1972. — 218 с. 20. Щусь О. І. Створення Червоної Армії на Україні в ході боротьби проти німецьких і австро-угорських окупантів навесні 1918 р. — У боротьби за Жовтень. К., 1981, с. 90—109. 21. Юрченко О. Т. В. І. Ленін і більшовицькі організації України. — К., 1970. — 621 с.

Поступила в редколлегию 19.10.84.

С. А. НАУМОВ

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ СОВЕТОВ ЛЕВОБЕРЕЖНОЙ УКРАИНЫ ПО ОСУЩЕСТВЛЕНИЮ ПОЛИТИКИ «ВОЕННОГО КОММУНИЗМА» (1919 г.)

Вопрос о деятельности местных органов Советской власти Украины в период гражданской войны и, в частности, об их роли в проведении политики «военного коммунизма» относится к малоизученным. В литературе, как правило, приводятся только отдельные факты деятельности местных Советов [8; 9; 11; 13—20]. Между тем, уже в 1919 г. именно местные советские органы на практике осуществляли все важнейшие элементы политики «военного коммунизма», хотя большинство «военно-коммунистических» мероприятий на Украине в централизованном порядке не вводилось. Наиболее четко эта особенность проявлялась в деятельности Советов Левобережья, где советские органы начинали свое функционирование фактически при отсутствии связи с правительством, руководствуясь непосредственно

положениями законодательства Советской России, а также собственным пониманием событий.

В данной статье автор поставил перед собой задачу изучить на основе преимущественно архивных материалов разнообразную деятельность Советов и их исполкомов, а также ревкомов и комбедов Харьковской, Полтавской и Черниговской губерний по осуществлению политики «военного коммунизма» в первой половине 1919 г.

Политика «военного коммунизма», как отмечал в 1921 г. В. И. Ленин, была вынужденной, временной мерой, вызванной войной и разорением [1, с. 220], и представляла собой систему социально-экономических мероприятий, осуществлявшихся Советской властью в условиях гражданской войны с целью мобилизации всех имевшихся ресурсов для обороны страны. В круг этих мероприятий входили государственная хлебная монополия и продразверстка, национализация не только крупной, но и средней и части мелкой промышленности, запрещение частной торговли, государственное распределение по классовому принципу, свертывание товарно-денежных отношений, централизация руководства народным хозяйством, милитаризация труда и всеобщая трудовая повинность [12, с. 3, 288; 20, с. 47].

Важнейшей чертой политики «военного коммунизма» являлась государственная монополия на хлеб и ряд других продуктов, введенная декретами правительства Советской Украины от 26 января и 5 февраля 1919 г. [2, № 4, ст. 52, № 7, ст. 88], и продразверстка, как наиболее полное и последовательное ее выражение. Принципы хлебной монополии на местах воплощали в жизнь губернские, уездные и волостные Советы через исполкомы и прежде всего через их продовольственные отделы (комитеты), которые одновременно были органами Наркомпрода, а также сельсоветы и комитеты бедноты. Огромное значение имела деятельность продовольственных отрядов, формировавшихся как Наркомпродом, так и местными органами власти.

Для осуществления хлебной монополии необходимо было прежде всего произвести точный учет излишков хлеба. Эту задачу местные советские органы выполняли фактически с первых дней их деятельности [25, Р-5704, оп. 1, д. 8, л. 4; 26, Р-1630, оп. 2, д. 30, л. 4; оп. 3, д. 166, л. 4]. На практике учет осуществлялся сельскими советскими органами, прежде всего комбедами, лучше знавшими местные условия; иногда создавались и специальные учетные комиссии [26, Р-89, оп. 1, д. 25, л. 29; 27, Р-4837, оп. 1, д. 1, л. 16].

Одновременно с учетом излишков советские органы обеспечивали и изъятие их у кулаков, утаивавших хлеб. На это, в частности, ориентировала сельские ревкомы инструкция по учету и извлечению излишков Черниговского губпродотдела [27, Р-1394, оп. 9, д. 37, л. 42]. Активную борьбу с кулаками

вели Советы Лебединского уезда Харьковской губернии. В марте Толстянский волостной Совет реквизировал хлеб у прятавших его от учета и разделил между бедняками. Червленовский волысполком конфисковал у 2 кулаков спрятанный хлеб — всего 63,5 пуда, а одного из них оштрафовал на 3 тыс. р. [26, Р-89, оп. 1, д. 34, л. 12, 38]. В помощь сельским Советам и комбедам продкомитеты формировали продовольственные отряды и направляли их на места [25, Р-415, оп. 1, д. 10, л. 31 об.; 27, Р-1394, оп. 2, д. 1, л. 3; оп. 9, д. 38, л. 49].

Для обеспечения строжайшего соблюдения хлебной монополии и активизации хлебозаготовок декретом Совнаркома УССР от 12 апреля 1919 г. была введена продразверстка, предусматривавшая отчуждение всех хлебных излишков, исчисляемых исходя из нужд государства, фактически без компенсации промышленными товарами. 15 апреля был опубликован декрет ВУЦИК, устанавливавший продовольственную диктатуру [2, № 36, ст. 424, 430].

На основе статистического материала Наркомпрод подсчитал количество имевшихся излишков и разверстал их между 8 губерниями. Черниговская губерния не была включена в план, так как даже те скудные запасы хлеба, которые имелись в губернии, были почти полностью потреблены располагавшимися здесь еще с лета 1918 г. повстанческими и другими войсками.

Губпродкомы таким же образом определяли количество излишков по уездам, а уездные продкомы — по волостям. Подворную разверстку производили волпродкомы совместно с сельсоветами и комбедами. Конкретные мероприятия по выполнению разверстки намечались на расширенных заседаниях продкомов, специальных совещаниях продработников и представителей других советских органов [25, Р-415, оп. 1, д. 10, л. 36, 39; 26, Р-89, оп. 1, д. 62, л. 17]. Принимаемые этими совещаниями развернутые решения фактически имели значение инструкций продорганам в их борьбе за хлеб. В то же время для более точного определения задач продорганов разрабатывались специальные инструкции о порядке выполнения разверстки [26, Р-11, оп. 2, д. 55, л. 57].

С получением плана разверстки местные Советы под руководством большевистских организаций сосредоточивали свои усилия на мобилизации трудящихся на борьбу за ее выполнение. На съездах, заседаниях Советов и исполкомов, комитетов бедноты, на собраниях крестьян выступали коммунисты, представители продорганов с разъяснением содержания и необходимости апрельских декретов; здесь обсуждались задания разверстки для данной местности, принимались резолюции, призывавшие крестьян сдавать хлеб государству и определявшие задачи бедноты в борьбе за хлеб [5, с. 285, 417, 430; 7, с. 136]. С этой же целью в села направлялись инструкторы, агитаторы

и даже целые агитотряды. В частности, 7 агитотрядов в середине апреля направлял в уезды Харьковский губпродком [26, Р-11, оп. 2, д. 55, л. 33].

Особое внимание Советы уделяли организации и укреплению комитетов бедноты, призванных обеспечить последовательно классовое осуществление продразверстки. Не случайно период после введения разверстки отмечен резким возрастанием их численности. По данным В. Ф. Верстюка, на Левобережной Украине летом 1919 г. действовало 4405 комитетов бедноты [10, с. 78].

В борьбе за выполнение продразверстки советские органы применяли в основном те же методы, что и в предыдущий период. Отличие заключалось лишь в более последовательном проведении классового принципа и более жестком соблюдении хлебной монополии при осуществлении разверстки. Как известно, план разверстки, который воплощался в жизнь в условиях ожесточенных классовых боев, по этой и ряду других причин выполнить не удалось. По сведениям хлебофуражного отдела Наркомпрода, в Полтавской губернии за вторую половину апреля было заготовлено хлеба и зернофуража 791551 пуд, а в течение 25 дней мая — еще 541277 пуд. [24, ф. 340, оп. 1, д. 571, л. 20 об.]. По Харьковской губернии в счет разверстки до 10 июня было заготовлено 337767 пуд. хлеба [4, с. 279.] Вместе с тем нельзя не учитывать важные социально-политические результаты осуществления разверстки: было достигнуто дальнейшее размежевание классовых сил в деревне, активное участие сельской бедноты в борьбе с кулачеством, укрепление союза трудящихся города и деревни.

Говоря о борьбе советских органов за хлеб, следует отметить некоторые особенности организации продовольственного дела в Черниговской губернии, находившейся в особенно тяжелых условиях. Уже 18 февраля президиум губсовнархоза издал приказ № 4 о разверстке между уездами 420 тыс. пуд. ржи и пшеницы, а также определенного количества других продуктов и фуража [27, Р-305, оп. 1, д. 69, л. 1]. В основу этого документа, во многом превосхищавшего положения декрета Совнаркома УССР от 12 апреля, были положены нормативные акты и практический опыт Советской России по осуществлению продразверстки.

Продовольственный аппарат северных уездов губернии привлекался для осуществления хлебозаготовок в производящих южных уездах, а также в Полтавской губернии в счет нарядов Наркомпрода и губпродкома (таких нарядов было выдано не менее 10 внутригубернских и 3 внегубернских [там же, л. 50]). В поисках новых путей привлечения хлебных запасов для снабжения населения продорганы Черниговщины допускали и серьезные ошибки, как, например, разрешение свободной торговли хлебом, и другие.

Система «военно-коммунистических» мероприятий включала также осуществление распределения предметов первой необходимости по классовому принципу посредством карточной системы. Как известно, единой карточной системы на Украине в 1919 г. не было, хотя Наркомпрод УССР и выполнил необходимую подготовительную работу [20, с. 48]. Но местные органы Советской власти по собственной инициативе на практике применяли классовый принцип распределения продуктов. При этом разделение населения на категории, нормы выдачи продуктов, естественно, имели отличия в разных местностях, но классовая сущность карточной системы сохранялась. Категорий, как правило, было три. В Харькове, например, к первой категории относились рабочие, занятые тяжелым физическим трудом, ответственные работники советских учреждений; ко второй — рабочие, не вошедшие в первую категорию, служащие по найму, учащиеся, ремесленники; к третьей — лица, живущие за счет доходов, капиталов и предприятий, пользующиеся наемным трудом, представители свободных профессий. По первой категории в месяц получали 25 ф. хлеба, 2 ф. сахара, 5 ф. круп; по второй — соответственно 18 $\frac{3}{4}$, 1 $\frac{1}{2}$ и 3 $\frac{3}{4}$; по третьей — 12 $\frac{1}{2}$, 1, 2 $\frac{1}{2}$. Для детей устанавливались повышенные нормы [4, с. 280]. В Богодуховском уезде этой же губернии нормы были такими: хлеб (в день) — 1 категория — $\frac{3}{4}$ ф., 2 категория — $\frac{1}{2}$ ф., 3 категория, вероятно, совсем не получала; сахара и соли — в месяц соответственно по 1 $\frac{1}{2}$ ф., 1 ф. и $\frac{1}{2}$ ф. [26, Р-11, оп. 2, д. 55, л. 53].

Для наблюдения за правильностью распределения карточек Советы создавали специальные комиссии [26, Р-89, оп. 1, д. 34, л. 92; Р-90, оп. 1, д. 2, л. 119 об.]. В целом же нужно сказать, что карточная система широко применялась советскими органами во всех губерниях Левобережья [23, 15 и 16 февр.; 25, Р-4567, оп. 1, д. 1, л. 10; 27, Р-1394, оп. 9, д. 14, л. 17 об.], причем организацией классового распределения занимались не только губернские и уездные, но и волостные Советы, а также комитеты бедноты [21, 23 авг.; 22, 6 апр.].

Советы Левобережья активно вмешивались и в сферу торговли. И хотя на Украине в 1919 г. еще не было возможности полностью национализировать частную торговлю, на местах советские органы по требованию трудящихся, по собственной инициативе обобществляли торговые заведения. Решение о национализации местной торговли 13 февраля принял Золотокологдезянский волысполком Изюмского уезда [26, Р-1630, оп. 3, д. 163, л. 13 об.], в марте — Малоперещепинский волысполком Красноградского уезда Полтавской губернии [23, 15 марта]. В г. Кролевце Черниговской губернии при проведении национализации торговых заведений были реквизированы товары почти на 837 тыс. р., 34 магазина были национализированы в феврале 1919 г. в Чернигове [27, Р-305, оп. 1, д. 74, лл. 6, 46].

Необходимо отметить, что факты национализации торговых заведений относятся преимущественно к периоду восстановления Советской власти. Со временем советские органы начали более реально оценивать свои возможности и осторожнее подходить к этому вопросу. Преждевременные и необоснованные решения о национализации отменялись вышестоящими органами — в частности, Изюмский уездный отдел управления 26 апреля отменил вышеупомянутое решение Золотокологезьянского исполкома. В целом масштабы национализации торговли не следует переоценивать: как правило, советские органы ограничивались учетом и контролем над торговыми предприятиями.

Значительно больших результатов местные органы Советской власти достигли в обобществлении промышленных предприятий. Как известно, согласно декрету правительства УССР от 11 января 1919 г. право национализации предприятий принадлежало лишь правительству и его отделу народного хозяйства. Но на практике в обобществлении промышленности активно участвовали и местные Советы и совнархозы. Причиной повсеместного распространения процесса национализации в это время была огромная революционная энергия масс, желание трудящихся сразу взять в свои руки заводы и фабрики, необходимость пресечения саботажа владельцев предприятий и налаживания местного хозяйства. Именно поэтому промышленные предприятия, как и торговые, чаще обобществлялись в период восстановления Советской власти. Так, после освобождения Старобельского уезда Харьковской губернии сразу же были национализированы все предприятия уезда. К концу марта в ведении местного отдела народного хозяйства было 72 мельницы и 122 маслобойных завода [26, Р-838, оп. 2, д. 14, л. 24].

Процесс национализации достиг особенно значительного размаха в Черниговской губернии. Решениями губревкома и губсовнархоза в феврале — марте были национализированы все предприятия текстильной, сахарной, спичечной, табачной промышленности, часть кожевенных, мыловаренных, лесопильных заводов, флот на р. Десне [3, с. 265, 274, 302—305]. Представители губсовнархоза отмечали «огульную» национализацию после восстановления Советской власти и в уездах губернии [27, Р-804, оп. 1, д. 22, л. 25]. Эта особенность объясняется широким применением законодательства РСФСР, что, в свою очередь, было обусловлено, во-первых, тем, что Советская власть на Черниговщине была восстановлена наиболее рано — в декабре 1918 г. — январе 1919 г., когда еще не было конкретных указаний правительства УССР о порядке национализации, и во-вторых, непосредственной близостью Советской России (к тому же часть губернии входила в состав РСФСР в 1918 г.).

Со временем потребность в урегулировании процесса национализации становилась все более очевидной и на местах. Это

му способствовало, в частности, улучшение структуры советских органов, в том числе и отделов народного хозяйства (совнархозов), более точное определение их полномочий [6, с. 422]. В результате удалось в значительной степени ослабить стихийный характер национализации предприятий, направить ее в более организованное русло. Весной и летом 1919 г. местные советские органы, решая вопросы о национализации, старались исходить из государственных интересов, во многих случаях ограничивались ходатайством о национализации перед вышестоящими органами или вообще воздерживались от нее [3, с. 328; 6, с. 457; 26, Р-838, оп. 2, д. 15, лл. 52, 55]. О более сознательном подходе к делу свидетельствует и увеличение количества мотивированных решений о национализации. Стремлением упорядочить процесс национализации объясняются факты возвращения национализированных предприятий их прежним владельцам. Характерно, что это явление получило более широкое распространение на Черниговщине [27, Р-804, оп. 1, д. 12, лл. 21 об., 55 об., 57].

В целом же местными Советами и совнархозами было обобществлено довольно много предприятий, как правило, во всех уездах. В Лебединском уезде только в ведении местного подотдела государственных сооружений в апреле было 11 национализированных предприятий [26, Р-838, оп. 2, д. 15, л. 45]. В списке национализированных предприятий, подведомственных Изюмскому совнархозу, на 15 апреля было 7 заводов, 2 склада, 3 магазина [там же, Р-4824, оп. 1, д. 25, л. 8]. В ведении отдела химической промышленности Харьковского губсовнархоза находилось 82 завода с общим числом рабочих около 3 тыс. чел. [4, с. 82].

Большое внимание местные Советы уделяли практическому осуществлению элементов всеобщей трудовой повинности, стремясь воплотить в жизнь один из важнейших принципов социалистического общества: «кто не работает, тот не ест». Документы того времени свидетельствуют о повсеместном привлечении буржуазии к общественно полезному труду Советами разных уровней. 9 февраля решение о мобилизации буржуазии для расчистки снега вынес президиум Харьковского губисполкома [26, Р-203, оп. 1, д. 1 б, л. 75 об.]. Крелевецкий УСНХ 26 февраля поручил земотделу войти в соглашение с комендантом города о наряде кулаков для вывоза стройматериалов [27, Р-804, оп. 1, д. 12, л. 27]. Широко применялся труд сельской буржуазии для выполнения полевых работ в советских, общественных и бедняцких хозяйствах [21, 18 авг.; 25, Р-415, оп. 1, д. 10, л. 37; 26, Р-1630, оп. 3, д. 163, л. 37 об.].

Направление на общественные работы применялось и как мера пресечения действий, враждебных Советской власти. Так, Полтавский военревком постановил применять направление на

принудительные работы в шахты к лицам, не внесшим контрибуцию [23, 6 февр.]. Золотоколодезянский волисполком 17 февраля принял решение мобилизовать на работы буржуазию, «виновную в чем-либо против пролетариата», а через 2 дня отправил на работы 7 кулаков за неподчинение советским органам, саботаж, за службу при гетмане [26, Р-1630, оп. 3, д. 163, лл. 14-15 об.]. Помимо разовых мобилизаций для нужд местного хозяйства, советские органы проводили сплошную регистрацию буржуазии для зачисления в тыловое ополчение [там же, Р-89, оп. 1, д. 25, л. 35, 41], регулярно привлекали ее для выполнения различных работ по укреплению тыла Красной Армии [там же, Р-90, оп. 1, д. 3, л. 144; Р-1630, оп. 3, д. 163, л. 37].

Таким образом, местные органы Советской власти Левобережной Украины в 1919 г. на практике осуществляли все важнейшие черты политики «военного коммунизма». В своей деятельности Советы часто опережали существовавшее законодательство УССР, творчески подходили к решению вопросов, поставленных перед ними самой жизнью, широко используя при этом опыт Советской России. Воплощение принципов «военного коммунизма» в жизнь дало возможность мобилизовать все материальные и людские ресурсы на оборону республики, способствовало обеспечению высоких темпов социалистического строительства. В этом смысле В. И. Ленин подчеркивал, что «военный коммунизм» «надо поставить нам в заслугу» [1, с. 220]. Эту оценку в полной мере можно отнести и к деятельности Советов Левобережной Украины в 1919 г.

Список литературы: 1. Ленин В. И. О продовольственном налоге. — Полн. собр. соч., т. 43, с. 205—245. 2. Собрание узаконений и распоряжений Рабоче-Крестьянского правительства УССР. — Х., 1923. — 797 с. 3. Борьба трудящихся Черниговщины за власть Советов. 1917 — 1919 гг.: Сб. документов. — Чернигов, 1957. — 475 с. 4. Отчет Харьковского губисполкома и губэкономсовета. Вып. 1. — Х., 1922. — 472 с. 5. Радянське будівництво на Україні в роки громадянської війни (листопад 1918 — серпень 1919): Сб. документів. — К., 1962. — 764 с. 6. Робітничий контроль і націоналізація промисловості на Україні, березень 1917 — березень 1921 рр.: Сб. документів. — К., 1957. — 754 с. 7. Харьковщина в период гражданской войны и иностранной военной интервенции: Сб. документов. — Х., 1973. — 323 с. 8. Алексеенко А. Г. Городские Советы Украинской ССР (1917—1920 гг.). — К., 1960. — 131 с. 9. Бабій Б. М. Місцеві органи державної влади Української РСР в 1917—1920 рр. — К., 1956. — 268 с. 10. Верстюк В. Ф. Створення комітетів бідноти на Лівобережній Україні в 1919 р. — УІЖ, 1978, № 3, с. 73—78. 11. Гимпельевич Р. С. К вопросу о роли и деятельности комитетов бедноты в 1919 году. — Сб. по истории Советского государства и права. Х., 1954, с. 83—126. 12. Гимпельсон Е. Г. «Военный коммунизм»: политика, практика, идеология. — М., 1973. — 296 с. 13. Гудзенко П. П. Соціалістична націоналізація промисловості в Українській РСР. 1917—1920 рр. — К., 1965. — 300 с. 14. История Украинской ССР. — К., 1984. — Т. 6. 655 с. 15. Кондуфор Ю. Ю. Укрепление союза рабочего класса и крестьянства на Украине в период гражданской войны (в ходе проведения продовольственной политики 1918—1920 гг.). — К., 1964. — 263 с. 16. Потарикіна Л. Л. Ревкоми України

в 1918—1920 рр. — К., 1957. — 156 с. 17. *Рибалка І. К.* Відновлення Радянської влади на Україні (1918—1919). — Х., 1957. — 295 с. 18. *Слюсарський А.* Діяльність сільських комітетів бідноти на Україні в 1919 році. — Учені зап. Харк. ун-ту, 1956, Труды іст. фак-ту, т. 4, с. 117—136. 19. *Супруненко Н. И.* Очерки истории гражданской войны и иностранной военной интервенции на Украине (1918—1920). — М., 1966. — 455 с. 20. *Терещенко Ю. І.* З історії політики «воєнного комунізму» на Україні у 1919 році. — Історія нар. господарства та екон. думки УРСР, К., 1979, вип. 13, с. 46—54. 21. *Большевик.* Орган ЦК КП(б)У, 1919 г. 22. *Известия* Временного Рабоче-Крестьянского правительства Украины и Харьковского Совета рабочих депутатов, 1919 г. 23. *Известия* Полтавского Совета и губисполкома, 1919 г. 24. *ЦГАОР УССР*, ф. 340. 25. *Сумской облгосархив.* 26. *Харьковский облгосархив.* 27. *Черниговский облгосархив.*

Поступила в редколлегию 09.11.84.

В. В. КАЛИНИЧЕНКО, канд. ист. наук

КРЕСТЬЯНСКОЕ ХОЗЯЙСТВО УКРАИНЫ НАКАНУНЕ ПЕРЕХОДА СОВЕТСКОЙ СТРАНЫ К НЭПУ

В конце 1920 — начале 1921-го гг. мелкое единоличное крестьянское хозяйство являлось основным производителем сельскохозяйственной продукции в стране и находилось в состоянии упадка. На VIII Всероссийском съезде Советов в декабре 1920 г. В. И. Ленин отмечал: «...Без практического массового улучшения хозяйства мелкого крестьянства нам спасения нет: без этой базы невозможно никакое хозяйственное строительство, и какие бы то ни было великие планы — ничто» [1, т. 42, с. 148]. Поэтому восстановление народного хозяйства Советское правительство решило начать с практических мер по подъему крестьянского хозяйства. В литературе дается общая оценка его положения накануне перехода к нэпу [36, с. 112—113; 10, с. 22—23; 9, с. 84; 19, с. 8; 29, с. 109—147]. Специального исследования о состоянии крестьянского хозяйства нет. Данная статья посвящена характеристике мелкого единоличного крестьянского хозяйства Украины в этот период.

Нами использованы материалы сельскохозяйственных переписей 1916, 1917 и 1920 гг., выборочного обследования сельского хозяйства республики весной 1921 г., статистические сборники 20-х годов, отчеты земельных отделов. Все цифры, приводимые в статье, касаются УССР в границах 1921 г. Необходимые расчеты произведены автором.

Основные предпосылки, определившие направление и характер развития крестьянского хозяйства Украины после 1917 г., были созданы Великой Октябрьской социалистической революцией. Аграрные преобразования, осуществленные после победы Великого Октября, являлись важным фактором подъема хозяйства трудящихся крестьян. Ленинский Декрет о земле отменил частную собственность на землю. С национализацией земли крестьянство Украины освободилось от уплаты абсолют-

ной ренты, тормозившей их хозяйства. В ходе ожесточенной гражданской войны трудящееся крестьянство под руководством Коммунистической партии и в союзе с рабочим классом отстояло завоевания Октября, в том числе и свое право на землю. К началу 1921 г. на Украине было окончательно ликвидировано помещичье землевладение. Из 14561 тыс. дес. конфискованных сельскохозяйственных угодий некрестьянского типа крестьянским хозяйствам к началу 1921 г. перешло 12154 тыс. дес. Учитывая, что в 1917 г. трудящемуся крестьянству принадлежало 14170,7 тыс. дес. земли, землепользование этой части крестьянских хозяйств к началу перехода Советской страны к нэпу увеличилось на 85,7 %. К концу 1920 г. у нетрудовых владельцев некрестьянского типа было конфисковано 96 тыс. жилищных и хозяйственных построек, 360 тыс. ед. сельскохозяйственного инвентаря, 80 тыс. волов, 46 тыс. коров [9, с. 11; 16, с. 62—68]. Значительная часть этого имущества также перешла в пользование крестьянства. Таким образом, ликвидация помещичьих имений резко расширила производственные возможности крестьянского хозяйства.

Вторым важным результатом революционных аграрных преобразований в конце 1920 г. было осереднячивание села. Трудящиеся крестьяне Украины, объединившись в комнезамы, нанесли первые удары по политическим и экономическим позициям кулачества. Так, к зиме 1920—21 г. на территории 60 % волостей Украины комнезамы конфисковали излишки земли у кулаков («приобретая тем самым от 1/8 до 3 дес. на душу»), часть скота, инвентаря, хозяйственных построек [22, с. 8]. В результате уже к концу 1920 г. классовая структура крестьянских хозяйств Украины значительно изменилась.

По натуральным признакам хозяйства можно отчетливо проследить эволюцию различных социальных групп в крестьянстве Украины за 1917—1920 гг.

Так известно, что наиболее угнетенная, беднейшая часть дореволюционного крестьянства — это безземельные, беспосевные, безинвентарные хозяйства. Если в 1917 г. на Украине безземельные крестьянские хозяйства составляли около 7,9 % общего количества хозяйств, то в конце 1920 г. их не стало [27, с. 2, 6, 10, 14, 26, 34, 38, 42, 46]. Удельный вес беспосевных крестьянских хозяйств за указанный период сократился в республике с 20,3 до 9,7 %, хозяйств без рабочего скота — с 42,2 до 34,3 %, бескоровных дворов — с 36,2 до 25,3 %, безинвентарных хозяйств — с 43,6 до 23,8 % [34, с. 107; 6, с. 14]. Уменьшение удельного веса беднейшей части крестьянских хозяйств, происходившее в условиях гражданской войны и разрухи, особенно разительно. Советская власть не только остановила этот процесс, но и привела к небывалому ранее явлению — значительному сокращению задушенной нищеты, наиболее бесправной части трудящегося крестьянства республики.

В то же время на другом социальном полюсе села резко сократился удельный вес крестьянских хозяйств, эксплуатировавших наемный труд. В. И. Ленин в произведении «Развитие капитализма в России» подчеркивал, что «в найме поденных рабочих весьма характерный признак сельской буржуазии» [1, т. 3, с. 87]. К сожалению, переписи 1917—1920 гг. фиксировали хозяйства только с наймом постоянных батраков. Удельный вес хозяйств с поденщиками был выше. Но и из имеющихся в нашем распоряжении материалов видно, что количество кулацких хозяйств с постоянными батраками на Украине сократилось с 3,1 % в 1917 г. до 1,6 % в 1920 г. [20, с. 9, 15].

За 1917—1920 гг. сократилась и группа хозяйств с посевом свыше 6 дес.: на Киевщине с 12,8 до 2,3 %, на Черниговщине с 20,0 до 5,4 %, на Полтавщине с 20,1 до 10,3 %, на Одешине (группа с посевом свыше 7 дес.) с 32,4 до 31,3 %. На Правобережье и Левобережье исчезли хозяйства с посевом более 25 дес. на хозяйство. В то же время удельный вес хозяйств с посевом от 1,1 до 6 дес. возрос на Киевщине с 61,2 до 72,5 %; с посевом от 2,1 до 6 дес. возрос на Черниговщине с 40,5 до 51,9 % и на Полтавщине с 34,7 до 46,0 %; с посевом от 3,1 до 7,0 дес. возрос на Одешине с 25,8 до 37,1 % [4, с. 37—38; 11, с. 55; 18, с. 307; 26, с. 108].

Что же касается обеспечения различных групп крестьянства Украины лошадьми, то в Киевской губернии удельный вес безлошадных хозяйств за 1916—1920 гг. понизился с 57,3 до 28,9 %, трехлошадных — с 2,9 до 2,1 %, но возрос удельный вес однолошадных с 7,9 до 33,9 % и двухлошадных с 31,9 до 35,1 % [11, с. 57—58].

Приведенные материалы свидетельствуют о глубоких социальных сдвигах в крестьянстве УССР к концу 1920 г.: исчезновение безземельных хозяйств, резкое сокращение беспосевных, безынвентарных, безлошадных, бескоровных дворов при одновременном сокращении удельного веса многоземельных, многопосевных, богатых скотом хозяйств, дворов с батраками и рост за их счет средних крестьянских хозяйств. В. И. Ленин на X съезде РКП(б) отмечал: «Крестьянство стало в общем в положение середняка» [1, т. 43, с. 60].

Наделение земель бывших батраков, с одной стороны, процесс раздела многоземельных хозяйств с целью избежать конфискации излишков земли, с другой стороны, привели к концу 1920 г., по сравнению с 1916 г., к увеличению числа крестьянских хозяйств. Факт увеличения крестьянских хозяйств за указанный период повсеместно отмечается в источниках и литературе. Однако при этом называют различные цифры: от 3700,0 до 4025,5 тыс. дворов (1916 г.) и 3800 — 4147,0 дворов (1920 г.) [7, с. 15—16; 34, с. 104—105; 8; с. 73; 21, с. 106 и др.]. Цифровой разноречивостью вызван тем, что исследователи не учитывали изменений территории УССР в 1917—1920 гг. По нашим же под-

счетам, согласно переписи 1916 г., на Украине, в границах на март 1921 г., насчитывалось около 3832,0 тыс. крестьянских хозяйств [31, с. 160—256; 21, с. 11—15]. Для 1920 г. наиболее достоверные подсчеты ЦСУ УССР, согласно которым в республике насчитывалось около 4147,0 тыс. крестьянских дворов [21, с. 106; 20, с. 9, 15]. Таким образом, среднегодовое увеличение хозяйств на Украине за 1916—1920 гг. составило 78,8 тыс. В 1905—1913 гг. эти темпы составляли 100,7 тыс. дворов [28, с. 43; 35, с. 101]. Эти данные не подтверждают сведений источников, цитируемых в литературе, которые свидетельствуют об усилении темпов измельчания крестьянских хозяйств в 1917—1920 гг. по сравнению с предшествующим периодом [21, с. 32; 25, с. 186; 39, с. 42]. Мнение об измельчании трудовых крестьянских хозяйств на Украине в 1917—1920 гг. ошибочно. Среднее число душ на крестьянское хозяйство уменьшилось в среднем по Украине с 6,0 до 5,2 [34, с. 110—111] вследствие распада больших патриархальных семей в ходе революционных преобразований и образование новых, молодых, малочисленных по своему составу. Но к измельчанию крестьянского двора как субъекта сельскохозяйственного производства это отношения не имеет. Так, если в 1917 г. на одно крестьянское хозяйство на Украине в среднем приходилось 6,95 дес. удобных земель, то в конце 1920 г. — 9,35 дес., т. е. больше на 2,4 дес., или на 34,5 %. Революционные аграрные преобразования привели к громадному увеличению площади крестьянского землепользования. Положительное влияние этого факта на трудовые крестьянские хозяйства перекрыло отрицательное влияние естественного процесса дробления крестьянских хозяйств и открывало возможности для их производственного роста в 20-е годы. В силу целого ряда обстоятельств трудовые крестьянские хозяйства в 1918—1920 гг. эту возможность не использовали, и к началу 1921 г. Советская страна столкнулась с упадком в сельском хозяйстве.

Рассмотрим состояние посевных площадей. Полеводство — главная отрасль с. х. Украины. Среднегодовые посевные площади за последнее предвоенное пятилетие (1909—1913 гг.) составили от 19280 тыс. дес. до 20200 тыс. дес. [17, с. 3; 35, с. 144]. По данным ЦСУ СССР, в которых учтены территориальные изменения после революции, площадь полевых посевов на Украине составляла 19641,2 тыс. дес. [34, с. 122—124]. Что касается крестьянских посевов, то за предвоенное пятилетие нет сопоставимых данных в границах 1921 г. Поэтому все сопоставления об изменении посевных площадей крестьянских хозяйств после Октябрьской революции в статистических публикациях 20-х годов проводятся с данными переписи 1916 г. Однако и здесь данные о крестьянских посевах 1916 г. противоречивые, указаны цифры от 14385,7 до 16339,6 тыс. дес. [37, с. 99; 8, с. 77—79; 35, с. 31 и др.]. Нами установлено, что источники

с показателями менее чем 15300,0 тыс. дес. не учли площади крестьянских посевов тех округов бывшей Области войска Донского, которые частично в 1920 г. перешли к Украине [17, с. 3]. С учетом площади этих округов крестьянские посевы в 1916 г. составляли, по подсчетам автора, 16043,3 тыс. дес. [31, с. 160—261].

Еще более разительный разноречивый в источниках и литературе относительно определения посевных площадей Украины в 1920 г. Здесь указаны цифры от 11576,0 до 16721,0 тыс. дес. [34, с. 122—123, 146; 3, с. 3—4; 30, с. 28; 2, с. 110—111; 19, с. 8]. Во многих работах указаны относительные величины об уменьшении посевных площадей к концу 1920 — началу 1921 гг. При этом называются цифры от 13 до 30 % [3, с. 3; 36, с. 112; 10, с. 23; 24, с. 5; 9, с. 84; 4, с. 46 и др.]. Путаница в цифровых данных наблюдается даже в работах, помещенных рядом, в одном журнале [13, с. 94; 33, с. 99]. Отсутствие специального исследования по данному вопросу привело к появлению в научном обороте недостоверных данных. Основной источник всех статистических публикаций 20-х годов — это данные сельскохозяйственной переписи 1920 г., проводившейся в условиях ожесточенной гражданской войны. Они не отличаются достаточной полнотой, поскольку учтено только 11576,0 тыс. дес. посевов на Украине [34, с. 146]. Специалисты-статистики высказали мнение, что данные переписи на 10—30 % ниже действительного состояния [2, с. 90; 15, с. 6]. Нам представляется, что более достоверными являются данные ЦСУ СССР, основанные на материалах опросов 1921—1922 гг. В них указана площадь полевых посевов на Украине в 1920 г.: 16721,0 тыс. дес. [34, с. 122—123, 148]. Из них совхозные посевы составляли не более 75 тыс. дес. [5, с. 61—89]. Значит, крестьянские посевы — около 16646,0 тыс. дес. Учитывая, что в 1909—1913 гг. все посевы составляли 19641,2 тыс. дес., мы установили, что общее сокращение посевов в республике за 1913—1920 гг. составляло около 15 %.

При беглом взгляде на площадь крестьянских посевов (в 1916 г. — 16043,3 тыс. дес. и в 1920 г. — 16646,0 тыс. дес.) кажется, что все обстояло благополучно: крестьяне не только не уменьшили площади своих дореволюционных посевов, но даже несколько расширили их. Это относительное увеличение площади крестьянских посевов на Украине в 1916—1920 гг. отмечено в основных источниках [21, с. 24, 33; 35, с. 65 и др.]. Но это обманчивое суждение. Крестьяне не сумели освоить более чем одну шестую посевных площадей, переданных им Советской властью в ходе аграрных преобразований. Один этот факт свидетельствует об упадке в крестьянском хозяйстве.

Резко изменилась в худшую сторону и структура крестьянских посевов на Украине за 1916—1920 гг. Сократился удельный вес рыночных культур: пшеницы с 28,7 до 25,9 %, ячменя

с 24,8 до 21,2 %, сахарной свеклы, табака, хмеля, бахчевых с 4,0 до 0,3 % [31, с. 160—261; 34, с. 122—123]. За счет их возросли посевы ржи (с 20,1 до 21,2 %), овса (с 8,3 до 9,6 %), гречихи (с 3,8 до 4,8 %), проса (с 2,4 до 5,2 %), имевших в целом натурально-потребительское значение в крестьянском хозяйстве [там же].

Таким образом, количественный урон, который понесло сельское хозяйство в связи с сокращением площади посевов, дополнялся значительным качественным уроном.

Резко упала техника полеводства в крестьянских хозяйствах к концу 1920 г.: обеспеченность сельского хозяйства инвентарем в начале 1921 г. составляла не более 50 % от нормы [14, с. 186]. Даже наладить починку инвентаря было трудной проблемой, изношенность к 1921 г. составляла 50—70 % [36, с. 113].

Ухудшилось и состояние крестьянского животноводства за 1914—1920 гг. К сожалению, состояние источников таково, что нельзя назвать абсолютных данных о численности лошадей, волов, коров и другого скота в крестьянских хозяйствах Украины к концу 1920 г. В цифрах царит разноречие, достигающий по некоторым видам скота сотен тысяч голов [23, с. 115; 8, с. 85—89; с. 65 и др.]. Это вызвано тем, что данные переписи 1920 г. и выборочного весеннего обследования 1921 г. преуменьшены: крестьяне, опасаясь реквизиций скота, всячески уклонялись от дачи верных сведений [35, с. 81]. Поэтому, статорганы вынуждены были внести определенные коррективы, используя различные статистические приемы. Полученные таким путем данные имеют относительную ценность.

При сопоставлении данных 1916 г. и конца 1920 — начала 1921 гг. прежде всего бросается в глаза уменьшение количества всех видов скота, приходившегося в среднем на одно крестьянское хозяйство (в Киевской губернии — на 7 %, в Николаевской — на 17 %, в Кременчугской — на 18,3 %, в Одесской — на 28,6 %) [21, с. 31]. Увеличилась нагрузка в десятинах посева на одну голову рабочего скота с 3,3 до 3,4 дес. в целом по Украине [34, с. 107]. За этот период заметно сократился удельный вес лошадей (с 20,7 до 19,3 %) и свиней (с 17,7 до 16,6 %) и рост удельного веса крупного рогатого скота (с 28,8 до 28,9 %) и особенно овец (с 32,8 до 35,2 %) [там же, с. 140—141]. Эти данные свидетельствуют об ухудшении качественного состава крестьянского стада: лошадей заменяли волами, а во многих районах в качестве рабочей силы применяли и коров, товарное свиноводство падало, рост грубошерстного овцеводства свидетельствовал о натурализации крестьянского животноводства.

Таким образом, к концу 1920 — началу 1921 гг. и в животноводстве Украины мы наблюдали те же процессы, что и в полеводстве: общее ухудшение основных экономических показателей, сокращение товарных отраслей, рост удельного веса отрас-

лей, обслуживающих натуральные потребности крестьянского хозяйства.

Неизбежным спутником общего оскудения крестьянского хозяйства к концу гражданской войны явилось снижение урожайности. По сравнению с 1905—1914 гг. в 1920 г. урожайность восьми главных культур на крестьянских полях Украины (озимая и яровая рожь, яровая пшеница, ячмень, овес, гречиха, просо, кукуруза) понизилась до 47,7 — 69,0 % [35, с. 184; 38, с. 161].

Сокращение посевных площадей и понижение урожайности за 1914—1920 гг. вызвало резкое падение валовых сборов зерна и другой сельскохозяйственной продукции. К сожалению, в источниках не указана точная цифра сбора зерновых на Украине за 1913—1920 гг. и царит цифровой разнობой [35, с. 30, 31, 33; 2, с. 144—145; 12, с. 21; 40, с. 29; 30, с. 11, 32]. По подсчетам А. Я. Альтермана, авторитетного специалиста по хлебному делу, использовавшего данные ЦСК МВД России, в 1913 г. общий валовой сбор девяти главных культур на Украине составлял 1334,6 млн. пудов [2, с. 144—145]. Из этого количества на долю крестьянского производства приходилось около 900—950 млн. пудов [12, с. 21]. В 1920 г., по данным ЦСУ УССР, валовой сбор тех же девяти зерновых составил 513,5 млн. пудов [2, с. 144—145]. Таким образом, сбор хлеба в крестьянских хозяйствах Украины в 1920 г. составлял не более 54—57 % от уровня 1913 г.

В чем же причины сильного упадка, в котором оказалось крестьянское хозяйство Украины к концу 1920 — началу 1921 гг.?

Первый удар крестьянскому хозяйству нанесла империалистическая война. Она, по данным переписи 1917 г., оторвала от хозяйства 35 % мужчин [27, с. 50—54] и 40—50 % скота прифронтовых губерний [32, с. 155]. К 1916 г. на 80 % упало производство сельскохозяйственных машин, а ввоз из-за границы — на 87,4 % против 1913 г. [2, с. 83]. В годы войны началось расстройство товарно-денежных отношений и наметилась тенденция к натурализации крестьянского хозяйства [35, с. 62; 2, с. 96; 40, с. 28].

Еще больший ущерб понесло крестьянское хозяйство Украины в годы гражданской войны, поскольку она оторвала от хозяйства уже 43,5 % мужчин [34, с. 17; 35, с. 62]. Частая смена контрреволюционных властей, когда на Украине, по образному выражению В. И. Ленина, «было 120 правительств» [1, т. 42, с. 363], сопровождалась грабежами крестьянских хозяйств [24, с. 5]. Сокращение поголовья рабочего скота было одной из причин сокращения обрабатываемой пашни и ухудшения качества обработки почвы. Почти полностью прекратился выпуск сельскохозяйственных машин. Так, в 1920 г. годовые потребности в плугах, боронах, культиваторах на Украине были удовлетворены только на 3,5 % [там же, с. 13]. Интервенция и эконо-

мическая блокада разрушили почти все экономические связи между крестьянским хозяйством и промышленностью, отдельными отраслями, между центром и периферией, внутренним и внешним рынками. Ко всему этому в 1920 г. многие районы Украины постиг неурожай.

Нельзя забывать и о других причинах. Так, ликвидация крупных нетрудовых хозяйств — главных производителей товарной сельскохозяйственной продукции в стране, не могло быстро компенсироваться за счет расширения производства в крестьянских хозяйствах [2, с. 95]. Уравнительно-переделческие тенденции в среде крестьянства также весьма отрицательно сказывались на обработке почвы, вызывали неопределенности и неуверенность в прочности землепользования [35, с. 63; 21, с. 32]. Наконец, отрицательное влияние продразверстки, которая сама была порождена условиями ожесточенной гражданской войны и интервенции. Разверстка усиливала процесс сокращения посевной площади, особенно товарных культур в крестьянском хозяйстве. «Разверстка в деревне, — отмечал В. И. Ленин в докладе на II Всероссийском съезде политпросветов, — ...мешала подъему производительных сил и оказалась основной причиной глубокого экономического и политического кризиса, на который мы наткнулись весной 1921 года» [1, т. 44, с. 159]. Жизнь требовала принятия безотлагательных мер. Страна переходила к новой экономической политике.

Список литературы: 1. Ленин В. И. Полное собрание сочинений. 2. Альтерман А. Я. Хлебные ресурсы Украины. — Х., 1923. — 178 с. 3. Відчит Наркомзему УСРР за 1921 р. — Сб. отчетов ВУЦИК, СНК, Наркоматов, Уполномоченных и центральных учреждений УССР 6-му Всеукраїнському съезду Советов. Х., 1921, с. 1—13. 4. Воблий К. Г. Економічна географія України. — К., 1922. — 166 с. 5. Головач Ф. В. З історії радгоспного будівництва в Українській РСР. — К., 1982. — 136 с. 6. Гуревич М. Б. Матеріали к вопросу о дифференциации крестьянского хозяйства Украины. — Х., 1925. — Вып. 3. IX. 28 с. 7. Жилкин С. Украина в цифрах. 1913—1920 гг. — Х., 1922. — 43 с. 8. Збірник статистично-економічних відомостей про сільське господарство України: рік перший. — Х., 1929. — XXXIV; 348 с. 9. Історія селянства Української РСР. — К., 1967. — Т. 2. 534 с. 10. Історія Української РСР. — К., 1977. — Т. 6. 543 с. 11. Каган С. Аграрная революция на Киевщине. — К., 1923. — 73 с. 12. Качинский В. Очердные задачи сельского хозяйства. — В кн.: Народное хозяйство Украины. Х., 1921, вып. 2, с. 15—24. 13. Кичагіна Н. Р. Шефська допомога робітничого класу селу у відбудовний період (1921—1925 рр.) — УІЖ, 1979, № 8, с. 93—98. 14. Комітети незаможних селян України (1920—1933). К., 1968. — 639 с. 15. Кузнецов Н. В. Посевная площадь Одесской губернии. — Одесса, 1922. — 59 с. 16. Лях Р. Д. Розв'язання аграрного питання на Україні (1917—1923 рр.). — Київ—Донецьк, 1975. — 118 с. 17. Матеріали к докладу правительства Украины на второй сессии ЦИК СССР третьего созыва. — Х., 1926. — 225 с. 18. Матеріали к отчету Одесского губернского исполнительного комитета Совета рабочих, крестьянских, красноармейских и краснофлотских депутатов VII губерньскому съезду Советов. — Одесса, 1925. — 359 с. 19. Мигаль Б. К. Здійснення аграрної політики на Україні у відбудовний період (1921—1925 рр.). — Х., 1974. — 167 с. 20. Наемный труд в сельском хозяйстве: Стат. сб. — М., 1926. — 335 с. 21. Народное хозяйство Украины в 1921 г.: Отчет УЭС Совету Труда и Обороны. — Х., 1922. — 886 с. 22. Обзор организации комитетов незаможных

селян с начала организации до 1 декабря 1920 г. — Х., 1920. — 70 с. 23. *Основні питання українського скотарства*: Стат. зб. Х., 1928. — 356 с. 24. *Отчет Наркомзема УССР за 1920 г.* — Сб. отчетов народных комиссариатов УССР, уполномоченных народных комиссариатов РСФСР при СНК УССР и центральных учреждений Украины V Всеукраинскому съезду Советов. Х., 1921, с. 1—18. 25. *Очерки развития народного хозяйства Украинской ССР.* — М., 1954. — 554 с. 26. *Підсумки вибіркового підрахунку сільськогосподарського перепису 1917 р.* — Стат. України, 1931, № 198, с. 1—135. 27. *Погубернские итоги Всероссийской сельскохозяйственной и поземельной переписи 1917 г. по 52 губерниям и областям.* — М., 1930, т. 5, вып. 1, с. 1—87. 28. *Подвінський О.* Основні елементи сільськогосподарського балансу України за 1909—1913 рр. — Х., 1930. — 62 с. 29. *Поляков Ю. А.* Сельское хозяйство Советской страны накануне перехода к нэпу. — Ист. записки, 1963, т. 74, с. 109—147. 30. *Попов П.* Производство хлеба в РСФСР и федерирующихся с нею республиках. — М., 1921. — 56 с. 31. *Предварительные итоги Всероссийской сельскохозяйственной переписи 1916 г.* Вып. 1. Европейская Россия: поуездные, погубернские и районные итоги. — Пгр., 1916. — XLI, 642 с. 32. *Прокопович С. Н.* Война и народное хозяйство. — М., 1918. — 265 с. 33. *Реент О. П.* До питання про допомогу робітників України трудящому селянству у ліквідації розрухи в сільському господарстві у 1920 р. — УІЖ, 1979, № 8, с. 99—103. 34. *Сборник статистических сведений по Союзу ССР. 1918—1923.* — М., 1924. — 481 с. 35. *Сельское хозяйство Украины*: Стат. сб. — Х., 1923. — 232 с. 36. *Советское крестьянство.* Краткий очерк истории (1917—1970). — М., 1973. — 592 с. 37. *Україна*: Стат. справочник. — Х., 1925. — 516 с. 38. *Україна*: Стат. щорічник на 1928 р. — Х., 1928. — XXIII, 387 с. 39. *Шульга З. П.* Підготовка суцільної колективізації сільського господарства на Україні. — К., 1960. — 151 с. 40. *Экспортные ресурсы Украины*: Стат. справочник. — Х., 1923. — 244 с.

Поступила в редколлегию 09.10.84.

В. В. ЛАНТУХ, канд. ист. наук

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ЯРМАРОК ДЛЯ НАЛАЖИВАНИЯ ТОВАРООБОРОТА УКРАИНЫ В ПЕРВЫЕ ГОДЫ НЭПА

После окончания гражданской войны Советское государство совершает крутой поворот от политики «военного коммунизма» к новой экономической политике, рассчитанной на укрепление экономического союза рабочего класса с крестьянством, на победу социализма. В целях установления прочного экономического союза между рабочим классом и крестьянством нужно было наладить товарооборот между промышленностью и сельским хозяйством. Поэтому партия и правительство, приступая к строительству социалистического общества, большое внимание уделяли развитию советской торговли. В. И. Ленин в докладе на VII Московской губпартконференции подчеркивал, что «вопрос о торговле стал практическим вопросом партии, вопросом экономического строительства» [1, т. 44, с. 218].

Большое значение в укреплении товарооборота, упрочении хозяйственных связей имела ярмарочная торговля на Украине. Вместе с тем, в исторической литературе практически не показана ее роль. Отдельные сведения о проходивших в 20-х годах

ярмарках можно встретить в работах Б. А. Архипова, Л. Ф. Морозова, П. Ф. Белого, В. И. Дудукалова и др. [2; 3; 4]. Эти сведения относятся либо к опыту работы Нижегородской ярмарки 1922 г. и торговых связей между советскими республиками, либо к показу деятельности местных ярмарок Сибири.

Попытаемся осветить использование ярмарок в налаживании товарооборота на Украине в первые годы нэпа, отметить их исторически сложившееся место в торговле страны и восстановление в условиях перехода к новой экономической политике, а также их роль в развитии хозяйственных связей в УССР.

Как известно, товарные ярмарки возникли в условиях слабого развития путей сообщения, необеспеченности движения товаров и неналаженности торговых связей. Так, до появления железных дорог на Украине (до 70-х годов XIX в.) почти весь товарооборот проходил через ярмарочную систему, хотя была и магазинная торговля [6, с. 147]. Существовало как бы *ярмарочное колесо* (курсив наш. — В. Л.), ярмарочный торг переходил из одного пункта в другой, третий и т. д., пока не заканчивался годовой цикл, и затем начинался новый. Получалось 10 ярмарок, составлявших один круг, один пояс, охватывающий все Левобережье Украины с центром в Харькове. До 100 тыс. подвод, саней направлялось сюда с товаром из различных районов России: Нижнего Новгорода, Бессарабии, Кавказа, Риги [там же, с. 147]. В Харькове находился главный склад товаров, распределяемых затем по Украинским ярмаркам. За этими крупными шло большое количество сельских ярмарок. В документах отмечается, что только в трех губерниях (Харьковской, Полтавской и Черниговской) насчитывалось до 2600 ярмарок с оборотом свыше 155 млн. р. [8, л. 36].

Своя система ярмарок сложилась и на Правобережье. Ее центром была Киевская Контрактовая ярмарка, истоки которой берут свое начало от Львовских Контрактов XVIII в. Здесь, кроме Контрактов, пользовались большой известностью Бердичевские ярмарки — Успенская и Онуфриевская, связывающая Украину с Польшей.

С постройкой железных дорог, с ростом городов и развитием постоянной торговли значение ярмарок повсеместно падает, в том числе и на Украине, однако они продолжали существовать до 1917 г.

После перехода к нэпу товарообмен с крестьянством на практике стал превращаться в торговлю. 29 октября 1921 г., выступая на VII Московской губпартконференции, В. И. Ленин констатировал, что «с товарообменом ничего не вышло, частный рынок оказался сильнее нас, и вместо товарообмена получилась обыкновенная купля-продажа, торговля» [1, т. 44, с. 208]. В статье «О значении золота теперь и после полной победы социализма» 5 ноября 1921 г. он сформулировал вывод о том, что единственным средством установления связи между десятками миллио-

нов мелких земледельцев и крупной промышленностью является «оживление внутренней торговли при ее правильном государственном регулировании (направлении)» и что торговля — именно то «звено» в исторической цепи событий, «за которое надо всеми силами ухватиться» нам, ... коммунистической партии. Если мы теперь за это звено достаточно крепко «ухватимся», мы всей цепью в ближайшем будущем овладеем наверняка. А иначе нам всей цепью не овладеть, фундамента социалистических, общественно-экономических отношений не создать» [там же, с. 225].

Советское государство на первых порах не имело возможности взять на себя организацию торговой системы во всех ее звеньях. В. А. Архипов и Л. Ф. Морозов, объясняя причину восстановления ярмарок, указывают на необходимость «упорядочения частной торговли и направление ее в контролируемые государственно-капиталистические формы» [2, с. 41]. На наш взгляд, причины, вызвавшие к жизни ярмарки (о них говорилось выше) и возрождение их в начале нэпа, практически одни и те же. Это и отсутствие постоянной торговли, а значит, и неналаженность торговли и хозяйственных связей, и слабо развитая сеть путей сообщения. Достоинство ярмарок заключалось в том, что не нужно было расходовать больших средств, привлекать специальные кадры (которых еще и не было) и т. п., так как это форма — традиционная, т. е. самодельная, требующая всего минимум. Надо было только доставить государственные товары в одно место и закупить, если нужно, сырье у крестьян. Удобно и быстро.

В дальнейшем, именно с развитием торговых центров, ростом организованности торговли, по мере совершенствования народного хозяйства в целом замирают ярмарки, падает их бывшее значение.

Ввиду данных обстоятельств правительство РСФСР в январе 1922 г. признает целесообразным восстановить Нижегородскую и другие ярмарки. 13 ноября 1922 г. Всеукраинская комиссия по внутренней торговле (Комвнутторг) обсудила опыт работы Нижегородской ярмарки и отметила, что «в общей схеме нашей торговли ярмарка продолжает играть определенную роль и возрождение их отвечает интересам нашей внутренней торговли. Современная наша торговля чрезвычайно слаба и не доходит до... потребителя. Товарные запасы концентрируются в центре и с трудом попадают в провинцию, а тем более в глубинные и отдаленные участки. Ярмарки, особенно мелкие и средние, обещают торговле в этом отношении существенную помощь. Поэтому возобновление украинских ярмарок — очередная задача наших хозяйственных органов» [8, л. 38]. Работа по возобновлению местных ярмарок возлагалась на губернское экономическое совещание (Губэконо).

В 1923 г. были восстановлены крупнейшие Украинские ярмарки: Харьковская Крещенская и Киевская Контрактовая. 37 % оборота Крещенской ярмарки пришлось на ткани, завезенные из Московского промышленного района, пользовавшиеся большим спросом [6, с. 149]. Хозяйственные органы Белоруссии доставили сюда лесоматериалы, стекло, другие товары были полностью из северных губерний РСФСР, Урала, Забайкалья.

Первая советская Контрактовая ярмарка способствовала широкому деловому знакомству между собой государственных торговых организаций, установлению между ними торговых связей. Уже в 1923 г. на ней были представлены 215 государственных и кооперативных организаций из всех союзных республик. Из Московского и Петроградского промышленных районов было завезено 42 тыс. пудов ткани, из Баку и Грозного — 14 тыс. пудов смазочных материалов. Петроградский кожтрест отправил на ярмарку 31 тыс. пар обуви. Спичечные фабрики Белоруссии избежали грозившего им кризиса сбыта, реализовав в Киеве большую партию своей продукции. Всего на ярмарку было завезено 1138 тыс. пудов различных товаров, из которых только 3 % остались непроданными [3, с. 24—25].

Размеры оборотов двух названных ярмарок по годам (1923, 1924, 1925) представлялись в таком виде [5, с. 76]:

Харьковская	9 млн. р.	24,2 млн. р.	13,4 млн. р.
Киевская	11,7 млн. р.	17,7 млн. р.	14,0 млн. р.
Всего	20,7 млн. р.	41,9 млн. р.	27,4 млн. р.

В первый год возникновения Киевская Контрактовая ярмарка превышала своими оборотами Харьковскую Крещенскую, во второй — на первое место выдвинулась Харьковская, затем — снова Киевская.

Близость сроков этих двух главных украинских ярмарок, несомненно, ослабила размах ярмарочного торга. Одна ярмарка стала мешать другой. Во время расцвета на Украине ярмарочного торга Крещенская входила в ярмарочное колесо Левобережья, а Контрактовая была органически связана с хозяйственной жизнью Правобережья. Опыт проведения ярмарок в 20-е годы показал ненужность одной ярмарки, таковой была признана Крещенская. В 1926 г. ее отменили.

В 1926 г. Контрактовая ярмарка была единственной и крупной на Украине. Односторонний ее оборот, несмотря на наличие товарного голода в том году, поднялся до 68 845,8 тыс. р. — уровня небывалого в истории этой ярмарки [6, с. 151]. Ее оборот в 1926 г. на 63 % превысил оборот трех предшествующих ярмарок вместе взятых. Это свидетельствует о превращении Киевской Контрактовой ярмарки в крупнейшую на Украине.

На всех четырех контрактных ярмарках государственные организации занимали господствующее положение в продаже и в закупке, уступая только кооперации. Удельный вес частных

торговцев слабел, особенно заметно в продажах. Об участии торгующих организаций в оборотах (%) на Киевской ярмарке свидетельствуют данные таблицы.

Год	Государственные организации	Кооперация	Частные фирмы
1923	78,2/39,6	12,4/47,6	9,4/12,8
1924	87,0/51,3	10,0/39,9	3,0/8,8
1925	90,9/42,1	6,6/51,1	3,4/6,8
1926	87,7/44,1	10,9/50,2	1,4/5,7

Примечание. В числителе приводятся данные о продаже, в знаменателе — о закупке товаров (в %).

Кстати, если на ярмарке 1923 г. в Киеве было представлено только 47 кооперативных организаций, то на ярмарке 1924 г. — уже 547 [там же, с. 150].

Следует отметить, что существовали и специализированные ярмарки. Среди них — Ильинская ярмарка в Полтаве и Георгиевская (ныне г. Кировоград), где основным объектом ярмарочного торгова являлся скот. Причем скота в 1925 г. на Ильинскую ярмарку доставили 11 600 голов, в 1926 — 8 209 голов, хотя оборот этой ярмарки был сравнительно невелик: в 1924 г. — 618 тыс. р., в 1925 г. — 717 тыс. р., в 1926 г. — 650 тыс. р.

На Георгиевскую ярмарку в 1924 г. было пригнано 2122 головы скота, в 1925 г. — 11 000, в 1926 г. — 12 350 [там же, с. 155].

К началу 1926 г. (по данным ЦСУ) на Украине числилось 15 202 ярмарки в 1490 населенных пунктах республики, в то время как еще в 1924 г. по всей стране их насчитывалось до 10 тыс. По количеству ярмарок выделялось Правобережье (9320 ярмарок), Полесье (2563), Левобережье (2341) и, наконец, степь (2341). Необходимо отметить связь ярмарочного торгова с густотой населения: наиболее населенные районы отличались и большим количеством ярмарок. Ярмарок с годовым или месячным перерывом было всего 3,6 тыс., т. е. менее 1/4 всего количества ярмарок [там же, с. 155]. Был характерен небольшой радиус ярмарочного тяготения — в среднем 13,3 версты при максимуме — 50 верст и минимуме — 1 верста; для годовых ярмарок радиус был несколько больше — 14 верст (в среднем). Это означает, что такое количество ярмарок на Украине обслуживали местные районы небольшого масштаба, и большинство их приурочивалось к праздничным дням осени или весны.

Ввиду несомненного успеха ярмарок, роста их числа потребовалось принятие положения о ярмарках, которое предусматривало порядок их организации и работы. В 1926 г. было издано постановление ЦИК и Совнаркома СССР «О ярмарках», согласно которому они подразделялись на общесоюзные, республиканские и местные. Местные, в свою очередь, подразде-

лялись на губернские, краевые, автономных республик и окружные, а также на уездные, волостные и сельские.

Руководящими органами ярмарки являлись комитеты и совещания уполномоченных ярмарочных торговцев. В круг ведения совещания входило обсуждение вопросов торговли и благоустройства ярмарки. Третья часть состава комитета избиралась этим совещанием, который по окончании работы должен был представить отчет о своей деятельности на утверждение Наркомторга соответствующей союзной республики [там же, с. 317—321].

Грузооборот Харьковской и Киевской ярмарок показывает, что по мере того, как шла организация внутренней торговли, в частности оптовой торговли, падала необходимость в завозе крупных партий товаров на территорию ярмарки. Так, на Харьковскую ярмарку в 1923 г. было завезено 721 тыс. пудов грузов, в 1924 г. — 600 тыс., а в 1925 г. — всего лишь 264,9 тыс. пудов, или 37,4 % от грузооборота ярмарки 1923 г. [5, с. 76]. На Киевскую ярмарку в 1923 г. прибыло 181 233 тыс. пудов грузов, в 1924 г. — 117 606 тыс., в 1925 г. — 208 602, а в 1926 г. — только 60 492 тыс. пудов [там же, с. 154].

Это означало, что от прежней громоздкой ярмарки с обязательным завозом больших товарных масс, товарная все больше превращается в оптовую, в ярмарочный съезд, способствующий выявлению спроса и предложения, установлению и упрочению хозяйственных связей.

Так, на долю контрактных сделок на ярмарке в 1925 г. в Киеве приходилось уже 58,5 % всей суммы ярмарочного оборота. А на ярмарке 1926 г. контрактный оборот носил еще более значительный размер. Операции с наличным товаром составляли только 25,7 % [там же, с. 153].

Предметом ярмарочного торгового являлись почти исключительно промышленные товары (в 1926 г. на Киевской ярмарке их было 91,3 %). Харьковская Крещенская ярмарка (1923—1925 гг.) отличалась по составу товарной массы от Киевской тем, что на ней проходили большие сделки на металл и топливо. На ярмарке 1925 г. на долю металлов приходилось 39,6 % от общей ценности ее оборота [там же, с. 151]. Сельскохозяйственная группа товаров еще мало была втянута в ярмарочный оборот. В 1926 г. на ярмарке в Киеве — только 3,0 % — на 2,1 млн. р. [там же, с. 153].

Обилие контрактных сделок свидетельствовало о том, что Киевская ярмарка превращалась в контрактный съезд, где заключались договоры по снабжению товарами, т. е. она сближалась в этом отношении со старыми контрактами. Поскольку Киевская осталась (с 1926 г.) единственной крупнейшей украинской ярмаркой, она была важным звеном в общей системе советской торговли и превратилась в ярмарочный съезд. Контракты облегчали выявление спроса и предложения, содейство-

вали установлению хозяйственного равновесия, облегчали хозяйственникам выявление конъюнктуры. Совпадение ярмарки в Киеве с переломом сезона давало возможность подвести итоги зимней торговли и наметить перспективы весенней и летней торговли.

Таким образом, ярмарки, как исторически сложившиеся центры торговли в стране, восстановленные после перехода к новой экономической политике, сыграли в отсутствие хорошо налаженной системы постоянной оптовой и розничной торговли определенную роль в налаживании товарооборота. Достаточно сказать, что в некоторых уездах Украины ярмарочные обороты составляли до 80 % всего торгового оборота [там же, с. 144]. Товарные ярмарки возникли и росли в условиях неналаженности торговых и хозяйственных связей, слабого развития путей сообщения. По мере развития народного хозяйства в целом роль старого типа товарных ярмарок стала падать и заменилась, в известной мере, специальными ярмарками образцов и контрактов. В свою очередь они теряли свое значение по мере совершенствования форм товарооборота, по мере становления и развития советской государственной и кооперативной торговли.

Список литературы: 1. Ленин В. И. Полное собрание сочинений. 2. Архипов В. А., Морозов Л. Ф. Борьба против капиталистических элементов в промышленности и торговле, 20-е—начало 30-х годов. — М., 1978. — 263 с. 3. Белый П. Ф. Межреспубликанская торговля в восстановительный период. — Вопросы истории, 1979, № 6, с. 17—31. 4. Дудукалов В. И. Развитие советской торговли в Сибири в годы социалистического строительства (1921—1928 гг.). — Томск, 1978. — 219 с. 5. Итоги хозяйственного строительства УССР за 1923—1924 год. — Х., 1925. — 256 с. 6. Торговля Украины. По биржевым данным за 1925—26 хозяйственный год. — Х., 1927. — 363 с. 7. ЦГАОР СССР, ф. 374. 8. Харьковский областной архив, ф. Р-203, оп. 1, ед. хр. 640.

Поступила в редколлегию 02.11.84.

И. Л. ШЕРМАН, д-р ист. наук, С. М. КУДЕЛКО

**СОВРЕМЕННАЯ СОВЕТСКАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ
О ЗНАЧЕНИИ ПРОЦЕССА СОЗДАНИЯ
МАТЕРИАЛЬНО-ТЕХНИЧЕСКОЙ БАЗЫ СОЦИАЛИЗМА
В ПРОМЫШЛЕННОСТИ ДЛЯ ПРЕОДОЛЕНИЯ
ЭКОНОМИЧЕСКОГО НЕРАВЕНСТВА НАРОДОВ СССР**

Советская историография 60—80-х годов характеризуется появлением целого ряда работ, в которых анализируется процесс выравнивания уровней промышленного развития на материалах союзных и большинства автономных республик, а также многих краев и областей [2; 3; 4 и др.]. Ликвидация отсталос-

ти отдельных районов и крупных регионов нашей страны рассматривается как одно из важнейших условий построения материально-технической базы социализма в промышленности СССР, а достижение ими общесоюзного уровня—как показатель завершения переходного периода от капитализма к социализму.

Задача выравнивания уровней промышленного развития бывших национальных окраин России была решена в ходе создания материально-технической базы социализма. В литературе встречается мнение, согласно которому советский народ стал закладывать ее лишь с переходом к политике индустриализации [19, с. 6; 22, с. 66], что неверно. Сужение хронологических рамок создания такой базы ошибочно как с фактической стороны, так и с точки зрения периодизации истории советской исторической науки, о чем свидетельствует общесоюзная дискуссия начала 60-х годов [11; 14 и др.].

В 60—80-е годы вышло более 50 монографических исследований, сотни статей. Большое внимание уделено рассматриваемому вопросу в общих фундаментальных исследованиях, посвященных развитию экономики СССР в целом. Советская историческая наука обогатилась новыми концепциями и обобщениями, позволяющими завершить теорию построения социализма в ранее отсталых национальных районах.

Ученые, исследующие ранее отсталые районы СССР, выясняют уровень экономического развития, достигнутый отдельными народами и национальными регионами к концу восстановительного периода. Делается это с целью, как правило, сопоставить максимальный уровень, достигнутый в предреволюционное время, с началом реконструкционного периода, а также чтобы сравнить этот последний с достижениями индустриализации. Если в 50-е и начале 60-х годов большинство исследователей ограничивалось лишь сравнением высших достижений буржуазной России с успехами реконструктивного периода, то в последние годы многие авторы стали больше уделять внимания изменениям, которые претерпела экономика страны с 1913 (как правило) по 1925—1930 гг. Восстановленная промышленность была не тождественна старой, предвоенной. Первая мировая, гражданская войны, последующие события внесли значительные структурные и иные изменения (не считая колоссальных разрушений) в хозяйство. Для отдельных районов эти изменения значили куда больше, чем для страны в целом (Белоруссия, Карелия, Молдавия, которые в силу новых политических границ оказались отрезанными от прежних традиционных источников получения сырья и районов сбыта промышленной продукции). Если в 1913 г. вся Белоруссия входила в состав Российской империи, то после Рижского мирного договора 1920 г. 40 % ее территории оказалось в составе буржуазной Польши. Разрыв хозяйственных и других связей болезненно сказался на экономически наиболее отсталых национальных районах Запада

нашей страны, усложнил построение в них основ социалистического общества.

Изучение уровня достигнутого в том или ином ранее отсталом районе к моменту начала социалистической реконструкции ставит перед исследователями сложную задачу. Необходимо правильно оценить достигнутый уровень и имеющиеся условия. К сожалению, сделать это удастся далеко не всем авторам. Помимо тенденции отдельных ученых приуменьшить уровень промышленного развития, достигнутый к концу восстановительного периода [8, с. 57], распространена и другая крайность, заключающаяся в преувеличении степени промышленного развития тех или иных национальных районов. Порой эти две тенденции соседствуют у одних и тех же авторов. Примером этого могут служить «Очерки по истории Башкирской АССР» [15, с. 643]. В них, с одной стороны, утверждается, что до революции башкиры лишь вступили на путь капиталистического развития, а с другой — говорится о наличии в Башкирии крупной промышленности, заводов, фабрик и т. д. [там же, с. 347, 249, 358]. Во многих случаях тяжело выделить экономику того или иного района (прежде всего национального) из общесоюзной или республиканской. Значительные затруднения испытывают многие авторы, пытаясь установить сроки (как правило, более поздние по сравнению с центральными районами) перехода к реконструктивному периоду и дать объяснение этому явлению.

Так, Ф. Л. Саяхов и некоторые другие авторы выступают против, как они выражаются, «абсолютизации» процессов, происходивших в социалистической экономике. Они полагают, что этапы развития экономики отдельных районов страны определяются не местными особенностями, а общегосударственными процессами [20], т. е. речь идет о том, чтобы абсолютизировать этапы развития экономики. Ш. Н. Ульмасбаев, С. А. Слива и др. полагают, что социалистическая индустриализация в Узбекистане разворачивалась одновременно с восстановлением существующих отраслей промышленности [22, с. 65]. Е. Е. Тармаханов, В. Ф. Пашуков, Ф. И. Ермаков и др. считают, что в то время как в центральных областях уже велась борьба за индустриализацию, в Казахстане, в Средней Азии, Бурятии и некоторых других районах еще решалась задача восстановления народного хозяйства [21, с. 18 и др.]. Верным нам представляется такое решение вопроса, когда исследователи найдут правильное соотношение между общегосударственными процессами и местной спецификой.

Отдельные авторы считают, что для ликвидации фактического неравенства народов создание и обеспечение преимущественного развития тяжелой индустрии или всех основных отраслей промышленного производства в каждой республике не требовалось [13, с. 19]. По их мнению, стремление к созданию указанных отраслей привело бы к распылению средств и замед-

лению темпов развития народного хозяйства страны в целом [3, с. 48]. При такой постановке вопроса возникает проблема: что же считать ликвидацией неравенства народов в промышленности? Решая ее, В. Я. Алексеев, например, утверждает, что эта задача была решена в том содержании и смысле, в каком она стояла и стоит в буржуазном обществе [там же, с. 51]. Сам собой напрашивается вопрос: в каком смысле и содержании стоит задача ликвидации неравенства народов после завершения социалистической индустриализации?

Авторы многих работ на первый план выдвигают для ранее отсталых национальных районов задачу догнать старые промышленные районы. На самом деле наличие материально-технической базы социализма определяется тем, что, как отмечает А. П. Бутенко, «...позволяет она или нет решать социально-экономические задачи социализма...» [6, с. 158], а не достижением уровня того или иного более передового района. В литературе, на наш взгляд, еще не достаточно разработана методика сопоставления уровней развития отдельных национальных районов СССР. Общепринятых критериев еще нет. При оценке уровней развития автономных республик и областей, отмечается в историографической литературе, требуется иной подход, чем при оценке уровня развития союзных республик [9, с. 269]. Это в целом правильное положение еще требует конкретизации (тем более, что некоторые автономные республики, как, например, Казахстан, Киргизия, были в ходе индустриализации преобразованы в союзные).

Конечно, не все поиски национальной специфики приносят положительные результаты. Но заниматься этим следует. Говоря о переходе к социализму, В. И. Ленин в варианте статьи «Очередные задачи Советской власти» указывал, что «...конкретные условия и формы этого перехода неизбежно являются и должны быть разнообразными в зависимости от тех условий, при которых начинается движение, направленное к созданию социализма. И местные отличия, и особенности экономического уклада, и бытовые формы, и степень подготовленности населения, и попытки осуществить тот или иной план — все это должно отразиться на своеобразии пути к социализму в той или иной трудовой коммуне государства» [1, т. 36, с. 152].

Перед историками ряда республик Северного Кавказа, Поволжья стоит сложная задача найти правильное соотношение между уровнем развития соответствующей территории и коренного населения. Речь идет о том, чтобы адекватно исторической истине установить стоявшие перед этими республиками задачи и пути их разрешения. На территории многих национальных образований проживали (и иногда в значительном числе) представители других национальностей, например, к началу реконструктивного периода в Татарской АССР, Карельской АССР

и некоторых других коренное население составляло менее половины всего населения. Для русских не стояла задача миновать капиталистическую стадию развития, в то время когда эта задача стояла перед совместно с ними проживающими марийцами, удмуртами, чувашами, мордвой и др. Следует иметь в виду и то, что порой на территории той или иной национальной республики была еще в предшествующее время создана крупная промышленность, но обслуживалась она, как правило, русскими. Поэтому следует различать такие понятия, как, скажем, национальная республика и та или иная национальность.

В исторической литературе предпринимаются попытки учесть отмеченные нами различия, но далеко не все они удачны. Так, Л. Ф. Саяхов, отмечая различия в уровне экономического развития северо-западных и юго-восточных башкир, делает следующее неожиданное заключение: «Было бы правильно отнести первых к той группе народов, которая успела пройти определенный отрезок капиталистического пути развития, а вторых — к группе, которая находилась на более низкой ступени капиталистического развития» [20, с. 19]. Такое деление представляется методологически ошибочным. Если идти по этому пути, то можно любой народ раздробить на части и каждую отнести к народам, находящимся на различной ступени развития. К тому же и те народы, с которыми собирается автор соотнести северо-западных и юго-восточных башкир, тоже можно разложить по предложенному принципу. В. И. Ленин выделил в свое время три главных экономических района США, однако не относил их к тем или иным народам [1, т. 27, с. 136].

Сложность поставленной задачи заставляет некоторых историков упрощать ее решение. Например, Ю. Ф. Воробьев заявляет: «Показатели экономического уровня той или иной республики могут меняться в зависимости от территориальных границ. Чтобы элиминировать влияние районирования, целесообразно рассматривать республики как национально-территориальные образования главным образом в одних и тех же границах» [7, с. 11]. Такой подход вряд ли следует считать правильным, хотя, конечно, так значительно удобнее: легче производить исчисления и т. п., но при этом могут получаться искажения и чем значительнее изменения границ, тем значительнее будут эти искажения. Стремление абстрагироваться от деталей привело к тому, что Ю. Ф. Воробьев порой допускает небрежность при составлении таблиц, подкрепляющих его тезисы. Так, в таблице № 11 он пропустил Казахскую ССР, в таблице № 5 — Белорусскую ССР, в данных переписи населения на странице 81 отсутствуют данные по Белоруссии и Армении и т. п. [там же, с. 81]. В. И. Ленин в работе «Статистика и социология» отмечал, что «факты, если взять их в их целом, в их связи, не только «упрямая», но и безусловно доказательная вещь... Чтобы это был действительно фундамент, необходимо брать не отдельные

факты, а всю совокупность относящихся к рассматриваемому вопросу фактов, без единого исключения...» [1, т. 30, с. 350—351].

Большое внимание исследователи уделяют формам помощи передовых районов отсталым (перенос предприятий из центра на окраины и т. д.). Большинство исследователей полагает, что этот процесс не является искусственным насаждением промышленности на окраинах [12, с. 37]. Однако встречаются и другие оценки. Отдельные авторы полагают, что перенос промышленных предприятий в ранее отсталые районы имел скорее психологический эффект, чем экономический. Во многих работах характеризуются такие формы помощи, как финансовая, присылка оборудования, станков и механизмов, квалифицированных кадровых рабочих, специалистов, ученых, отмечается льготная для ранее отсталых районов налоговая политика Советского государства и т. д. [4, с. 5—6; 16, с. 448 и др.].

Однако главное внимание специалистов, по рассматриваемой нами проблеме, сосредоточено на новом строительстве [15, с. 336]. В большинстве национальных районов новое строительство началось в период восстановления существующих отраслей промышленности [22, с. 65]. Многие авторы утверждают, что переход к политике индустриализации в тех или иных ранее отсталых районах начался позже, чем по стране в целом (называют 1927, 1928, 1929, 1930 гг.) [там же, с. 97], и утверждают (как Е. Е. Тармаханов в отношении Бурятии), что «процесс превращения Бурятии из отсталой аграрной окраины царской России в индустриально-колхозную республику охватывает такой же период, как индустриализация СССР в целом» [21, с. 18]. Но вопрос, совпадает ли период индустриализации в СССР в целом и в отдельных республиках и регионах, остается открытым. В. С. Лельчук отмечает, что не только по срокам, но и по содержанию, по задачам сам ход превращения ранее аграрных районов СССР в индустриально развитые комплексы подчас во многом отличался от общесоюзной индустриализации [9, с. 269]. При такой постановке вопроса получают поддержку те авторы, которые полагают, что индустриализация (и создание материально-технической базы социализма) в ранее отсталых республиках и краях завершается позже, чем в СССР в целом. Положение не спасают призывы отдельных авторов четко разграничить индустриализацию и индустриальное развитие республик и т. п. в тот или иной период [там же]. Понятие индустриальное развитие республики, края шире, чем понятие индустриализация и включает в себя последнее. Заслуживает внимания точка зрения В. Ф. Пашукова, который считает, что «сооружение ударных объектов крупной индустрии имело значение для всех районов страны. В этом смысле индустриализация СССР в целом являлась также индустриализацией всех его районов» [18, с. 18]. Правда, автор допускает ошибку. Он утверждает,

что «без ликвидации фактического неравенства народов Коммунистическая партия не могла достичь главной своей национальной политики — добровольного союза народов...» [17, с. 10]. Но ведь СССР — добровольный союз народов, был создан в 1922 г., задолго до того, когда было ликвидировано фактическое неравенство в области экономики и культуры.

Задача выравнивания уровней экономического развития ранее отсталых районов СССР, в том виде, в котором она досталась нашему государству в наследство от царской России, решена. Однако интерес среди исследователей к ней по-прежнему велик. Современная советская историография проблемы достигла серьезных успехов в разрешении ее важнейших вопросов. Появились работы по большинству ранее отсталых районов, и прежде всего национальных. На новую высоту поднялась теоретическая мысль. Во многом по иному осмыслен путь, пройденный ранее отсталыми районами СССР к социализму. Среди вопросов, которые наиболее активно изучаются, следует назвать такие, как роль Коммунистической партии в преодолении отсталости, определение исходного уровня социалистической индустриализации, проблема темпов роста промышленности, степень сближения народов, роль отдельных республик и регионов в деле построения материально-технической базы социализма в СССР и др.

Большое внимание авторы уделяют пропаганде советского опыта ликвидации экономического неравенства народов. При этом они руководствуются указанием В. И. Ленина о том, что «главное свое воздействие на международную революцию мы оказываем своей хозяйственной политикой» [1, т. 43, с. 341].

Перед советскими обществоведами стоят задачи исследования таких вопросов, как предпосылки создания материально-технической базы социализма в ранее отсталых районах, поиски закономерного в этом процессе на примерах отдельных районов, дальнейшее уточнение представлений о сущности социалистического метода индустриализации, показ международного значения опыта СССР, критика антимарксистских измышлений. При решении этих вопросов большое значение имеет изучение современного этапа сближения народов СССР. Достижения современной науки в раскрытии закономерностей социализма должны быть творчески использованы при изучении этапов социалистического строительства.

Список литературы: 1. Ленин В. И. Полное собрание сочинений. 2. Алиев А. И. Исторический опыт строительства социализма в Дагестане. — Махачкала, 1969. — 223 с. 3. Алексеев В. Я. Социалистическая индустриализация и некоторые вопросы выравнивания уровней экономического и культурного развития народов РСФСР. — В кн.: Роль социалистической индустриализации в развитии автономных республик Российской Федерации. Уфа, 1974. с. 47—58. 4. Аствацатуров А. А. Дружба, сотрудничество, братство. — Орджоникидзе, 1969. — 140 с. 5. Братское содружество союзных республик в развитии народного хозяйства СССР, 1917—1971. — М., 1973. — 556 с. 6. Буген

ко А. П. Социализм как общественный строй. — М., 1977. — 287 с. 7. Воробьев Ю. Ф. Выравнивание уровней экономического развития союзных республик. — М., 1965. — 215 с. 8. Ермаков Ф. И. КПСС — организатор братского сотрудничества народов СССР в создании материально-технической базы коммунизма. — Саратов, 1972. — 205 с. 9. Зак Л., Лельчук В., Погудин В. Строительство социализма в СССР: Историография. — М., 1971. — 320 с. 10. Историческая наука в Сибири за 50 лет. — Новосибирск, 1972. — 432 с. 11. Лось Ф. К вопросу о периодизации истории советской исторической науки. — История СССР, 1960, № 4, с. 146—149. 12. Магидова Ш. Г. Деятельность КПСС по ликвидации фактического неравенства ранее отсталых народов. — В кн.: Ленинское учение о возможности перехода отсталых народов к социализму и его осуществление. Махачкала, 1972, с. 35—43. 13. Малабаев М. Партийная организация Киргизии в борьбе за развитие промышленности в реконструктивный период. — Фрунзе, 1967. — 352 с. 14. Нечкина М. В. К итогам дискуссии о периодизации истории советской исторической науки. — История СССР, 1962, № 2, с. 57—78. 15. Очерки по истории Башкирской АССР. — Уфа, 1966. — 643 с. 16. Очерки истории Карачаево-Черкесии. — Черкесск, 1972. — Т. 2. 448 с. 17. Пашуков В. Ф. Осуществление ленинской политики индустриализации в Марийской АССР (1928—1941 гг.). — Йошкар-Ола, 1969. — 312 с. 18. Пашуков В. Ф. Партийное руководство социалистической индустриализацией Марийской АССР. 1926 — июнь 1941 г. Автореф. дис. ...д-ра ист. наук. — М., 1976. 30 с. 19. Роль социалистической индустриализации в развитии автономных республик Российской Федерации. — Уфа, 1974. — 216 с. 20. Саяхов Ф. Л. Борьба Башкирской партийной организации за осуществление ленинского плана построения социализма (1926—1937 гг.). Автореф. дис. ...д-ра ист. наук. — Пермь, 1968. — 50 с. 21. Тармаханов Е. Е. Промышленность и рабочий класс Советской Бурятии. 1938—1958. — Новосибирск, 1964. — 150 с. 22. Ульмасбаев Ш. Н., Слива С. А. Индустриальное развитие Узбекистана за годы Советской власти. — Ташкент, 1966. — 270 с.

Поступила в редколлегию 21.09.84.

В. В. ТИМОФЕЕВ

ДВИЖЕНИЕ ИЗОБРЕТАТЕЛЕЙ И РАЦИОНАЛИЗАТОРОВ В 1966—1970 гг. (НА МАТЕРИАЛАХ МАШИНОСТРОИТЕЛЬНОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ УССР)

Борьба за прогресс в науке и технике — важнейшая общенародная задача. Ее решение в большой мере определяется ростом трудовой и творческой активности трудящихся, прежде всего рабочего класса. В новой редакции Программы КПСС указывается на необходимость активной борьбы за снижение трудоемкости изделий, за сокращение потерь рабочего времени, внедрение новейшей техники и технологии, за укрепление порядка и дисциплины, широкое применение прогрессивных форм научной организации труда, за поднятие культуры производства и стабильность трудовых коллективов [11, 1986, 7 марта].

Важную роль в мобилизации коллективов на трудовые и творческие свершения играют активные проводники НТП — изобретатели и рационализаторы, в том числе и те из них, кто

занят на предприятиях машиностроительного профиля. Отсюда понятен интерес ученых и широкой общественности к участникам патриотического движения и их творчеству.

Исследовательская литература не обходила вниманием многие вопросы борьбы трудящихся, рабочего класса Украины за НТП в годы восьмой пятилетки — годы начала глубокой перестройки работы промышленности и значительного подъема творческой активности тружеников индустрии. В ряде работ содержится и оригинально интерпретируется весьма интересный материал и о машиностроителях нашей республики [1; 2; 4—9]. Однако избранные для исследования вопросы (эффективность патриотического движения и состав его участников), тем более во взаимосвязи, нечасто привлекали внимание ученых. Попытаемся несколько восполнить этот пробел.

В годы восьмой пятилетки изобретатели и рационализаторы нашей страны достигли новых творческих успехов, при этом значительно превысив показатели предшествующих лет. За 1966—1970 гг. в народном хозяйстве СССР использовано 15,6 млн. изобретений и рацпредложений, что на 13 % больше, чем за предыдущие пять лет. Экономия от внедрения новшеств в сравнении с предшествующим пятилетием увеличилась на 46 % [13, ф. 539, оп. 1, д. 2555, л. 17].

На этом фоне развивалась и творческая активность машиностроителей УССР — участников патриотического движения изобретателей и рационализаторов. В 1970 г. число авторов, подававших предложения, превысило 200 тыс. чел., увеличившись в сравнении с показателем 1966 г. на 30 %. За годы пятилетки новаторы машиностроения подали и внедрили соответственно 1314, 4 тыс. и 967,2 тыс. предложений. В 1970 г. на машиностроительных предприятиях республики было внедрено рацпредложений на 26 %, а изобретений в 3 раза больше, чем в 1966 г. В среднем творчество одного рационализатора-машиностроителя Украинской ССР обеспечивало годовой экономический эффект, равный 763 р. Прибыль от рационализаторской работы в расчете на 1 рубль затрат составила по машиностроению и металлообработке 15,1 р., в том числе по тяжелому, энергетическому и транспортному машиностроению — 23,7 р., строительному, дорожному и коммунальному — 20,4 р., тракторному и сельскохозяйственному — 22,7 р. [15, ф. 582, оп. 30, д. 274, л. 1—2, д. 378, л. 1—10, д. 489, л. 3—6, д. 613, л. 1—4, д. 710, л. 1—3].

На отраслевых заводах Киева, Харькова, Донецка каждый 4—5-й работник подавал рацпредложения. В целом же по республике количество изобретателей и рационализаторов в пересчете на 1000 машиностроителей возросло за годы пятилетки с 92 до 94 чел. [2, с. 114; 15, ф. 582, оп. 30, д. 274, л. 1—2, д. 710, л. 1—3].

Достижения машиностроителей УССР в движении изобретателей и рационализаторов определялись не только повышением

массовости, но прежде всего высоким уровнем рационализаторской активности. Об этом свидетельствует пересчет основных показателей развития технического творчества на 100 рационализаторов, подававших предложения. В наибольшей мере сказанное характерно для предприятий «Тяжэнерготрансмаша», «Стройдоркоммунмаша», а также «Тракторосельхозмаша». В пересчете на 100 активных участников технического творчества в этих отраслях машиностроительной промышленности соответственно подавалось 157, 156, 144 предложения, а экономия от их внедрения составила 102, 129, 125 тыс. р. Экономический эффект в расчете на одно внедренное новшество на предприятиях указанных отраслей был равен: 1,48; 1,69; 1,64 тыс. р. Все эти показатели явно выше, чем сопоставимые с ними сведения по машиностроению Украинской ССР (143 рац. предл., 77 тыс. р., 0,93 тыс. р.) да и по народному хозяйству республики в целом (127 рац. предл., 85 тыс. р., 0,92 тыс. р.) [15, ф. 582, оп. 30, д. 274, л. 1—2, д. 710, л. 1—3].

Анализ уровня рационализаторской активности машиностроителей УССР обнажает и проблемы, которые сдерживали поступательное развитие патриотического движения. Одна из них состоит в том, что количество внедренных новшеств и полученная при этом экономия в пересчете на 100 рационализаторов в машиностроении оказались ниже, чем в народном хозяйстве республики в целом. Это свидетельствует о том, что в ряде отраслей машиностроительной промышленности имели место такие неблагоприятные для технического творчества факторы, как трудности чисто производственного характера, преимущественное внедрение предложений с заведомо высоким экономическим эффектом, значительный процент отклоненных предложений, недостатки в организации самого движения. Учет и постепенное изживание названных неблагоприятных факторов — один из резервов дальнейшего повышения действенности движения борцов за ускорение НТП.

Не следует, однако, забывать, что вторая половина 60-х годов была временем дальнейшего поступательного развития движения творцов нового, их коллективной, непрерывной, высокоэффективной творческой деятельности по совершенствованию новой техники и передовой технологии. Достигнутые в этом успехи во многом объясняются напряженной работой партийных, общественных, хозяйственных организаций по созданию условий для деятельности новаторов, а также повсеместной поддержкой ее машиностроителями республики.

На фоне заметных достижений изобретателей и рационализаторов вполне уместен вопрос о составе участников патриотического движения. Ведь общеизвестные формы статотчетности, к сожалению, не дают достаточно полной информации о тех, кто осознанно стремился ускорять НТП.

Касаясь этого вопроса, исследователи прежде всего характеризуют количественный рост рядов ВОИР и изменение доли рабочих, женщин, молодежи в первичных и выборных организациях и органах этого общества. Действительно, за годы восьмой пятилетки число членов названной организации на Украине увеличилось на 50 %, при этом свыше половины всего состава ВОИР было представлено рабочими [4, с. 45; 8, с. 192]. Мы находили подтверждение приведенным данным на многих машиностроительных заводах республики.

С целью более обстоятельного изучения состава активных рационализаторов, т. е. тех, кто не только состоял в рядах ВОИР, но и персонально подавал предложения, нами было проведено обследование книг учета рационализаторских предложений пяти машиностроительных заводов республики: Киевских станков-автоматов и «Точэлектроприбор», Харьковского турбинного, Донецкого им. 15-летия ЛКСМУ, Запорожского автозавода «Коммунар» [17, ф. 1002, оп. 1, д. 694, л. 1—47, д. 768, л. 1—62, д. 802, л. 1—53, д. 840, л. 1—59; 18, Материалы БРИЗ. Книги учета рацпредложений за 1966—1970 гг.; 19, Материалы БРИЗ. Внедренные предложения, т. 1—17. Отклоненные предложения, т. 18—26; 20, ф. 1, оп. 1, д. 2859, л. 1—308, д. 1394, л. 1—349; 21, Материалы БРИЗ за 1966—1970 гг.].

Результаты обследования дают определенное представление о социально-профессиональной принадлежности авторов поданных предложений. Только из числа зарегистрированных новшеств 45 % было внесено рабочими. Это подтверждается выводами, которые были сделаны исследователями на материалах других предприятий [10].

Среди рабочих обследованных заводов, которые активно участвовали в техническом творчестве в 1966—1970 гг., выделялись слесари. Только индивидуально они подавали предложений больше, чем токари, фрезеровщики, электрики и электромонтеры, модельщики, шлифовщики и зубошлифовщики, термисты и наладчики вместе взятые.

Преобладание слесарей среди рабочих — авторов предложений объясняется не только и не столько тем, что специальность слесаря (различных специализаций) относится на предприятиях машиностроения к числу наиболее распространенных. Вклад слесарей в рационализаторское творчество значительно выше занимаемого ими места в профессиональной структуре рабочих отрасли. Более того, обследование показало, что, если доля предложений слесарей в числе новшеств, принадлежащих рабочим, ниже 30 %, высокого уровня творческой активности рабочих-рационализаторов ожидать не приходится. Весомая роль слесаря в техническом творчестве объясняется прежде всего содержанием его труда, широкой сферой приложения рационализаторской мысли.

Анализ профессионального состава рабочих — активных рационализаторов показал не только преобладание слесарей, но также и недостаточное привлечение представителей многих других рабочих специальностей. На машиностроительных предприятиях обычно заняты рабочие 85—90 профессий, из них регулярно участвуют в техническом творчестве представители лишь 16—18. Это серьезный резерв повышения массовости да и эффективности в рационализаторской работе.

По подсчетам социологов, 80 % рацпредложений подавалось теми, кто проработал на производстве не менее 10 лет [3, с. 133]. Из этого необходимо исходить при обстоятельном изучении качественного состава творцов новой техники и передовой технологии.

Возраст, как известно, не является решающей предпосылкой активного участия в борьбе за научно-технический прогресс, однако в сочетании с такими факторами, как профессиональная принадлежность, квалификация (у большинства участников она не ниже IV разряда), стаж работы, уровень образования, состав изобретателей и рационализаторов по возрасту во многом определяет действенность всего патриотического движения.

Мы распределили всех авторов индивидуально поданных предложений на 8 возрастных (менее 20, 20—24, 25—29, 30—34, 35—39, 40—44, 45—49, 50 и более лет) и 8 профессиональных (слесари, токари, фрезеровщики, наладчики, модельщики, электрики и электромонтеры, другие рабочие профессии, инженерно-технические работники) групп. Причем реально в той или иной группе учитывалось не количество авторов, к ней принадлежавших, а число поданных ими предложений.

Обследование показало, что в возрасте до 24 лет рабочие подают, по понятным причинам, не меньше предложений, чем ИТР. На Киевском заводе станков-автоматов, Харьковском турбинном и Донецком заводе им. 15-летия ЛКСМУ рабочие-рационализаторы, достигнув 25 лет, начинали подавать предложения систематически. Однако это больше относится к молодым слесарям, а также токарям и фрезеровщикам. Представители других профессий проявляли определенную активность лишь при внедрении заимствованных новшеств. Несмотря на то что в коллективах многих машиностроительных предприятий Украины был накоплен значительный опыт в деле привлечения молодежи к техническому творчеству [16, ф. 5074, оп. 1, д. 456, л. 102—106, д. 521, л. 77, д. 548, л. 48—53, д. 633, л. 20—23, 35, 133, д. 157, л. 133], полностью за годы восьмой пятилетки эту задачу решить не удалось [8, с. 194].

В шести возрастных группах (с III по VIII) преобладают предложения, авторами которых были ИТР и служащие. Десятилетие наиболее активного рационализаторского творчества у рабочих, также как и у инженерно-технических работников—

30—39 лет (IV и V возрастные группы). Несколько ниже возможного участвуют в рационализаторстве авторы предложений в возрасте 40—49 лет. Это явление, как и факт повышения индивидуальной активности рационализаторов старше 50 лет (примерно до уровня III возрастной группы — 25—29 лет), еще нуждается в специальном исследовании применительно к условиям конкретного производства. На отдельных предприятиях рабочие и ИТР в 40—49 лет больше участвуют в коллективных формах технического творчества, чем в индивидуальных, однако проследить это на всех обследованных нами заводах не удалось.

Среди рационализаторов-рабочих всех и особенно старших возрастных групп преобладают опять-таки слесари. Здесь сказались не только средний возраст слесарей, но также и специфика формирования у них производственного и рационализаторского опыта.

Постоянно усложнявшийся характер промышленного производства вел к утверждению в движении изобретателей и рационализаторов начал коллективности, что, в частности, проявлялось и в увеличении числа предложений, поданных в соавторстве. По нашим подсчетам, за годы восьмой пятилетки их удельный вес в общем количестве зарегистрированных новшеств возрос на Киевском заводе «Точэлектроприбор» с 17 % до 21 %, Харьковском турбинном — с 27 % до 48 %, Киевском станков-автоматов — с 22 % до 27 %, Донецком им. 15-летия ЛКСМУ — с 31 % до 50 %. Рост, как видим, произошел значительный, хотя более 2/3 всех предложенных новинок имели не более чем по два автора.

В среднем по обследованным нами предприятиям ежегодно фамилии рабочих в списках соавторов упоминались 154 раза. Чаще других это были слесари. В документах БРИЗа Запорожского автозавода «Коммунар» они упомянуты около 500 раз, в то время как токари — 45, фрезеровщики — 30, наладчики — 91, модельщики — 60, рабочие других профессий — 242 раза. Причем у слесарей ориентация на совместное творчество с инженерно-техническими работниками прослеживается намного чаще, чем у рабочих иных специальностей. В 330 из 500 случаев слесари упомянуты в соавторстве с ИТР.

Здесь уместно будет сказать о значимости для слесаря производственного и рационализаторского опыта. Ведь при столь высокой творческой активности его общеобразовательный уровень нередко ниже, чем у представителей многих других профессиональных групп рабочих машиностроения.

Произведенные нами исследования позволяют сделать вывод о том, что как в индивидуальном, так и в коллективных формах технического творчества отчетливо проявилась авангардная роль коммунистов и комсомольцев — участников патриотического движения. Новаторы-коммунисты лично участво-

вали в разработке и внедрении 25—30 % всех индивидуально или коллективно поданных предложений. Об этом же свидетельствуют данные по Донецкой области и Одесскому «Автогенмашу», где каждый пятый активный рационализатор был коммунистом [12, 1970, 16 сент.; 14, ф. 4428, оп. 1, д. 33, л. 161].

В книгах учета рацпредложений нередко регистрировались, как соавторские, новшества, разработанные и зачастую внедренные членами комплексных творческих бригад изобретателей и рационализаторов. Эти добровольные объединения рабочих, ИТР, служащих направляли свои усилия на решение неотложных проблем совершенствования технологии, совместную разработку и внедрение предложений.

В Украинской ССР количество комплексных творческих бригад (КТБ) увеличилось за восьмую пятилетку на 34 %, их участников — на 42 %, а число разработанных и внедренных ими новшеств — на 78 % [16, ф. 5074, оп. 1, д. 362, л. 2 об., д. 411, л. 2 об., д. 480, л. 2 об., д. 542, л. 1 об., д. 630, л. 1 об.]. Необходимость создания подобных коллективов осознавалась самими машиностроителями — участниками борьбы за НТП. Новаторы обратили внимание на большую эффективность рационализаторской работы в составе КТБ.

Из 56 членов 12-ти КТБ Житомирского завода «Электроизмеритель» 42 человека были рабочими. Представители отраслевого отряда рабочего класса входили в такие же объединения на Одесском «Сельмаше», Николаевской «Дормашине» и на многих других машиностроительных заводах Украины [13, ф. 539, оп. 1, д. 2242, л. 111, д. 2243, л. 146, 155]. За время 1966—1970 гг. удельный вес членов КТБ среди рационализаторов обследованного нами Запорожского автозавода «Коммунар» возрос с 28 % до 46 %, а доля внедренных ими предложений — с 6 % до 22 %.

Профессиональная принадлежность членов комплексных творческих бригад, удельный вес в них рабочих и ИТР зависели от характера решавшейся задачи. Однако большая часть названных творческих коллективов не мыслила свою деятельность без непосредственного и все более активного участия в ней рабочих.

К примеру, за 1966—1970 гг. числе членов общественных конструкторских и технологических бюро увеличилось в 3 раза, однако свыше 25 % неизменно составляли рабочие-новаторы, обладавшие высокой квалификацией, большим производственным и рационализаторским опытом [6, с. 163; 15, ф. 3854, оп. 4, д. 313, л. 6]. При этом не нужно забывать, что ОКБ и ОТБ длительное время считались творческими объединениями, в которых по силам было сотрудничать только инженерно-техническим работникам. Все заметнее и эффективнее участие рабочих в деятельности школ технического творчества, консультационных пунктов, шефских групп.

Пополнение состава активных рационализаторов и изобретателей рабочими-новаторами, их вклад в дальнейшее повышение действенности всего патриотического движения — яркие и примечательные черты борьбы тружеников машиностроения республики за научно-технический прогресс.

Анализ состава изобретателей и рационализаторов свидетельствует также и о возможных резервах повышения действенности их творчества: укреплении среди новаторов партийно-комсомольской прослойки, вовлечении в борьбу за НТП представителей как можно большего числа профессиональных групп рабочих, более рациональном использовании творческих возможностей всех производственников-машиностроителей в возрасте до 30-ти лет, не забывая при этом и тех, кто достиг 40—49 лет. Многие зависит и от укрепления организации самого движения, совершенствования практики материального и морального стимулирования с учетом вклада каждого как при подаче предложения, так и внедрении его.

Сказанное позволяет сделать вывод о том, что опыт рационализаторов-машиностроителей 1966—1970 гг., в том числе и в области совершенствования качественного состава участников патриотического движения, стал крайне важен для борцов за ускорение научно-технического прогресса и в годы последовавших пятилеток.

Список литературы: 1. *Алексеев Г. М.* Движение изобретателей и рационализаторов в СССР. 1917—1977. — М., 1977. — 239 с. 2. *Народне господарство Української РСР в 1970 р.* Стат. щорічник. — К. 1971. — 565 с. 3. *Зворыкин А. А.* Наука, производство, труд. — М., 1965. — 260 с. 4. *Плющ М. Р.* Технічна творчість робітничого класу Української РСР (1959—1970). — К., 1973. — 183 с. 5. *Рабочий класс СССР. 1966—1970.* — М., 1979. — 429 с. 6. *Рабочий класс развитого социалистического общества.* — М., 1974. — 276 с. 7. *Робітничий клас і науково-технічний прогрес: Іст. нарис.* — К., 1980. — 259 с. 8. *Романцов В. О.* Робітничий клас Української РСР (1946—1970 рр.). — К., 1972. — 219 с. 9. *Федорчак П. С.* Шляхом трудових подвигов. — Львів, 1974. — 224 с. 10. *Чуланов Ю. Г.* Изменения в составе и уровне творческой активности рабочего класса СССР. 1959—1970 гг. — Л., 1974. — 154 с. 11. *Правда.* 12. *Правда Украины.* Орган ЦК Компартии Украины. 13. *Центральный архив ВЦСПС.* 14. *Партийный архив Одесского обкома Компартии Украины.* 15. *ЦГАОР УССР.* 16. *Объединенный архив Укрсовпрофа.* 17. *Архив Киевского завода станков-автоматов.* 18. *Архив Киевского завода «Точэлектроприбор».* 19. *Архив Харьковского турбинного завода.* 20. *Архив Донецкого завода им. Ленинского комсомола Украины (15-летия ЛКСМУ).* 21. *Архив Запорожского автозавода «Коммунар».*

Поступила в редколлегию 25.10.84.

**РОСТ РЯДОВ ПРОФСОЮЗНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ
В КОЛХОЗАХ УКРАИНСКОЙ ССР (1976—1980 гг.)**

Важное место в политической системе нашего общества принадлежит профессиональным союзам. Как отмечалось на XVII съезде профсоюзов СССР: «Теперь, когда профсоюзное движение наряду с городом охватило и село, охватило колхозы, профсоюзы превратились в организацию трудящихся уникальную, как по численности — 130 миллионов — так и по качественным характеристикам» [4, с. 7].

Это стало возможным только в условиях социалистического общества, и является ярким свидетельством преимуществ социалистической демократии, способствующей все более широкому развитию социальной активности трудящихся масс, перед буржуазной демократией. В. И. Ленин в докладе на II Всероссийском съезде профсоюзов говорил: «В самых передовых странах, после десятилетий, иногда даже после столетий развития цивилизации и культуры у буржуазной демократии никогда не случалось, чтобы профессиональные союзы охватывали больше, чем одну пятую часть наемных работников» [1, т. 37, с. 445].

Такое положение и сейчас характерно для большинства капиталистических стран, где с каждым годом сокращаются ряды профсоюзов. Самым большим позором для Америки назвал видный американский публицист Дж. Моррис бедственное положение мигрирующих сельскохозяйственных рабочих, лишь незначительная часть которых организована в профсоюзы [13, с. 103—104].

Современный этап профсоюзного движения в нашей стране характеризуется повышением роли и влияния профессиональных союзов на развитие не только промышленного, но и сельскохозяйственного производства. Объединив в годы 10 пятилетки в ряды профсоюзов всех желающих колхозников, профсоюз работников сельского хозяйства ныне является самым крупным отраслевым профсоюзом не только в СССР, но и в международном профсоюзном движении.

Однако столь значительное социально-политическое завоевание социализма, сам процесс вовлечения широких крестьянских масс в профсоюз, пока еще не нашел должного отражения в исторической литературе, хотя его значение трудно переоценить. Целый класс влился в профессиональные союзы, которые служат проводниками политики партии в массы. Тем не менее вопросам создания и организационного укрепления профсоюзов на селе посвящены лишь отдельные статьи [8; 17]. Недостаточная изученность данной проблемы отмечалась и в ряде историко-графических исследований [10, с. 170; 15, с. 140]. Нельзя не со-

гласиться с их авторами в том, что вопросы деятельности сельских профсоюзных организаций освещены недостаточно как на Украине, так и в общесоюзном масштабе. Попытаемся в какой-то мере восполнить этот пробел и осветить процесс массового вовлечения колхозного крестьянства в профессиональные союзы.

Идея создания профсоюзов на селе принадлежит В. И. Ленину, который на VIII Всероссийском съезде Советов указывал: «Укрепить работу профсоюзов — значит распространить ее не только на сельский пролетариат, но на все трудящееся крестьянство» [1, т. 42, с. 170—171]. При этом В. И. Ленин подчеркивал сложность этой задачи: «Как это сделать, мы еще не знаем. Мы задачу поставили в программе партии, мы к ней будем возвращаться много раз и добиваться, чтобы эта задача была разрешаема практически с разных сторон» [там же].

Насколько сложен был вопрос о вовлечении всего крестьянства в профсоюз свидетельствует тот факт, что для его решения потребовался целый исторический период. Так, в сельском хозяйстве до конца 50-х годов профсоюзы объединяли рабочих совхозов и МТС, а также некоторую часть сельской интеллигенции (агрономов, зоотехников, инженеров и др.). С 1958 г., после реорганизации МТС, были созданы профсоюзные группы в колхозах из числа механизаторов, перешедших на постоянную работу в колхозы.

В 1964 г., исходя из постановления ноябрьского (1964 г.) Пленума ЦК КПСС «Об объединении промышленных и сельских областных, краевых партийных организаций», V Пленум ВЦСПС принял решение о преобразовании профгрупп в колхозные профорганизации [16, с. 472].

В дальнейшем, следуя курсом мартовского (1965 г.) Пленума ЦК КПСС, заложившим основы современной аграрной политики партии, были достигнуты большие успехи в деле индустриализации сельского хозяйства, дальнейшего сближения двух форм социалистической собственности, что привело к огромным изменениям в экономическом и социальном облике современной деревни. Постепенное сближение в характере и уровнях оплаты труда колхозников и рабочих, распространение на колхозников системы государственного социального страхования способствовало ликвидации существенных различий между двумя классами и создало объективные условия для объединения в профсоюз всех колхозников [11, с. 58—59].

Начиная с 1976 г. в деятельности сельских профсоюзов начинается новый этап, связанный с увеличением их численности. На XXV съезде КПСС было отмечено: «За последнее время все более повышается роль профсоюзных организаций в колхозах. Необходимо способствовать увеличению их массовости, что будет иметь немалое значение для решения задач подъема сельского хозяйства и улучшения условий труда и быта колхозников» [2, с. 84]. В сентябре 1976 г., руководствуясь указаниями

XXV съезда КПСС, XI Пленум ВЦСПС принял постановление «Об увеличении массовости профсоюзных организаций колхозов», в котором комитетам профсоюза работников сельского хозяйства было предложено осуществить меры по приему в профсоюз всех колхозников на основе строгого соблюдения принципа добровольности» [5, с. 14].

Решения XXV съезда КПСС и XI Пленума ВЦСПС имели огромное значение для Украины. В 1976 г. в республике было 7235 колхозов и 2087 совхозов [14, с. 159], численность работающих в которых соответственно составляла — 4853 и 1483 тыс. чел. [там же, с. 214].

Трудящиеся республики с воодушевлением восприняли решение о приеме колхозников в профсоюз. Наиболее ярко энтузиазм, с которым колхозники вступали в профсоюз, выразила лучшая доярка ордена Трудового Красного Знамени колхоза им. Г. И. Петровского Ахтырского района Сумской области Тимченко Е. Е. На XII областной профсоюзной конференции 1977 г. она сказала: «Мы, животноводы, удовлетворены тем, что нам предоставлено право вступить в члены профсоюза. Хочется, чтобы роль профсоюзных организаций колхозов была ощутимой и проявлялась так, как на предприятиях, фабриках и заводах. Наши колхозники с большим удовлетворением вступают в профсоюз. Уже более 70 % рядовых колхозников обратились с просьбой принять их в члены профсоюза» [20, ф. 5065, оп. 1, д. 1497, л. 85].

Многогранная работа профсоюзных организаций по созданию профкомов в колхозах проходила под непосредственным руководством партийных организаций. Вопросы о приеме колхозников в профсоюз в конце 1976 г. были заслушаны на бюро Киевского и Черкасского обкомов партии [18, ф. 5, оп. 69, д. 75, л. 6; 20, ф. 2605, оп. 8, д. 75, л. 6].

Наиболее распространенной формой партийного руководства профсоюзами в исследуемый период было заслушивание отчетов об их деятельности по вопросу создания профсоюзных комитетов в колхозах. Работа многих обкомов, райкомов профсоюза была рассмотрена на бюро областных и районных комитетов партии. Вопросы, связанные с деятельностью профкомов колхозов, обсуждались во многих первичных парторганизациях. Это способствовало повышению авторитета сельских профорганизаций, усилению их организаторской роли в производственной и общественной жизни трудовых коллективов. Так, бюро Сумского обкома Компартии Украины в марте 1977 г. заслушало вопрос «О работе обкома профсоюза работников сельского хозяйства по выполнению постановления ВЦСПС «Об увеличении массовости профсоюзных организаций колхозов», после чего только в 1977 г. пять райкомов профсоюза Сумской области отчитались на бюро райкомов партии о проделанной работе по вовлечению колхозников в профсоюз [20, ф. 5065, оп. 1, д. 1497,

л. 92]. Работа партийной и профсоюзной организации по увеличению массовости профсоюзных организаций в колхозах Гребенковского района Полтавской области в марте 1978 г. стала предметом обсуждения на секретариате Полтавского обкома Компартии Украины [там же, д. 1607, л. 69].

Большое внимание работе профорганизаций уделяли сельские райкомы партии. Вопросы приема колхозников в члены профсоюза были рассмотрены в марте 1977 г. на бюро Первомайского райкома партии Харьковской области [19, ф. 28, оп. 40, д. 7, л. 2—3], а также на бюро Таращанского и Яготинского райкомов партии Киевской области в сентябре 1977 г. и октябре 1978 г. [18, ф. 511, оп. 29, д. 14, л. 8; ф. 5159, оп. 30, д. 18, л. 187].

Партийные организации нацеливали профсоюзные комитеты на то, чтобы главное внимание они уделяли разъяснительной работе среди колхозников, в беседах и на собраниях объясняли роль и задачи профсоюзов на современном этапе, а также льготы и преимущества членов профсоюза.

Проведенная работа способствовала активизации деятельности профсоюзов на селе. В республике прошли профсоюзные собрания, на которых осуществлялся прием колхозников в профсоюз. В конце 1976 г. в колхозах Киевской области были проведены собрания с повесткой дня: «О задачах профсоюзных организаций в связи с постановлением Пленума ВЦСПС по увеличению массовости профсоюзных организаций в колхозах» [20, ф. 2505, оп. 8, д. 9898, л. 2], а в начале 1977 г. эти вопросы были рассмотрены на профсоюзных собраниях в Полтавской области [там же, ф. 5065, оп. 1, д. 1497, л. 78].

Президиум Украинского республиканского комитета профсоюза работников сельского хозяйства в ноябре 1976 г. рассмотрел вопрос «О ходе выполнения постановления XI Пленума ВЦСПС «Об увеличении массовости профсоюзных организаций колхозов» комитетами республики». К этому времени более 80 тыс. колхозников уже стали членами профсоюза. Президиум отметил обкомы и райкомы профсоюзов Киевской, Ровенской, Волынской областей, которые с самого начала хорошо организовали работу по приему колхозников в профсоюз [там же, д. 1448, л. 9].

В большинстве колхозов республики собрания проходили в торжественной обстановке, и в числе первых членами профсоюза становились передовики производства, наиболее достойные, знатные труженики села. Так, в колхозе им. XXI съезда КПСС Мелитопольского района Запорожской области в числе первых стала членом профсоюза знатная птичница Коломиец А. М., проработавшая в колхозе 17 лет [там же, д. 1497, л. 48], а в колхозе им. Кабанца Обуховского района Киевской области среди 58-ми вновь принятых в члены профсоюза колхозников были кавалеры ордена Трудового Красного Знамени доярки

Е. В. Морозов, О. П. Литвиненко, М. А. Качай, а также кавалер ордена Октябрьской революции О. М. Довбыш [там же, ф. 2605, оп. 8, д. 9898, л. 3].

Положительный опыт работы по вовлечению колхозников в профсоюз был накоплен профсоюзными организациями Харьковской, Днепропетровской, Полтавской и рядом других областей. Так, президиум Харьковского обкома профсоюза работников сельского хозяйства в октябре 1976 г. рассмотрел вопрос «О задачах областного и районных комитетов профсоюзов работников сельского хозяйства в свете постановления XI Пленума ВЦСПС «Об увеличении массовости профсоюзных организаций колхозов» и утвердил развернутый план мероприятий по выполнению этого постановления [21, ф. Р-5935, оп. 1, д. 691, л. 147—148]. Обком профсоюза регулярно заслушивал отчеты райкомов профсоюза работников сельского хозяйства об их работе по увеличению массовости профсоюзных организаций в колхозах. Так, в январе 1977 г. президиум обкома заслушал отчет Богодуховского райкома профсоюза [там же, д. 729, л. 7], а в феврале 1978 г. — Шевченковского райкома по вопросу о приеме колхозников в профсоюз [там же, д. 762, л. 158—159]. В январе 1979 г. президиум Харьковского обкома профсоюза работников сельского хозяйства обобщил опыт работы профкома колхоза «Украина» Первомайского района и рекомендовал его для распространения и использования в практической деятельности во всех колхозах области [там же, д. 797, л. 66]. Проведенная работа способствовала тому, что численность Харьковской областной профсоюзной организации за три года 10 пятилетки возросла более чем на 70 тыс. колхозников и в 1979 г. насчитывала в своих рядах около 110 тыс. колхозников [там же, 769, л. 1].

В Днепропетровской области в мае 1978 г. обком профсоюза организовал совещание всех председателей райкомов профсоюза и профкомов колхозов по вопросу о ходе выполнения решений XI Пленума ВЦСПС. Для участников совещания совместно с редакцией областной газеты «Заря» были выпущены две специальные страницы об опыте работы лучших профкомов колхозов Новомосковского, Криничанского и Солонянского районов [20, ф. 5065, оп. 1, д. 1607, л. 15].

Полтавский обком профсоюза два раза в месяц анализировал оперативную отчетность о ходе приема колхозников в профсоюз. Для улучшения деятельности вновь созданных профсоюзных организаций обком профсоюза стал практиковать и такой метод, как проведение совещаний за «деловым столом», на которые приглашались секретари парткомов, председатели правлений и профкомов колхозов. Они делились опытом работы, рассказывали о трудностях, вносили конкретные предложения. В 1978 г. такие совещания были проведены в Лубенском районе

на базе колхоза им. А. А. Жданова, а также в Кобеляцком, Шишацком районах [там же, л. 70].

Вместе с тем тот факт, что в профсоюзные организации вливались миллионы колхозников, не мог не привести к ряду трудностей и ошибок. Так, в некоторых колхозах структура профсоюзных организаций не сразу приводилась в соответствие с производственной структурой, с характером труда в колхозах. Это вело к тому, что на многих участках цеховые комитеты не создавались вообще, а профгруппы насчитывали 100 и более чел. Такие факты имели место в ряде колхозов Жашковского и Смелянского районов Черкасской области [там же, ф. 2605, оп. 8, д. 9898, л. 16]. Кроме того, в ходе приема колхозников в члены профсоюза, отдельные профкомы допускали нарушения Устава профсоюзов. В колхозах им. Г. И. Котовского Винницкой области, им. Мичурина Жашковского района и «Первое мая» Маньковского района Черкасской области прием в профсоюз новых членов был осуществлен не решением собрания, а постановлением профкома. В некоторых колхозах на собраниях одновременно рассматривалось по 150 и более заявлений колхозников о приеме в профсоюз [там же, ф. 5065, оп. 1, д. 1491, л. 4]. Понятно, что такая практика умаляла значимость проводимой работы, вносила элементы формализма.

Для дальнейшего улучшения работы профкома колхозов большое значение имело постановление Президиума ВЦСПС от 26 августа 1977 г. «Об особенностях применения положения о правах фабричного, заводского, местного комитета профессионального союза к профессиональному комитету колхоза, рыболовецкого колхоза» [6, с. 95—101]. Принятое постановление юридически закрепило права профкомов колхозов и значительно их расширило. Так, профсоюзный комитет получил право участия в разработке проектов организационно-хозяйственного и производственного планов колхоза, положений о внутрихозяйственном расчете и оплате труда, плана социального развития коллектива и правил внутреннего распорядка. Профсоюзные организации были наделены правом заслушивать должностных лиц о выполнении соглашений по социальным вопросам и охране труда, мероприятий по улучшению материального, бытового и культурного обслуживания колхозников и требовать устранения выявленных недостатков. Эти меры способствовали повышению роли и авторитета профсоюзных комитетов в колхозах.

Большую помощь профсоюзным организациям на местах по устранению имеющихся недостатков в работе оказал Республиканский комитет профсоюза работников сельского хозяйства. Только за 10 месяцев 1978 г. Президиум 8 раз заслушивал вопросы, касающиеся различных сторон деятельности профсоюзных комитетов колхозов. В этот период работники Республиканского комитета выезжали во все области Украины и оказали

помощь 151 райкому профсоюза, 442 первичным профорганизациям колхозов [20, ф. 5065, оп. 1, д. 1534, л. 171—172].

Практическую помощь профсоюзным комитетам колхозов в период их становления оказывали местные партийные организации, которые заботились об укреплении профкомов достойными кадрами. Эти вопросы были в центре внимания партийной организации колхоза им. С. М. Буденного Мироновского района Киевской области. Партком этого колхоза в октябре 1977 г. рассмотрел вопрос «Об утверждении прогруппиров и председателей цеховых комитетов в колхозе» и рекомендовал профсоюзному собранию избрать на эти должности лучших активистов [18, ф. 8434, оп. 1, д. 23, л. 172—173]. Затем в мае 1978 г. партийный комитет заслушал отчет председателя профкома колхоза о ходе приема в профсоюз колхозников и создания профгрупп в полеводческих бригадах. Постепенное внимание парткома к деятельности профсоюзных организаций способствовало тому, что уже к октябрю 1978 г. 92 % работающих в колхозе вступили в профсоюз, и структура профорганизации была приведена в соответствие с производственной [там же, д. 24, л. 55, 128].

Работа партийной организации колхоза им. Т. Г. Шевченко Киевской области по руководству профсоюзами стала предметом обсуждения на заседании бюро Мироновского райкома партии в мае 1977 г. Парткому колхоза было указано на необходимость больше внимания уделять вопросам подбора, воспитания и расстановки профсоюзного актива на решающих участках производства [там же, ф. 97, оп. 26, д. 13, л. 10].

В колхозе «Коминтерн» Зачепиловского района Харьковской области кандидатура на должность председателя профкома предварительно обсуждалась в январе 1978 г. на заседании партийного комитета, после чего была рассмотрена на профсоюзном собрании [19, ф. 4774, оп. 1, д. 78, л. 3].

Рост численности профсоюзных организаций в колхозах УССР на 1 января (тыс. чел.) [9, с. 157; 20, ф. 5065, оп. 1, д. 1406, л. 50, 54, 59, 64, 74, 77, 79; д. 1455, л. 46, 50, 57, 62, 66, 76, 83, 86; д. 1504, л. 47, 52, 58, 63, 68, 76, 83, 84; д. 1550, л. 47, 53, 60, 63, 67, 77, 80, 81; д. 1635, л. 45, 49, 52, 56, 64, 67, 68].

Области УССР	1976 г.	1977 г.	1978 г.	1979 г.	1980 г.
Киевская	39,9	73,0	142,8	156,1	154,4
Днепропетровская	45,6	61,9	124,3	141,5	141,9
Запорожская	38,6	50,1	103,1	116,7	114,3
Львовская	31,4	41,9	158,5	174,7	177,4
Сумская	41,0	79,0	130,6	154,4	152,5
Харьковская	39,8	54,5	102,3	110,0	106,0
Херсонская	24,8	40,6	62,5	78,9	77,7
Всего	960,1	1392,1	3028,4	3700,4	3746,0

О масштабах проводимой работы по приему колхозников в профсоюз можно судить по данным таблицы (составлена нами. — А. Б.). Анализ данных, приведенных в таблице, свидетельствует о том, что на Украине в исследуемый период в ряды профсоюзов было принято около 2 млн. 800 тыс. колхозников а в целом по стране — почти 12 млн. чел. [4, с. 36]. Некоторое уменьшение численности членов профсоюза в 1980 г., по сравнению с 1979 г., характерное для большинства областей республики, связано с уменьшением числа работающих в колхозах в связи с преобразованием некоторой части колхозов в совхозы по решению общих собраний колхозников.

Таким образом, в годы 10 пятилетки в рядах профсоюзного движения были объединены все колхозники. Как отметил XXVI съезд КПСС «Приняв в свои ряды миллионы колхозников, профсоюзы охватывают теперь практически всех трудящихся» [3, с. 66]. Профсоюзные организации значительно окрепли, улучшился их качественный состав. Они стали надежной опорой партии на селе, что будет иметь немаловажное значение в выполнении Продовольственной программы.

Список литературы: 1. Ленин В. И. Полное собрание сочинений. 2. Материалы XXV съезда КПСС. — М., 1976. — 256 с. 3. Материалы XXVI съезда КПСС. — М., 1981. — 223 с. 4. Материалы XVI съезда профессиональных союзов СССР. — М., 1982. — 176 с. 5. Сборник постановлений ВЦСПС. Июль-сентябрь, 1976. — М., 1976. — 168 с. 6. Организационно-массовая работа профсоюзов. — М., 1978. — 44 с. 8. Бондар Т. И. Создание и организационное укрепление профсоюзных организаций в колхозах Украинской ССР (1958—1977 гг.). — Вопр. истории СССР. Респ. межведомств. науч. сб. X., 1981. вып. 26, с. 79—85. 9. Бойовий загін Ленінської партії. — К., 1980. — 178 с. 10. Изучение отечественной истории в СССР между XXV и XXVI съездами КПСС. — М., 1982. — 596 с. 11. Иванов Е. А. Профсоюзы в политической системе развитого социализма. — М., 1978. — 280 с. 12. История профессиональных союзов Украинской ССР. — К., 1983. — 663 с. 13. Морис Дж. Профсоюзы СССР и США в сравнении. — М., 1979. — 174 с. 14. Народное хозяйство Украинской ССР. Юбилейный стат. ежегодник. — К., 1977. — 464 с. 15. Плісюк В. П. Аграрна політика КПРС в умовах розвинутого соціалізму в радянській літературі. — УІЖ, 1983, № 5, с. 135—143. 16. Справочная книга о профсоюзах. — М., 1968. — 517 с. 17. Штефан В. Л. До питання про партійне керівництво добром, розстановкою і вихованням кадрів сільських профспілок (1966—1970 рр.). — УІЖ, 1980, № 3, с. 48—56. 18. Парта́рхив Киевского обкома Компартии Украины. 19. Парта́рхив Харьковского обкома Компартии Украины. 20. Объединенный архив Укрсовпрофа. 12. Архив Харьковского облсовпрофа.

Поступила в редколлегию 17.11.84

В. Д. КОЗЛИТИН

СОВЕТСКО-ЮГОСЛАВСКИЕ ТЕАТРАЛЬНЫЕ СВЯЗИ (1917—1941 гг.)

На актуальность изучения советско-югославских отношений как с политической, так и с научной точек зрения указывали ученые на состоявшейся в мае 1984 г. IV сессии комиссии исто-

риков СССР и СФРЮ, посвященной политическим, военным, экономическим и культурным связям народов СССР и СФРЮ (1917—1941 гг.) [9, с. 153—155]. Важное место в этом занимало сотрудничество в сфере культуры. Их исследование ведут около 60 лет историки, литературоведы, искусствоведы, специалисты в области педагогики обеих стран (В. В. Зеленин, А. И. Иоффе, В. Г. Карасев, М. М. Сумарокова, В. А. Тесемников, В. Винавер, Ф. Деак и др.). В своих трудах они показали, что дружба между народами нашей страны и Югославии имеет глубокие исторические корни, осветили условия, в которых развивались советско-югославские культурные связи в 1917—1941 гг., выявили основные факторы, воздействовавшие на этот процесс. Из отдельных областей культуры лучше изучены взаимосвязи в сфере художественной литературы, значительно хуже — в области театрального искусства.

Исследование советско-югославских театральных контактов начали югославские ученые. В 1948 г. увидела свет книга историка хорватского театра, члена-корреспондента Югославской Академии наук и искусств в Загребе, профессора С. Батушича «Станиславский в Загребе» [22]. Автор подробно описал гастроль Московского художественного театра в Загребе в 1922—1923 гг., проследил распространение идей К. С. Станиславского в театральном искусстве Югославии, осветил благотворное влияние его системы на хорватский театр. Ценность этой работы заключается в том, что С. Батушич впервые с достаточной полнотой осветил названные вопросы и ввел в научный обиход неизвестные или малоизвестные архивные документы и материалы югославской прессы. В 60-е — начале 80-х годов советские театроведы Н. М. Вагапова, Г. Д. Покровская и другие на основе исследования документов советских архивов и периодической печати 20—30-х годов вскрыли новые факты о советско-югославских театральных контактах, начали разработку проблемы влияния советского театрального искусства на самостоятельные рабочие и театральные коллективы Словении [4; 5; 8]. Во второй половине 70-х годов появились исследования югославских авторов по истории македонского, сербского и словенского театров, в которых отчасти затронуты их связи с театральным искусством народов нашей страны [20; 21; 30].

И все же следует отметить, что некоторые важные стороны проблемы остались вне внимания ученых, в частности вопросы о распространении советской драматургии в Югославии, о ее влиянии на общественную и театральную жизнь страны.

Попытаемся восполнить некоторые из пробелов в изучении связей между театральным искусством народов СССР и Югославии и определить основные направления их развития в 1917—1941 гг.

Советско-югославские театральные контакты в период от победы Великой Октябрьской социалистической революции до

оккупации Югославии фашистской Германией (апрель 1941 г.) развивались в сложных условиях под воздействием различных, часто противоположных факторов. Их развитию способствовали многовековые традиции всесторонних дружественных связей между народами нашей страны и югославянскими, основанные на этнической близости, родстве языка и культуры. Эти связи породили у югославян, как отмечали К. Маркс и Ф. Энгельс «национальную симпатию к русским» [1, с. 9].

Победа Великого Октября вызвала громадный энтузиазм среди трудящихся югославских земель. Под ее влиянием усиливается массовое революционное и национально-освободительное движение. 1 декабря 1918 г. было создано Объединенное королевство сербов, хорватов и словенцев (с января 1929 г. — Королевство Югославия). Советское правительство неоднократно на протяжении 20—30-х годов выступало за установление «прочных дружественных отношений» между двумя государствами на основе ленинских принципов мирного сосуществования и развития всесторонних связей [2, с. 262]. В 1927 г. А. В. Луначарский в интервью корреспонденту белградской газеты «Политика» в Париже заявил о готовности СССР к расширению советско-югославских культурных связей [27, с. 656]. Коммунистическая партия и Советское правительство исходя из принципов пролетарского интернационализма, делали все возможное для развития культурных связей с югославскими народами в интересах взаимного обмена достижениями культуры, взаимопонимания и дружбы. Значительное внимание уделялось расширению театральных контактов. Всесоюзное общество культурных связей с заграницей (ВОКС) в 1929 г. поставило задачу: «Добиться приглашения в Югославию наших артистов со стороны белградского и загребского театров» [16, ф. 7668, оп. 1, ед. хр. 215, л. 53]. Но реализовать ее не удалось, поскольку правящие круги Югославии проводили антидемократическую, антинародную внутреннюю и внешнюю политику. Недовольство масс военно-полицейским режимом, экономические трудности, национальное неравенство вызывали острую классовую и национально-освободительную борьбу. Силы прогресса и демократии объединялись вокруг созданной в апреле 1919 г. Коммунистической партии Югославии (КПЮ). В тяжелых условиях подполья (1920—1941 гг.) и наступления реакции югославские коммунисты вели борьбу за социалистическое будущее своей страны. «В течение всего этого периода, — писал И. Броз Тито, — Коммунистическая партия Югославии видела в Советском Союзе, как в первой стране социализма, опору и образец...» [3, с. 37]. Коммунисты Югославии разоблачали антисоветский внешнеполитический курс правящих сил страны, требовали нормализации отношений и сближения с СССР, пропагандировали достижения нашей страны во всех областях социалистического строительства.

тического строительства. Большое внимание уделялось советско-югославским культурным связям, популяризации в стране советского театрального искусства, использованию опыта советского театра.

Невзирая на цензурные рогатки, в Югославию проникали книги, журналы и статьи о советском театре. В конце I мировой войны в русском плену находилось 150—200 тыс. югославян [11, с. 8]. В их числе и будущие известные деятели театра: П. Голиа, О. Шест, И. Видмар, Ф. Прегарц и др. Октябрьская революция и ее идеи сыграли исключительно важную роль в формировании их общественных и творческих позиций. В 1918—1919 гг. они были очевидцами первых шагов нового советского театра. Вернувшись на родину сторонниками театрального искусства народов нашей страны, стали активными его пропагандистами.

Большое значение для развития театра народов Югославии и советско-югославских связей имели гастролы в этой стране артистов МХАТа. В конце 1920 — начале 1921 гг. в Белграде, Загребе и Словении группа известных мастеров сценического искусства (В. И. Качалов, О. Л. Книппер-Чехова, М. М. Тарыханов и др.) дала 23 спектакля. По свидетельству югославского театроведа М. Дединаца они прошли с триумфальным успехом [6, с. 287]. В ноябре 1922 г. на гастролы в Загреб по приглашению Загребского народного театра прибыл МХАТ в полном составе во главе с К. С. Станиславским. Успех театра был так велик, что вместо намеченных пяти было показано 15 спектаклей. С. Батушич писал: «Пребывание труппы МХАТ в Загребе имело решающее значение для дальнейшего развития югославского театрального искусства» [22, с. 135]. Гастролы артистов МХАТа способствовали распространению идей К. С. Станиславского в театральном искусстве Югославии. Возрос интерес к русскому классическому репертуару, к театральной жизни в СССР, советскому искусству. Установились личные контакты, продолженные в последующие годы.

В начале 20-х годов растущий интерес югославской театральной общественности к советскому театру вызвал первые переводы драматургических произведений А. Луначарского, В. Маяковского, А. Блока, В. Иванова, И. Эренбурга, массу статей в периодической печати о советском театральном искусстве, фотографий из спектаклей советских драматургов (журналы «Зенит» (Загреб, 1921—1927 гг.), «Книжевна република» (Загреб, 1924—1925 гг.) и др.

Важную роль в ознакомлении общественности Югославии с театральной жизнью в СССР сыграли легальные и полулегальные поездки в нашу страну деятелей югославской культуры. На протяжении 6 месяцев (конец 1922 — начало 1923 г.) в Советском Союзе находился хорватский писатель — коммунист Август Цесарец. Он побывал в Москве и Ленинграде,

встречался со многими ведущими представителями советской культуры, в том числе с В. Маяковским и В. Мейерхольдом, посещал театры, поместил в советских журналах две статьи о современной югославской драматургии [12, 1923, № 24, с. 7, 13, 1923, № 2, с. 174—176], а у себя на родине — несколько статей о советской культуре, в которых с восхищением отзывался о достижениях молодого советского театра.

С большой симпатией к русскому театру, его деятелем отнесся и замечательный сербский драматург Бронислав Нушич. В октябре 1924 г. телеграммой из Советской России народный артист Республики А. И. Сумбатов-Южин, знавший лично Б. Нушича, поздравил драматурга с его 60-летием [10, с. 6].

В 1925 г. путешествие в Советский Союз совершил член КПЮ, выдающийся хорватский драматург, писатель и публицист Мирослав Крлежа. В Москве он познакомил с содержанием своей пьесы «Голгофа» А. Я. Таирова, у которого она вызвала живейший интерес [25, с. 47]. Вернувшись в Загреб, М. Крлежа опубликовал серию статей и книгу «Путешествие в Россию» [19], в одной из глав которой («Театральная Москва») дал обзор деятельности московских театров.

В 20—30-е годы многие представители югославской интеллигенции получали образование в Вене, Праге, Берлине. Там они имели возможность непосредственного знакомства с советскими театрами во время их гастролей в европейских странах. Выдающийся словенский драматург и режиссер Б. Крефт писал: «Еще больше я восхищался достижениями советского театра первых революционных лет. В те годы моей мечтой было поехать в СССР изучать литературу и театр... Особым счастьем для меня была встреча с Камерным театром Таирова в 1925 году, приехавшим на гастроли в Вену» [7, с. 237]. Подобные встречи оказывали настолько глубокое впечатление на деятелей югославской литературы и искусства, что почти все они после таких встреч становились сторонниками и пропагандистами советского театрального искусства. Например, Б. Крефт во второй половине 20-х годов опубликовал в люблянских журналах несколько больших статей о советском театре, о деятельности реформаторов русского театра — К. С. Станиславского, Е. Вахтангова, А. Я. Таирова, В. Э. Мейерхольда.

Увлеченные реформаторскими идеями раннего Мейерхольда и опытом советской «Синей блузы», молодые коммунисты Б. Крефт и Ф. Делака взялись за организацию в Любляне рабочих театров, деятельности которых большое внимание уделяет нелегальная Коммунистическая партия Югославии [5, с. 158]. В поисках новой драматургии Б. Крефт и Ф. Делака обращались к произведениям В. Маяковского, М. Горького, Л. Толстого [24, с. 31, 34—35, 48, 137].

В 1927 г. на праздновании годовщины Октября присутствовали югославские гости (писатель Д. Васич, журналист В. Рибникар, скульптор С. Стоядинович и делегация югославских студентов). Во время поездки в Ленинград, Москву, Харьков, Ростов, Тбилиси они познакомились с наиболее известными театральными коллективами, а по возвращении в Югославию написали две книги и много статей, в которых изложили впечатления о Стране Советов и ее театрах.

В октябре 1928 г. в Москву на торжество по случаю 30-летия МХАТа прибыл директор драмы Белградского народного театра, драматург и режиссер Б. Гавелла. Он посетил МХАТ, театр им. В. Мейерхольда, театр им. К. С. Станиславского, театр имени Революции, Детский театр и Государственный театр оперы и балета (Большой театр). Во Всесоюзном обществе культурных связей с заграницей Гавелла сделал доклад о культурной жизни в Югославии, подчеркнув огромное влияние советского театрального искусства на театральное искусство народов Югославии [15, 1928, № 48, с. 779; 18, 1928 г., 21 ноября, с. 9]. В московских журналах «Современный театр» (1928, № 48) и «Рабис» (1928, № 48) были помещены фотографии югославского гостя. Вернувшись на родину Б. Гавелла опубликовал несколько восторженных статей в центральных газетах. Контакты между К. С. Станиславским и Б. Гавеллой продолжались через переписку [4, с. 187—189]. За свои связи с Советским Союзом Гавелла в 1929 г. был уволен с должности директора драмы Белградского народного театра и вынужден был работать в провинциальных театрах.

Поездки деятелей югославской культуры в Советский Союз оказывали огромное влияние на дальнейшее идейное формирование их творчества, общественные позиции, делали их друзьями нашей страны, активными борцами за нормализацию советско-югославских межгосударственных отношений. Об этом свидетельствует участие А. Цесарца, М. Крлежи, Д. Васича наряду с другими известными представителями прогрессивной научной и художественной интеллигенции в создании Комитета культурного общения с СССР в 1928 г. [16, ф. 5283, ед. хр. 709, л. 69].

В связи с некоторым улучшением советско-югославских межгосударственных отношений в середине и конце 30-х годов, становлением дипломатических отношений (июнь 1940 г.) создаются более благоприятные условия для культурных связей народов двух стран.

Возрастает взаимный интерес. В Советском Союзе статьи материалы о творчестве югославских драматургов и театральной жизни в Югославии появляются в Большой советской и Литературной энциклопедиях, в периодике. В 1940—1941 гг. в Югославию проникают книги К. С. Станиславского [4, с. 198],

И. М. Москвина [17, 1941, № 1], что дает возможность работникам югославской театральной культуры лучше познакомиться с опытом мастеров советской сцены.

В 30-е годы советское театральное искусство добилось выдающихся успехов. Социалистический реализм утверждается как главный творческий метод советских драматургов. Для их лучших произведений характерно сочетание коммунистической идейности, глубокого реализма и большого художественного мастерства. Многие из этих произведений получили мировое признание. Но далеко не все они имели доступ к югославскому читателю и зрителю. Реакционные силы Югославии чинили всяческие препятствия проникновению советской драматургии в страну, видя в ней носителя «коммунистической заразы». Но интерес к пьесам советских авторов был так велик, что полностью оградить общественность страны от советской драматургии было невозможно. В эти годы на языки народов Югославии были переведены пьесы М. Горького, А. Толстого, А. Корнейчука, М. Булгакова. Более двух десятков пьес советских драматургов вошли в репертуар столичных и провинциальных профессиональных и любительских театров [подсчитано автором: 20, 21, 23, 26, 28—30]. Многие из них подолгу не сходили со сцен. Так, в Люблянском театре комедия В. Катаева «Квадратура круга» была поставлена дважды режиссерами О. Шест (1932 г.) и Б. Ступица (1936 г.); комедия В. Шкваркина «Чужой ребенок» выдержала 51 представление, драма М. Булгакова «Мольер» — 9 представлений [29, с. 125—126]. Учитывая громадный интерес публики к советской драматургии, ведущие театры страны включали советские пьесы в репертуар во время гастрольных поездок по стране и были тепло встречены зрителями и прессой. Прогрессивная критика, объективно оценивая мастерство актерского исполнения, видела главную ценность в том, что со сцены говорил советский автор. Именно этот факт вызвал всеобщий интерес и одобрение. Массовое посещение советских пьес свидетельствовало о больших симпатиях югославских народов к СССР. Это вызывало беспокойство господствующих классов. В реакционной прессе появлялись рецензии на постановки советских пьес, авторы которых обвиняли постановщиков в пропаганде «большевизма» [26, с. 443]. Несмотря на то, что проходя через цензуру, пьесы советского драматурга часто попадали к зрителю в урезанном, искаженном виде, такая акция использовала любой повод для того, чтобы добиться полного запрещения. В 1934 г. такая участь постигла инсценировку по роману И. Ильфа и Е. Петрова «Двенадцать стульев» [23, с. 174].

В 1936—1937 гг. во всех ведущих театрах Югославии исполнялась опера Д. Д. Шостаковича «Леди Макбет Мценского уезда» («Катерина Измайлова»). На сцене Люблянского народного театра она выдержала 8 представлений [29, с. 235].

Влияние советских пьес на общественное сознание в Югославии бесспорно. В 1940 г. многие видные представители югославского театра и рядовые артисты приняли активное участие в организации инициативных групп по созданию «Общества друзей СССР» [16, ф. 5283, оп. 532, л. 151—152].

Исследование вопроса показывает, что советско-югославские театральные связи в 1917—1941 гг. развивались по восходящей линии. Советская сторона рассматривала культурные связи с Югославией как практическое воплощение ленинских принципов мирного сосуществования. Правящие круги буржуазной Югославии, проводя антисоветскую политику, стремились свести культурные контакты с Советским Союзом до минимума. Но такая позиция встречала противодействие широких слоев югославской общественности во главе с КПЮ. Наиболее значительными формами советско-югославских театральных связей были: гастроли МХАТ в Югославии, личные контакты между представителями театрального искусства СССР и Югославии, распространение информации о театральной жизни в нашей стране, постановки пьес советских драматургов на сценах югославских театров, что способствовало укреплению дружбы между народами двух стран.

Список литературы: 1. Маркс К., Энгельс Ф. Британская политика. — Турция. — Маркс К., Энгельс Ф. Соч., 2-е изд., т. 9, с. 1—10. 2. Документы внешней политики СССР. — М., 1959. — Т. 3. 723 с. 3. Тито Иосип Броз. Избранные статьи и речи. — М., 1973. — 743 с. 4. Ваганова Н. М. Формирование реализма в сценическом искусстве Югославии. 20-е—30-е гг. XX в. — М., 1983. — 222 с. 5. Ваганова Н. М. Пролетарская сцена Словении. — Театр, 1970, № 2, с. 156—163. 6. Дединац М. О гастрольях «мхатовцев» в Белграде. — В кн.: Записки о театре. Л., 1968, с. 287—293. 7. Крефт Б. Октябрьская революция и словенская литература. — В кн.: Октябрьская революция и славянские литературы. М., 1967, с. 233—240. 8. Покровская Г. А. Станиславский в Югославии. — Сов. славяноведение, 1972, № 1, с. 105—109. 9. Романов В. Е., Славин Г. М. Сессия комиссии историков СССР и СФРЮ. — Ист. истор., 1984, № 10, с. 153—155. 10. Сурков Е. Б. Нушич и А. И. Суматов-Южин. — Огонек, 1956, № 34, с. 6. 11. Участие югославских трудящихся в Октябрьской революции и гражданской войне в СССР. Сб. документов и материалов. — М., 1976. — 555 с. 12. Зрелища. Еженедельный ж. М., 1922—1925. 13. Леф. Ж. левого фронта искусств. М.—Л., 1923—1925. 14. Советские театр. Общественно-политический ж. по вопр. театра и марксистского театроведения. М., 1930—1933. 15. Современный театр. Орган Главискусства Наркомпроса РСФСР. М., 1927—1929. 16. ЦГАОР СССР. 17. Израс. асопис. — Загреб, 1939—1941. 18. Политика. Ежедневная газ. — Белград, 1918—1941. 19. Крлежа М. Излет у Русију. Путониси. — Загреб, 1926. — Т. 20. Стефановски Р. Театарот во Македonoја. — Скопје, 1976. 200 с. 21. Цветкович И. С. Репертоар Народног позоришта у Београду. 1868—1965. Репертоар преглед премијера и обнова. — Београд, 1966. — 157 с. 22. Bašić S. Stanislavski u Zagrebu. Sjecanja, svijedocanstva, dokumenti. — Zagreb, 1948. — 187 s. 23. Čiligrorić V. Bice pozorista. Dramaturski spisi. — Novi Sad, 1977. — 300 s. 24. Delavki oder na Slovenskem. Studije in gradivo. red. F. Deak. Ljubljand, 1964. — 221 s. 25. Kalezić V. Pokret socijalne literature. — Beograd, 1975. — 350 s. 26. Koblar F. Dvajset let slovenske drame. 1—2. — Ljubljna, 1964. — Kn. 2. 465 s. 27. Kršljanin M. Kontrarevolucionarna akcija kraljevskin vlada u Beogradu protiv SSSR-a (1918—1929). — Vjesnik, 1955, N 10, s. 647—656. 28. Lesic J. Sarajevsko pozoriste izmectu

dva rata. — Sarajevo, 1976. — Kn. 1. 344 s.; Kn. 2. 383 s. 29. *Repertoar slovenskih gledališč, 1867—1967. Popis premier in obnovitev.* — Ljubljana, 1967. — 759 s. 30. *Stojković B. Istorija srpskog pozorišta od srednjeg veka do modernog doba. (Drama i opera).* — Beograd, 1979. — Kn. 4. 541 s.; Kn. 5. 721 s.

Поступила в редколлегию 21.10.1985

В. В. БОЙКО, канд. ист. наук

ДРУЖЕСТВЕННЫЕ КОНТАКТЫ СОВЕТСКОГО И БОЛГАРСКОГО НАРОДОВ В ОБЛАСТИ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ (1949—1958 гг.)

Роль художественной литературы в дальнейшем развитии и всестороннем совершенствовании социалистического образа жизни, идейном сближении народов братских стран неуклонно возрастает. «У братского сотрудничества, — подчеркивал Генеральный секретарь ЦК КПСС тов. М. С. Горбачев, — сильная история, хорошие традиции. Оно крепло и развивалось, охватывая все новые и новые области. Его активными участниками сегодня стали миллионы людей» (Правда, 1985, 25 окт.). С этой точки зрения большое значение представляет опыт советско-болгарских связей в области художественной литературы, которые еще не нашли должного освещения в советской и болгарской историографии. Попытаемся в определенной степени восполнить этот пробел.

Дружественные контакты советского и болгарского народов на поприще художественной литературы установились с победой в Болгарии всенародного восстания 9 сентября 1944 г. и стали развиваться непрерывно по неуклонно восходящей линии. Заключенный в марте 1948 г. Договор о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи между СССР и НРБ, решения V съезда БКП, состоявшегося в декабре 1948 г., открывшие новые перспективы для дальнейшего развития и углубления советско-болгарских литературных взаимосвязей. К 1949 г. в развитии художественной литературы Болгарии были достигнуты большие успехи. Писатели активно включились в общественно-политическую жизнь и за короткий срок обогатили родную литературу новыми замечательными произведениями. Однако вступление Болгарии в период строительства социализма предъявило к прозаикам и поэтам новые, более повышенные требования. Художественная литература должна была на деле стать активным орудием общественной жизни. Поэтому советско-болгарское сотрудничество в данной области продолжало иметь большое значение для успешного развития болгарской художественной литературы.

В этот период, наряду с уже сложившимися ранее, в первые после второй мировой войны годы, появились и новые, более разнообразные формы братских связей. Широкое распространение получили такие комплексные мероприятия, как месячники болгаро-советской дружбы и советской культуры. Первые такой месячник проводился в Болгарии в 1949 г. В месячнике и юбилейных торжествах, посвященных 100-летию со дня рождения выдающегося болгарского поэта-революционера Х. Ботева, принимала участие советская делегация в составе деятелей науки и культуры, в том числе писателей И. Иванова, А. Суркова и С. Михалкова [11, ф. 5283, оп. 1, ед. хр. 428, л. 8, 9]. Во время месячника Союз болгарских писателей организовал вечера советской прозы и поэзии, на которых со своими переводами произведений советской литературы выступали болгарские писатели. И. Иванов, А. Сурков, С. Михалков выступили с лекциями и докладами, ответили на вопросы, представляющие интерес для их болгарских коллег [14, ф. 143, оп. 1, а. е. 133, л. 5, 6]. Подобные мероприятия в деле популяризации достижений советской художественной литературы в Болгарии осуществлялись и в последующие годы во время проведения месячников болгаро-советской дружбы и советской культуры [2, с. 349, 357, 385, 388, 404, 416 и др.].

Начиная с 1951 г., месячники советско-болгарской дружбы начали проводиться в нашей стране [там же, с. 417]. Так, в Киеве в октябре 1953 г. состоялся торжественный вечер, на котором выступили деятели советской культуры, представители болгарской общественности, рассказавшие об успехах болгарского народа в деле строительства социализма, борьбе за мир и дружбу между народами. На страницах республиканских газет были опубликованы статьи, очерки советских и болгарских авторов, в том числе болгарских прозаиков и поэтов [14, ф. 122, оп. 1, а. е. 122, л. 42]. Аналогичные вечера проводились и в других республиках СССР [11, ф. 5283, оп. 17, ед. хр. 98, л. 62—63; ед. хр. 106, л. 102—103].

Наряду с проведением комплексных мероприятий — месячников, недель, вечеров — широко практиковались взаимные поездки советских и болгарских литераторов. В 1950 г. в составе делегации Всесоюзного общества культурных связей с заграницей (ВОКС) Болгарию посетил поэт И. С. Егоров [там же, ед. хр. 75, л. 85], а также украинский поэт П. Г. Тычина, принимавший участие в работе II национального конгресса сторонников мира и выступивший по радио с рассказом о достижениях советской украинской художественной литературы [2, с. 358, 359, 360, 363]. Весной 1954 г. в Болгарии находился известный армянский писатель Г. Севунц [9, 1954, 27 мая], а в 1955 г. — писатель Г. Гулия, занимавшийся сбором материала для написания книги о Болгарии [там же, 1955, 15 сент.]. В октябре

этого же года в Болгарии гостили литературоведы и переводчики болгарской художественной литературы И. Кравцов, И. Шептунов, В. Злыднев. Состоялась их встреча с болгарскими писателями. И. Шептунов выступил с докладом «Болгарская книга в СССР», который был опубликован в болгарской печати [8, 1955, 7 окт.].

В конце 1956 г. в Болгарии побывали советские писатели М. Стельмах, Р. Гамзатов, В. Розов, С. Чилая, Н. Чуковский. Они ознакомились с достопримечательностями страны, имели творческие встречи с болгарскими писателями [5, 1957, № 1 с. 19]. С этой же целью в 50-е годы Болгарию посетили М. Шолохов, Н. Тихонов, М. Рыльский, Л. Леонов, К. Симонов, Г. Марков, П. Вершигора, П. Воронько, П. Бровка, В. Солоухин, К. Кулиев, М. Алигер, В. Катаев и др. [13, ф. 2306, оп. 72, ед. хр. 6923, л. 43].

В свою очередь, болгарские писатели неоднократно посещали СССР. Уже в 1950 г. столицу Украины Киев посетила группа болгарских литераторов [11, ф. 5283, оп. 17, ед. хр. 76, л. 144]. В 1953 г. по приглашению Союза советских писателей в нашей стране побывала делегация болгарских писателей в составе Х. Радевского, В. Андреева, А. Каралийчева и др., ознакомившаяся с деятельностью писательских организаций СССР [14, ф. 122, оп. 1, а. е. 118, л. 8]. В 1954 г. болгарские литераторы приняли участие в работе II съезда писателей СССР. Поставленные на нем вопросы и принятые решения нашли глубокий отклик среди болгарских писателей и деятелей искусства [5, 1955, № 3, с. 13].

В связи с 10-летием социалистической революции в Болгарии 8 сентября 1954 г. в Колонном зале Дома Союзов г. Москвы состоялось торжественное собрание, на котором в составе делегации НРБ находился известный болгарский писатель академик Людмил Стоянов [3, 1954, 9 сент.]. Во время пребывания в Москве он встречался с советскими литераторами, знакомился с жизнью советского народа, его успехами в деле социалистического строительства. Поездки болгарских прозаиков и поэтов в СССР продолжались и в последующие годы [13, ф. 2306, оп. 72, ед. хр. 6923, л. 47].

Делу укрепления советско-болгарского сотрудничества на поприще художественной литературы служили и отмечаемые в наших обеих странах юбилеи со дня рождения советских и болгарских литераторов. С глубоким уважением болгарская культурная общественность относится к представителям русской и советской литературы. В 1949 г. она торжественно отметила 150-летие со дня рождения великого русского поэта А. С. Пушкина. В телеграмме торжественного заседания, посвященного этой знаменательной дате, указывалось, что «гений русской литературы А. С. Пушкин — любимый поэт всего болгарского народа. Мы учимся на примере прекрасного твор-

чества А. С. Пушкина патриотизму, любви к Родине и нерушимому братству между славянами и всеми прогрессивными народами. Чествование А. С. Пушкина является для нас торжеством культурных связей между советскими народами и нашим народом, между национальной по форме и социалистической по содержанию советской культурой и нашей новой культурой» [11, ф. 5283, оп. 17, ед. хр. 65, л. 19]. Столь же торжественно было отмечено 125-летие со дня рождения Л. Н. Толстого в 1953 г. Члены болгаро-советских обществ выступили с докладами и организовали 15 фотовыставок, посвященных жизни и творчеству великого русского писателя [14, ф. 122, оп. 1, а. е. 124, л. 1].

Широко в Болгарии отмечались 50-летие со дня рождения Н. Островского и А. Гайдара, 60-летие Б. А. Лавренева и 70-летие Ф. В. Гладкова [9, 1954, 18 март., 23 сент.; 2, с. 383; 12, ф. 1052, оп. 3, ед. хр. 23, л. 3].

Заслуженным уважением пользуются в Болгарии писатели национальных республик СССР Якуб Колас, Янка Купала, Мухтар Ауэзов, Илья Чавчавадзе, Андрей Упит, Сулейман Стальский и многие другие, чьи книги и статьи способствовали ознакомлению болгарской общественности с жизнью союзных республик СССР [2, с. 653]. В связи с юбилейными датами со дня их рождения в Болгарии были организованы торжественные собрания, выставки, лекции и доклады, посвященные их жизни и творчеству [2, с. 663, 664 и др.].

Одновременно советская общественность также отмечала юбилей со дня рождения болгарских писателей и поэтов. Так, в январе 1949 г. украинская общественность праздновала 100-летие со дня рождения великого болгарского поэта и революционера Христо Ботева. В периодической печати были опубликованы статьи, посвященные его жизни и деятельности, издательство художественной литературы в Киеве выпустило произведение Христо Ботева в переводе на украинский язык. Союз советских писателей Украины и Украинское общество культурной связи с заграницей (УОКС) провели 7 января торжественное заседание, на котором присутствовали деятели науки и искусства, писатели, стахановцы киевских предприятий, студенты высших учебных заведений. В нем принял участие советник посольства Болгарии в СССР С. Колев. Доклад о жизни и деятельности Христо Ботева прочел поэт-драматург Л. Дмитерко. С приветственным словом выступили С. Колев и академик А. Корнейчук. После торжественного заседания состоялся концерт с участием заслуженной хоровой капеллы «Думка» и артистов столичных театров. В концерте исполнялись произведения Христо Ботева и музыка славянских народов [11, ф. 5283, оп. 17, ед. хр. 69, л. 111].

Таким образом, отмечаемые в обеих наших странах юбилей прозаиков и поэтов, как обычно, сопровождались осуществле-

нием различного рода мероприятий, что способствовало ознакомлению общественности СССР и НРБ с достижениями в сфере художественной литературы и углубляло процесс взаимовлияния и взаимообогащения национальных литератур. Но, пожалуй, в наибольшей степени развитию этого процесса способствовало широкое распространение произведений советской художественной литературы в Болгарии и болгарской — в Советском Союзе.

Число переводов на болгарский язык произведений советских авторов постоянно увеличивалось. В период с 1944 по 1958 г. было переведено более 800 произведений советской художественной литературы почти 400 советских прозаиков и поэтов [6, 1958, № 6, с. 31]. Это были переводы не только произведений русских авторов, но и произведений украинских, белорусских и других писателей народов СССР. За десятилетие, прошедшее после победы социалистической революции в Болгарии, только 6 советских книг вышло таким тиражом, каким за 27 лет, предшествующих революции, были опубликованы произведения всех 173 советских писателей, переведенных тогда в Болгарии. Среди этих шести книг «Как закалялась сталь» Н. Островского, «Повесть о настоящем человеке» Б. Полевого, «Педагогическая поэма» А. Макаренко и др. [6, 1956, № 11, с. 33].

Наряду с переводной художественной литературой важное место в советско-болгарских литературных взаимосвязях продолжал занимать обмен художественными произведениями на языке оригинала. Уже в январе 1949 г. ВОКС направил в Болгарию ряд художественных произведений русских и советских литераторов, в том числе некоторые стихотворения А. С. Пушкина, «Избранные повести и рассказы» Б. Горбатова, «Дальние страны» А. Гайдара и др. [11, ф. 5283, оп. 17, ед. хр. 69, л. 165]. В свою очередь, Союз болгаро-советских обществ (СБСО) неоднократно посылал в СССР художественную литературу на болгарском языке. О постоянном и все более возрастающем обмене произведениями художественной литературы между нашими странами свидетельствуют сохранившиеся многочисленные документы [2]. Важно отметить, что широкий обмен имел место и осуществлялся не только по линии ВОКС—СБСО, но и между библиотеками, учреждениями и организациями, а также отдельными лицами [там же, с. 403, 449, 480 и др.], и способствовал дальнейшему укреплению советско-болгарского сотрудничества в области художественной литературы.

Дальнейшему расширению советско-болгарских контактов в области художественной литературы, развитию его плановых начал содействовало соглашение о культурном сотрудничестве между СССР и НРБ от 28 апреля 1956 г. В нем указывалось, что Советский Союз и Болгария будут поощрять и обеспечивать перевод и издание на своей территории произведений ху-

дожественной литературы, издаваемой другой стороной, а также осуществлять обмен литературными, художественными и информационными материалами для печати и радио [там же, с. 540—541]. После подписания соглашения советско-болгарские связи в области художественной литературы поднялись на новую, более высокую ступень.

Таким образом, литературные взаимосвязи между Советским Союзом и Болгарией носили многообразный характер и осуществлялись в различных формах. Широко практиковались перевод на болгарский язык и издание крупными тиражами произведений советских прозаиков и поэтов в Болгарию, а также выпуск в СССР произведений болгарских писателей; обмен книгами на языке оригинала; чествование юбиляров (прозаиков и поэтов); личные творческие встречи литераторов наших стран и т. д. В процессе этих дружественных контактов и на основе их развития родилась и приобрела громадное значение столь эффективная форма сотрудничества, как болгарская тема в творчестве советских литераторов и советская тема в произведениях болгарских писателей. С каждым годом все громче стала звучать тема интернационального единства народов СССР и НРБ, их братских связей во всех областях жизни.

Дружественные контакты в области художественной литературы обогатили советскую литературу новыми темами, способствовали более глубокому отражению в ней борьбы народов против фашизма, прогрессивных сил против империалистической реакции, борьбы болгарского народа за строительство новой жизни, изображению его героического прошлого, вековых традиций дружбы между народами нашей Родины и Болгарии.

В исследуемый период советские и болгарские писатели создали немало высокохудожественных произведений, которые воспитывали наши народы в духе пролетарского интернационализма и способствовали мобилизации их сил на решение актуальных задач социалистического строительства.

Список литературы: 1. *Болгарские писатели*. Издания в СССР в 1945—1973 гг. Список. — М., 1974. — 112 с. 2. *Советско-болгарские отношения и связи*. — М., 1981. — Т. 2. 768 с. 3. *Труд*. Орган ВЦСПС. 4. *Радянська культура*. Орган Министерства культуры УССР. 5. *Новая Болгария* (двухнедельный журнал). 6. *Славяне*. Ежемесячный журнал Всеславянского Комитета СССР. 7. *Работническо дело*. Орган Центрального Комитета БКП. 8. *Отечествен фронт*. Орган Президиума Народного собрания НРБ и Национального совета Отечественного фронта. 9. *Литературен фронт*. Орган Союза болгарских писателей. 10. *Литературна мисъл*. Орган Союза болгарских писателей. 11. *ЦГАОР СССР*. 12. *ЦГАЛИ СССР*. 13. *ЦГА РСФСР*. 14. *Централен държавен архив на Народната Република България* (ЦДА на НРБ).

Поступила в редколлегию 17.12.84.

Г. Н. ПОПОВ, д-р ист. наук,
С. Ю. СТРАШНЮК

**СОТРУДНИЧЕСТВО СОЮЗОВ ХУДОЖНИКОВ СССР
И НРБ В РАЗВИТИИ ИЗОБРАЗИТЕЛЬНОГО
ИСКУССТВА И ПОВЫШЕНИИ ЕГО ОБЩЕСТВЕННОЙ
РОЛИ (1971—1984 гг.)**

Плодотворно развивавшееся в течение десятилетий советско-болгарское сотрудничество с начала 70-х годов поднялось на более высокую ступень. Определяющими вехами в углублении и дальнейшем совершенствовании дружественных связей последних лет являются решения XXV, XXVI, XXVII съездов КПСС, X, XI и XII съездов БКП, пленумов их Центральных Комитетов. «Сейчас, — подчеркивал Генеральный секретарь ЦК КПСС тов. М. С. Горбачев, — когда в наших странах созданы мощные производительные силы, воспитаны квалифицированные кадры, накоплен ценный опыт, — есть и возможность, и необходимость широко шагнуть вперед. И чем лучше мы организуем наше взаимодействие, тем надежнее и быстрее будет этот шаг» [2].

Это относится как к материальному, так и духовному производству, в том числе к сфере искусства, роль которого в дальнейшем развитии и всестороннем совершенствовании социалистического образа жизни, идейном сближении народов братских стран неуклонно возрастает. «По мере роста культурного уровня народа, — отмечалось на июньском (1983 г.) Пленуме ЦК КПСС, — усиливается воздействие искусства на умы людей. Тем самым растут и возможности его активного вмешательства в общественную жизнь» [1, с. 20].

Одним из важнейших видов искусства является изобразительное. В СССР его работники объединены в Союз художников СССР, в НРБ они состоят в Союзе болгарских художников. Настоящая статья имеет целью осветить накопившийся на современном этапе новый опыт сотрудничества этих творческих организаций в решении стоящих перед ними задач, выявить их вклад в идейное и эстетическое воспитание трудящихся обеих стран, в развитие процесса сближения и взаимообогащения социалистических культур советского и болгарского народов.

Как и в предшествующий период, взаимные связи этих двух творческих союзов развивались на плановой основе, представляя собою органическую составную часть многообразного комплекса советско-болгарского сотрудничества. Основопологающей базой этих связей явился заключенный в 1967 г. между СССР и НРБ Договор о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи. В соответствии с ним в исследуемый период действовали долгосрочные межправительственные Соглашения о куль-

турном и научном сотрудничестве 1966 и 1976 гг. Договаривающиеся стороны, говорится в Соглашении 1976 г., будут содействовать «широкому вовлечению в процесс советско-болгарского культурного обмена творческой интеллигенции, всестороннему развитию сотрудничества между творческими союзами..., совместному проведению встреч, семинаров, симпозиумов, и заседаний правлений творческих союзов по обсуждению актуальных проблем повышения идейно-художественного уровня произведений искусства, комплектованию совместных творческих бригад и коллективов, расширению взаимного обмена выставками...» [6, с. 522]. Реализация указанных Соглашений в сфере изобразительного искусства осуществляется на основе совместно составляющихся Союзом художников СССР и Союзом болгарских художников рабочих и перспективных планов сотрудничества на 1971—1972, 1973—1976, 1976—1980 и 1981—1985 гг. [28, ф. 1, оп. 3, д. 1432, л. 53—57, 65—72; 29 в].

Осуществляя намеченные планы, союзы художников уже в июне 1971 г. провели в Москве совместное заседание своих секретариатов. В работе его участвовало свыше пятидесяти ведущих мастеров изобразительного искусства и искусствоведов, в том числе секретари Союза художников СССР Н. А. Пономарев, Т. Т. Салахов, Н. В. Томский, В. Е. Цигаль, народные художники НРБ Л. Далчев, С. Сотиров, Д. Узунов, заслуженные художники республики П. Абаджиев, С. Русев, М. Цончева и др. [28, ф. 1, оп. 3, д. 1423, л. 13, 21, 32—35; 30, ф. 133, оп. 11, д. 198, л. 164]. Они обсудили вопрос «Художник и социалистическая современность». Участники заседания единодушно сошлись на том, что одной из важнейших задач искусства является отображение художественными средствами социалистической действительности обеих стран, процесса строительства и совершенствования развитого социалистического общества, активное участие художника в коммунистическом воспитании трудящихся, пропаганде идей социалистического интернационализма, советско-болгарской дружбы [16, 1971, № 11, с. 3].

В последующие годы эта качественно новая форма контактов получила дальнейшее развитие. В 1978 г. обсуждалась историко-революционная тема в советском и болгарском изобразительном искусстве, в 1980 — «Гуманизм Ренессанса и гуманизм ленинских идей», в 1981 — «Роль эстетического воспитания в формировании человека социалистического общества», в 1982 — «Значение социалистического государства в развитии социалистической культуры» [8, с. 159; 15, 1982, № 9, с. 22—24]. Свидетельством эффективности двусторонних заседаний секретариатов творческих союзов является то, что с течением времени все более совершенствовались перспективные планы дружественных контактов, повышалась актуальность, идейный

и художественный уровень создаваемых художниками произведений. Столь же благотворные результаты приносило и участие представителей Союза художников СССР и Союза болгарских художников в многосторонних встречах творческой интеллигенции, в частности, в состоявшемся летом 1984 г. в Берлине совещании руководителей творческих организаций художников социалистических стран. На нем была разработана программа совместных действий художников в борьбе народов против угрозы ядерной войны [16, 1984, № 8, с. 1].

Полезной формой сотрудничества стали также предусмотренные советско-болгарскими Соглашениями 1966 и 1976 гг. совместные семинары и симпозиумы. В 1974 и 1975 гг. состоялись двусторонние встречи «за круглым столом» по вопросам развития скульптуры, в 1979 г. проводился семинар дизайнеров о художественном оформлении и системе наглядной агитации среды социалистического города, в 1984 г. совместно конкретизировали свои задачи искусствоведы обеих стран [3, с. 373; 15, 1981, № 9, с. 51—55; 9, 1984, 18 сент.]. Эти встречи стимулировали творческую активность мастеров искусства, обогащали их опыт, способствовали повышению общественной роли их деятельности.

Оба творческих Союза проявили много заботы и об организации взаимных поездок художников и скульпторов с целью посещения музеев, выставок, знакомства с природой и трудовыми делами граждан СССР и НРБ. В 1971—1980 гг. в нашей стране побывали 335 членов Союза болгарских художников, а в Болгарии гостили 360 их советских коллег [28, ф. 1, оп. 3, д. 1424, л. 77, д. 1500, л. 118, д. 1553, л. 17; 29 а, б, в]. Например, в феврале 1971 г. состоялась коллективная экскурсия молодых болгарских художников по городам Российской Федерации. Сделанные в ходе ее путевые зарисовки послужили основой для 50 новых произведений, которые были показаны посетителям III республиканской выставки художественного творчества молодежи [20, 1971, 30 марта; 22, 1972, № 2, с. 21]. В результате длившегося почти целый год изучения советской действительности Стоян Домусчиев создал целый цикл из 80 работ, в которых запечатлен современный облик Москвы, Ленинграда, Прибалтики и других мест, а также художественные образы их тружеников [25, 1976, № 5, с. 30—31].

Опыт показывает, что длительные творческие командировки значительно эффективнее кратковременных визитов. Поэтому удельный вес подлинно творческих командировок с течением времени неуклонно возрастает. В 1972 г. такой характер носили 28 % поездок советских художников в Болгарию, а в 1979 г. уже 34 % [подсчитано по: 28, ф. 1, оп. 3, д. 1500, л. 118, 29 в].

Обоюдный поиск новых, более совершенных форм сотрудничества привел к созданию совместных, т. е. смешанных по составу советско-болгарских творческих групп. Первая из них

появилась в 1974 г. и состояла из представителей СССР А. И. Мартинайтиса, Г. Е. Новикова, Е. Б. Романовой и болгарских художников С. Стоилова, Х. Танева и В. Урумова. Работая в Иркутске, Братске и на байкальском острове Ольхон, ее участники ознакомились с трудом рабочих и служащих лесопромышленного комплекса, алюминиевого завода, природой Иркутской области. За 30 дней пребывания в Восточной Сибири художники собрали большой материал, обогатив свою палитру новыми, характерными для этого края красками [28 б]. Спустя некоторое время в том же составе группа продолжила свой маршрут по ударным стройкам Болгарии [29 в].

Убедительным результатом расширения и углубления советско-болгарского сотрудничества в сфере изобразительного искусства является создание сотен талантливых произведений во всех жанрах, посвященных общности исторических судеб народов СССР и НРБ в прошлом и настоящем, трудовым будням и живописной природе братских стран. Ярким свидетельством глубокого проникновения советской темы в творчество болгарских художников, их интереса к героической истории и культуре нашей страны стали новые работы, посвященные 60-летию свершения Великой Октябрьской социалистической революции, 110-летию со дня рождения В. И. Ленина, 60-летию образования СССР [10, 1973, 12 апр.; 15, 1979, № 5, с. 46—58; 17, 1978, № 6, с. 33—38; 18, 1982, 6 окт.; 19, 1980, 30 апр.], республиканские выставки «Болгаро-советская дружба в живописи» (1973), «Подвиг, признательность, дружба» (1978), творческие отчеты о поездках в Советский Союз живописцев Тома Трифоновского и Сюлеймана Сеферова, Христо Танева и Янаки Манасиева, Стефана Янева, Валентина Колева и Христо Бабикова [14, 1978, № 3, с. 154; 19, 1976, 16 июля; 25, 1974, № 10, с. 34—36; 1980, № 1, с. 44—45].

В свою очередь, сюжеты из истории и современной жизни болгарского народа, красоты природы НРБ органично вошли в творчество многих советских художников. «В моей творческой биографии, — сказал при открытии в Софии авторской выставки «Болгарские новеллы» народный художник РСФСР П. П. Оссовский, — работа над болгарской темой не является исключением. Напротив, она доставляет мне огромную радость и дарит вдохновение» [15, 1982, № 4, с. 73]. Весомый вклад в разработку болгарской темы внесли живописцы и графики Н. Касумов, В. Лунев, В. Лень, Г. Манизер, Ф. Молибоженко, А. Платонов, Ю. Ребров, А. Таран, Н. Шаулов, чьи творческие отчеты по итогам командировок в братскую страну стали заметным явлением в духовной жизни народов СССР и НРБ [4, с. 115; 5; 7, с. 175; 9, 1978, 8 авг.; 15, 1979, № 11, с. 77; 19, 1978, 10 марта; 23, 1978, № 6, с. 21; 24, 1983, № 10, с. 21; 27, ф. 9576-р, оп. 20, д. 401, лл. 69, 162]. Внимание советской общественности привлекли также коллективные выставки «Болгария гла-

зами армянских художников» (1974), «Советские художники в братских социалистических странах» (1976), «Болгария в творчестве художников Советской Украины» (1979) и др. [9, 1974, 10 сент.; 10, 1979, 9 сент.; 15, 1976, № 5, с. 77; 16, 1976, № 8, с. 1—2].

У некоторых советских живописцев обращение к болгарской тематике привело к расширению изобразительных возможностей практикуемых ими жанров, их обогащению. В качестве примера сошлемся на творчество палехских художников Калерии и Бориса Кукулиевых. В созданной ими манере органически переплелись фольклорные традиции русского и болгарского народов. Вершиной их творческой биографии, результатом напряженного пятилетнего труда в 1971—1976 гг. явился альбом лаковых миниатюр «Здравствуйте, братушки!», предисловие к которому написал Генеральный секретарь ЦК БКП, Председатель Государственного Совета НРБ Тодор Живков. «Этой книге нет аналогов, она в своем роде уникальна», — отзывался о ней журнал «Дружба» [14, 1978, № 4, с. 138]. За эту выдающуюся работу Указом Государственного Совета НРБ художники Кукулиевы награждены орденами Кирилла и Мефодия I степени.

В свою очередь, творчество советских художников оказало и продолжает оказывать благотворное влияние на развитие болгарского изобразительного искусства, способствуя идейно-тематическому обогащению традиционных жанров и появлению новых. В частности, 10-месячное пребывание в НРБ литовского мастера-вitraжиста З. Лауринайтиса в 1972—1973 гг. имело следствием не только художественное оформление пантеона павшим героям за освобождение Болгарии в г. Хасково, но и внедрение техники скульптурного витража, ранее здесь не культивировавшейся [26].

Неотъемлемой составной частью сотрудничества на поприще изобразительного искусства и вместе с тем обобщенным показателем его общественной роли, степени эффективности является обмен художественными выставками. Откликаясь на запросы общественности обеих стран, его организацией в исследуемый период занимались Министерство культуры СССР и Комитет по культуре НРБ, академии художеств обеих стран, организации советско-болгарской дружбы, а также другие общественные организации и учреждения. Деятельное участие в этом принимали и Союзы художников, по линии которых экспонировалась четвертая часть выставок. За десятилетие 1971—1980 гг. только эти союзы обменялись 53 выставками. Все же организации и ведомства, вместе взятые, ежегодно обмениваются в среднем 20 выставками [29 а, б, в].

Преобладающая часть их носит тематический характер. В 1973, 1975 и 1980 гг. в Болгарии проводились выставки со-

ветского политического плаката [15, 1975, № 11, с. 74—75; 25, 1973, № 9—10, с. 8—13, 1981, № 7, с. 32—36], в 1974 г. — пейзажной живописи и графики [15, 1974, № 12, с. 73—74], в 1976 г. экспонировались картины и скульптуры на тему «Слава труду» [25, 1976, № 7, с. 36—37], в 1977—1982 гг. болгарская общественность познакомилась с выставками «По ленинскому пути», «Молодость страны», «Художники советского театра и кино», «Портрет в советском изобразительном искусстве», «Мы строим коммунизм» [9, 1978, 3 нояб.; 1980, 4 янв.; 1981, 28 авг.; 25, 1977, № 6, с. 11—16; 15, 1983, № 2, с. 72]. Видное место среди советских тематических выставок заняли произведения, созданные в отдельных республиках: «Изобразительное искусство Украинской ССР» (1974), «Прикладное искусство Грузинской ССР» (1976), «Латвийская графика и акварель» (1978), «Молодые художники РСФСР» (1979, 1983), «Молодые художники Киргизии» (1984) [17, 1979, № 7, с. 29; 1984, № 5, с. 35; 18, 1974, 19 окт.; 1984, 28 июня; 19, 1976, 7 февр.; 27, ф. 9576-р, оп. 20, д. 2170, л. 72].

В Москве, Ленинграде, Киеве и других городах СССР по несколько месяцев функционировали выставки «Плакат и прикладная графика НРБ» (1972), «30 лет болгарского изобразительного искусства» (1974), «Молодые художники Болгарии» (1975), «Болгарская живопись IX—XIX веков» (1976), «Болгарские предания и легенды» (1980), «Земля Димитрова» (1982), «Художник и мир» (1984) и др. [9, 1984, 18 сент.; 15, 1972, № 11, с. 75—76; 1975, № 1, с. 78; 1975, № 11, с. 76; 1980, № 9, с. 75; 1983, № 9, с. 50—53].

У советского и болгарского народов традиционно богат и плодотворен взаимный обмен духовными ценностями. Высокая благотворность этого обмена всецело подтверждается и данными, относящимися к сотрудничеству между Союзами художников СССР и НРБ. В исследуемый период они внесли ценный вклад в советско-болгарские связи в сфере духовной жизни и дальнейшее развитие этой давней исторической традиции. Развивающееся под воздействием марксистско-ленинских идей и руководством КПСС и БКП сотрудничество советских и болгарских художников стало важной составной частью многогранных контактов между нашими странами. Его отличительными чертами явилось дальнейшее укрепление и совершенствование плановых начал, обогащение форм творческих связей, повышение художественной и практической эффективности достигнутых результатов. Большое значение для роста профессионального мастерства художников, идейного и художественного уровня создаваемых произведений имеют заседания секретариатов творческих союзов, работа совместных творческих групп, конференции и симпозиумы по актуальным проблемам художественной теории и практики. Возрастающую роль в обмене опытом мастеров искусств, интернациональном воспита-

нии трудящихся, формировании их художественных вкусов и, рает выставочный обмен, который с течением времени становится все более интенсивным. Созданные в процессе сотрудничества новые художественные произведения явились заметным вкладом в сокровищницу мирового социалистического искусства и всей прогрессивной культуры человечества. Они ярко отразили тенденцию к взаимовлиянию и взаимообогащению изобразительного искусства братских народов на идейной основе социалистического реализма.

Список литературы: 1. *Материалы* Пленума ЦК КПСС, 14—15 июня 1983 г. — М., 1983. — 80 с. 2. *Речь* М. С. Горбачева [на встрече с трудовым коллективом Софийского научно-производственного комбината металло-режущих станков]. — Правда, 1985, 25 окт. 3. *Биография* дружбы. — М., 1984. — 407 с. 4. *Бондаренко И. А. Дружба.* — М., 1977. — 142 с. 4. *Королюк В. Д. Сливенська графіка Ф. Д. Молібоженка.* — Проблеми слов'янознавства, 1980, вип. 21, с. 75—78. 6. *Советско-болгарские отношения.* 1971—1976. — М., 1977. — 589 с. 7. *Соловьева Л. Крылья дружбы.* — Дон, 1981, № 2, с. 173—181. 8. *Шестой съезд художников СССР.* — М., 1983. — 192 с. 9. *Советская культура.* 10. *Культура і життя.* 11. *Зоря Полтавщини.* 12. *Кіровоградська правда.* 13. *Надніпрянська правда.* 14. *Дружба.* 15. *Искусство.* 16. *Творчество.* 17. *Художник.* 18. *Работническое дело.* Орган ЦК БКП. 19. *Народна култура.* Орган Комитета по культуре НРБ. 20. *Пулс.* Изд. ЦК ДКСМ по проблемам лит. и искусства. 21. *Софийские новости* (еженедельник). 22. *Болгария.* 23. *Българо-съветска дружба.* 24. *Днес и утре.* 25. *Искусство.* Орган Комитета по культуре НРБ и Союза болгарских художников. 26. *Архив* Министерства культуры СССР. 27. *Архив* Союза советских обществ дружбы и культурных связей с зарубежными странами. 28. *Архив* правления Союза художников СССР. 29. *Текущий архив* правления Союза художников СССР: а) дело «НРБ—1974», б) дело «НРБ—1975», в) дело «Болгария: 1976—1981», г) дело «Совместная группа советских и болгарских молодых художников. 1978». 30. *ЦДА на НРБ.*

Поступила в редколлегию 19.09.84.

А. А. ЧУВПИЛО, канд. ист. наук

ИНДИЙСКАЯ БУРЖУАЗНАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ О КОЛОНИАЛЬНОЙ ПОЛИТИКЕ АНГЛИИ В ИНДИИ (1917—1947 гг.)

Английское господство, окончательно оформившееся в Индии в первой половине XIX в., задерживало самостоятельное развитие страны и препятствовало ее индустриализации. В. И. Ленин в работе «Тетради по империализму» подчеркивал, что «Англия душит промышленность страны» [1, т. 28, с. 476]. В результате к началу новейшего времени Индия оставалась отсталой аграрной страной. Национальная промышленность попала в зависимость от английского капитала и была ему подконтрольна. В сельском хозяйстве, где было занято около 70 процентов населения, сохранялись сильнейшие феодальные пережитки и рутинная техника.

Экономический и политический гнет, обрекавший индийцев на нищету и политическое бесправие, вызывал глубокое недовольство народных масс. Поэтому они вели упорную борьбу против колонизаторов. Массовый, поистине всенародный характер освободительное движение в стране приняло после победы Великой Октябрьской социалистической революции, которая показала индийскому народу реальную возможность избавления от власти империалистов и создания независимого государства. В. И. Ленин в приветствии «Индийской революционной ассоциации» отмечал, что «провозглашенные рабоче-крестьянской республикой принципы самоопределения и освобождения угнетенных народов... нашли такой живой отклик среди сознательных индийцев» [там же, т. 41, с. 122].

Антиимпериалистическую борьбу возглавляли национально-буржуазные силы в лице самой крупной и влиятельной политической организации — Индийского национального конгресса (ИНК). Лидер конгрессистов М. К. Ганди выдвинул в качестве главной цели национально-освободительного движения достижение свараджа (самоуправления), подразумевая под ним политическую и экономическую самостоятельность.

Огромный размах движения за свободу и независимость вынудил английских империалистов лавировать: наряду с политикой жестоких репрессий они стали прибегать к отдельным уступкам имущим слоям индийского общества, стремясь отвлечь тех от участия в массовых народных выступлениях. Это сочетание политики «кнута» с политикой «пряника» приобрело в 20—40-е годы XX в. ряд специфических черт и стало характернейшей особенностью английской колониальной политики в Индии.

Марксистско-ленинское освещение политики английского империализма в Индии в новейшую эпоху, критика империалистических авторов, оправдывающих колониальные порядки, имеют большое политическое и научное значение в настоящее время, когда на путь самостоятельного развития встали десятки некогда зависимых стран Азии и Африки. В этом отношении особое значение приобретает изучение национальной индийской историографии, посвященной внешнеполитической деятельности британских правящих кругов и истории антиколониальной борьбы индийского народа. К тому же вопросы историографии Востока относятся к числу наименее разработанных в советской и зарубежной марксистской исторической науке.

Попытаемся проанализировать работы индийских буржуазных авторов, в которых исследуется политика английского империализма в Индии в эпоху, открытую Великой Октябрьской социалистической революцией и до завоевания страной политической независимости.

Методологической основой работы являются труды В. И. Ленина, в которых раскрывается сущность империализма, коло-

ниальная политика империалистических держав, а также проблемы национально-освободительного движения [там же, т. 27, с. 299—426; т. 28, с. 1—740; т. 39, с. 318—331; т. 41, с. 122, 241—247; т. 44, с. 34—54].

Первые попытки охарактеризовать политику английских колонизаторов в Индии были предприняты уже в конце XIX—начале XX в. Они явились ответом на сочинения английских авторов Дж. Милля, А. Лайела, В. Лилли и др., которые отрицали право индийского народа на самостоятельное развитие и политические свободы, оправдывали жестокие колониальные порядки в стране. Н. Митра, С. Вивекананда, Р. Мукерджи и другие выступили против различного рода концепций о «цивилизаторской миссии» англичан, опровергали колонизаторский тезис о том, что Индия якобы не доросла до независимости и демократических форм управления.

Политику колонизаторов в Индии разоблачали в своих выступлениях и трудах выдающиеся деятели индийского национально-освободительного движения Б. Г. Тилак, М. К. Ганди, Дж. Неру. Они подчеркивали, что английское господство задержало развитие Индии, осуждали преступления колонизаторов, звали к патриотизму индийцев, воспитывали чувства гордости историческим прошлым страны и ее культурой. Б. Г. Тилак считал английское владычество «гнетом» [16, т. 2, с. 532], а М. К. Ганди называл его «сатанинским» [15, с. 147]. Дж. Неру, клеймя колониальные порядки, подчеркивал, что британское правительство в Индии «лишило народ свободы..., нарушило экономическую, политическую, культурную и духовную жизнь страны» [3, т. 4, с. 216].

Вместе с тем ряд индийских авторов, в том числе такие известные деятели национально-освободительного движения как Д. Наороджи и Л. Л. Рай, осуждая колониализм в целом, приписывали возникновение национального единства индийского населения в заслугу англичанам, политически объединившим страну и приобщившим ее к западноевропейской цивилизации. Против подобных утверждений в числе первых выступил Дж. Неру.

В немногочисленных исторических сочинениях колониального периода индийские авторы, в большинстве своем стоявшие на позициях буржуазного национализма, пытаясь вскрыть причины экономической и политической отсталости Индии, подчеркивали, что главную ответственность за плачевное состояние страны несут английские колонизаторы. Они разоблачали «благотворное влияние» Запада и указывали на препятствия, которые чинили английские империалисты экономическому и культурному прогрессу Индии.

В историческом труде Б. П. Ситарамайи, посвященном Национальному конгрессу (впервые опубликован в 1935 г.), освещается колониальная политика Англии, начиная с первых ме-

роприятий Ост-Индской компании. Автор, известный деятель правоконгрессиистского направления, пришел к следующему примечательному выводу: «История британского господства в Индии представляет собой последовательное чередование реакционных мер и реформ; причем, первые всегда предшествовали вторым» [23, т. 1, с. 65]. Описывая жестокости колонизаторов, Б. П. Ситарамая отнес их к важнейшим условиям рождения национально-освободительного движения, ибо репрессии и законодательные акты, увековечивавшие колониальную эксплуатацию, вызывали обостренное чувство недовольства народных масс.

Описывая борьбу ИНК за национальное освобождение в 20—30-е годы, Б. П. Ситарамая придерживался идеалистической концепции, игнорировавшей наличие классов, классовой борьбы, социально-экономических формаций; решающую роль в истории он отвел не народным массам, а сознательно направленной воле политических деятелей. Для него не существовало особых, свойственных тому или иному классу интересов, а был народ, действующий как единое целое в своем стремлении добиться для всех желанной цели — независимости. Отсюда и упрощенный подход к освещению политики английского империализма в отношении Индии: она освещалась изолированно от породившего ее социально-экономического строя, а также от классовой борьбы, наложившей свой отпечаток на все важнейшие события того времени. В результате в работе не дана четкая оценка политики лейбористской партии в отношении индийского национально-освободительного и рабочего движения, содержится ошибочная трактовка позиции «рабочих» правительств Англии в национально-колониальном вопросе, идеализируются отдельные представители британских правящих кругов.

В конце 30-х годов автор многочисленных трудов по истории и культуре Индии проф. М. А. Бач издал трехтомник «Развитие современной индийской политической мысли» [7]. В нем много места уделено анализу индийского национализма и освещению британской политики в Индии с момента ее захвата англичанами [там же, т. 1, с. 34—60, 208, 214, 241—249 и др.].

М. А. Бач отметил, что британское завоевание содействовало приобщению Индии к достижениям Запада, научно-технической революции и современной индустрии. Но при этом он обратил внимание на то, что господство колонизаторов, преследовавших свои корыстные, эгоистические цели, привело в конечном итоге страну к деградации и нищете. Автор признал правильность взглядов М. Г. Ранаде, раскрывшего неравноправный характер экономических отношений между Великобританией и Индией и создавшего теорию «экономической выкачки» [там же, с. 214].

Подобно другим буржуазным исследователям, М. А. Бач мало внимания уделил социально-экономическим вопросам, игнорировал наличие классов и формаций, ошибочно трактовал такие категории как «капитализм», «империализм» и т. д.

После достижения Индией политической независимости развернулось углубленное изучение истории национально-освободительного движения. Появилось множество исторических трудов, воспоминаний, освещающих освободительную борьбу, биографических работ о национальных лидерах. Привлекая воспоминания участников и очевидцев бурных событий недавнего прошлого, а также документальные и другие источники, историки независимой Индии продолжили начатое их предшественниками изучение истории британского господства в стране и освободительного движения.

Отличительной особенностью большинства этих работ было то, что их авторы, в основном придерживавшиеся буржуазного мировоззрения, основывались на идеалистических системах индийских философов, методологии позитивистской философии и современных идеалистических концепциях Запада. Главным их недостатком является стремление рассматривать колониализм и империализм как вневременные и внеисторические категории, непонимание того, что они являются атрибутами капитализма, сведение колониализма к явлению чисто британского характера.

Тем не менее преобладающее количество авторов исторических сочинений и произведений биографического жанра отрицательно оценивали британское владычество в Индии и, как правило, осуждали важнейшие мероприятия колонизаторов, направленные на упрочение своих позиций в стране. Им присущ последовательный антиимпериализм, отстаивание тезиса о способности индийцев быть хозяевами в своей стране.

В работах 40—50-х годов (Р. Н. Аггарвала [4], С. Ч. Бартарья [5], К. Р. Бомбвал [6], К. К. Датта [10], В. П. Рагхуванши [18], Н. Раджкумар [19], М. В. Рамана Рао [20], Н. Л. Чаттерджи [8] и др.) отмечается, что английское господство привело к разорению индийской кустарной промышленности, не выдержавшей конкуренции дешевых британских товаров. Колониальная администрация в Индии действовала исключительно в интересах метрополии, совершенно не заботясь о благополучии индийского народа. Власти подавляли недовольство населения при помощи жестоких репрессий, проводили политику натравливания одной общины на другую, искусственно создавая коммуналистские противоречия. Хотя отдельные авторы и склонялись к мысли о каких-то положительных моментах британского господства, общий вывод состоял в том, что оно явилось главным препятствием на пути общественного прогресса Индии.

В сочинениях 60—70-х годов (Р. Гопал [13], Д. Гупта [14], С. Синха [22], К. Дваркадас [11], Дж. С. Шарма [21] и др.) прослеживается попытка более детального анализа отдельных мероприятий колонизаторов в новейшее время, направленных на известную модификацию форм империалистической эксплуатации. Внимание исследователей привлекли реформы Монтегю—Челмсфорда, деятельность комиссии Саймона, «рабская конституция» 1935 г., конференции Круглого стола и ряд других попыток империалистов вести «диалог» с представителями индийской общественности.

Подавляющее большинство авторов отмечают, что напуганные ростом национально-освободительной борьбы, английские империалисты наряду с усилением колониального гнета стали широко прибегать к политическим маневрам, вынуждены были пойти даже на отдельные незначительные уступки, которые, однако, не меняли сущности колониального статуса Индии.

В трехтомном исследовании Р. Ч. Маджумдара, посвященном истории индийского освободительного движения [16], особое внимание уделяется английской колониальной политике в Индии. Автор осветил важнейшие мероприятия колонизаторов в 20—40-е годы, показал позицию различных британских кабинетов в индийском вопросе. В работе приводится масса не публиковавшихся ранее документов, позволяющих сделать объективные выводы о целях английских империалистов в самой крупной колонии мира. Однако их ценность снижается тем, что ученый, стоящий на буржуазных позициях, не учитывает всю совокупность факторов, воздействовавших на развитие Индии. Анализируя различные аспекты колониальной политики, Р. Ч. Маджумдар игнорировал экономическую сторону проблемы, сосредоточив все внимание на политических вопросах.

Экономическая политика английского империализма в Индии в новейшую эпоху исследована в индийской буржуазной историографии значительно слабее. Только в последние годы ей стали уделять некоторое внимание. Здесь, несомненно, сказалось воздействие индийской марксистской историографии, играющей все более видную роль в исторической науке независимой Индии.

Отдельные аспекты экономической политики Англии в Индии нашли отражение в многочисленных трудах проф. В. Д. Махаджана. В работе, посвященной истории национально-освободительной борьбы [15], автор показал, что английский империализм всячески стремился задержать развитие индийской национальной промышленности и самым негативным образом влиял на состояние сельского хозяйства. Британское правительство проводило политику превращения Индии в рынок сбыта и источник сырья для английской промышленности. Не-

многочисленные индийские промышленные предприятия разорялись или попадали в зависимое положение, не выдерживая конкуренции с дешевыми британскими товарами. Развитию национальной промышленности мешало превосходство английского промышленного и торгового капитала и зависимое положение страны. В результате индийская экономика находилась в плачевном состоянии из-за засилья английского капитала, а сельское хозяйство деградировало [там же, с. 34—35].

Экономическая политика затрагивается частично и в трудах Р. Гопала [13], С. Гхосе [12], С. Р. Мехротры [17], Г. С. Чхабры [9] и некоторых других. В них также указывается на неравноправный характер отношений Англии и Индии, показано стремление империалистов экономическими и внеэкономическими средствами тормозить самостоятельное промышленное развитие страны и всячески препятствовать ее индустриализации; обращается внимание на зависимость национальной промышленности от английского капитала.

Однако механизм этой зависимости, отдельные экономические мероприятия английского правительства, направленные на укрепление позиций британского капитала в колонии и облегчение выкачки из нее ресурсов, рычаги экономического закабаления, взаимоотношения английских монополий и индийского капитала, финансовая политика Англии в Индии, особенно в годы второй мировой войны, маневры английских империалистов в конце войны, вызванные ослаблением их экономических позиций, и ряд других проблем — не нашли достаточного отражения в сочинениях индийских буржуазных авторов.

Таким образом, анализ книг буржуазных авторов, посвященных истории Индии и национально-освободительного движения, показывает, что ими проделана определенная работа по исследованию политики Англии в Индии в новейший период, накоплен значительный фактический материал, введено в научный аппарат большое количество документов. Но главный недостаток всех трудов буржуазных ученых Индии состоит в том, что они освещают политику Англии в отрыве от породившего ее социально-экономического строя, вне зависимости от монополистического капитала, ограничиваются анализом отдельных вопросов без связи их со всем комплексом событий, в большинстве случаев игнорируют экономический аспект проблемы.

Список литературы: 1. Ленин В. И. Полное собрание сочинений. 2. Неру Дж. Автобиография. Пер. с англ. — М., 1955. — 656 с. 3. Nehru J. Selected works, vol. 1—9. — New Delhi, 1972—1976. 4. Aggarwala R. N. National movement and constitutional development of India. — Delhi, 1956. — 512 p. 5. Bartarya S. C. The Indian nationalist movement. — Allahabad, 1958. — 409 p. 6. Bombwall K. R. Indian politic and government (since 1885). — Delhi, 1951. — 380 p. 7. Buch M. A. The development of Contemporary Indian political thought, vol. 1—3. — Baroda, 1938—1940. 8. Chatterji N. L. India's freedom struggle. — Allahabad, 1958. — 166 p. 9. Chhabra G. S. Advanced study in history of modern India, vol. 3. — New. Delhi,

1978.—253 p. 10. *Datta K. K.* History of the freedom movement in Bihar, vol. 1—3.—Patna, 1957—1958. 11. *Dwarkanadas K.* India's fight for freedom. — Bombay, 1966. — 480 p. 12. *Ghose S.* Indian National Congress: Its history and heritage. — New Delhi, 1975. — 430 s. 13. *Gopal R.* British rule in India. — New York, 1963. — 198 s. 14. *Gupta D. C.* Indian national movement. — Delhi, 1970. — 330 s. 15. *Mahajan V. D.* The nationalist movement in India. — New Delhi, 1976. — 168 s. 16. *Majumdar R. C.* History of the freedom movement in India, vol. 1—3. — Calcutta, 1963. 17. *Mehrotra S. R.* The Commonwealth and the nation. — New Delhi, 1978. — 168 p. 18. *Raghuvanshi V. P. S.* Indian nationalist movement and thought. — Agra, 1959. — 78 s. 19. *Rajkumar N.* Development of the Congress Constitution. — New Delhi, 1949. — 210 s. 20. *Ramana Rao M. V.* A short history of the Indian National Congress. — Delhi, 1959. — 148 s. 21. *Sharma J. S.* India since the advent of the English. — New Delhi, 1970. — 270 s. 22. *Sinha S.* Indian independence in perspective. — London, 1964. — 160 s. 23. *Sitaramayya B. P.* The history of the Indian National Congress, vol. 1—2. — Bombay, 1946—1947.

Поступила в редколлегию 21.11.84.

В. Ф. ПАХОМОВ, канд. ист. наук

РАБОЧЕЕ ДВИЖЕНИЕ И ПОЛИТИКА ПРАВИТЕЛЬСТВА НАРОДНОГО ФРОНТА В ЧИЛИ (1938—1941 гг.)

Развитие революционного процесса в Латинской Америке на современном этапе ясно свидетельствует о том, что революционные силы должны использовать любую форму борьбы для завоевания власти. Большое значение в связи с этим коммунистические партии придают достижению единства всех левых, антиимпериалистических сил с перспективой создания демократических правительств, противостоящих империализму и осуществляющих передовую политику в социальной области [2, с. 21, 47, 51—61]. Руководящие деятели компартий подчеркивают, что речь идет о формировании тех сил, которые должны обеспечить победу народа и открыть в конечном счете дорогу к социализму [3, с. 548, 572; 4, с. 28—29, 124—126; 5, с. 319—320; 6, с. 532—533, 547; 7, с. 10].

В борьбе демократических сил за власть сохраняет свое практическое значение опыт политики Народного фронта в Чили, проводимый левыми силами во главе с компартией с 30-х годов и по настоящее время. «Чилийский опыт выборов, — говорится в Декларации Совещания компартий в Гаване, — показывает, что демократические формы могут быть использованы рабочим классом и народом» [2, с. 25].

Первый положительный опыт такой политики был достигнут уже в период Народного фронта 1936—1941 гг. [8]. В результате его победы на президентских выборах 1938 г. в Чили было сформировано прогрессивное правительство во главе с радикалом П. Агирре Серда, сумевшее за короткий исторический

срок (1938—1941 гг.) осуществить важнейшие социально-экономические преобразования.

Уже в первые недели своего существования правительство Народного фронта приняло ряд мер по пресечению действий реакционных сил, демократизации положения в стране, повышению материального уровня жизни трудящихся. Значительная стабилизация внутривнутриполитической обстановки, существенные достижения в развитии национального производства позволили ему осуществить также широкую программу социального строительства.

Главное место в социально-экономической деятельности правительства занимала политика в отношении рабочего класса. Здесь правительству Народного фронта пришлось столкнуться с решительным противодействием правых сил, решительно выступивших на защиту своих политических, экономических и социальных привилегий. Помехи и трудности, которые они чинили новому правительству, еще более углубляли противоречия и антагонизм, существовавшие в чилийском обществе. Тем самым классовая борьба, охватившая не только город, но и сельскую местность, приобрела исключительно сложный и острый характер, породив так называемые «политические выступления за обобществления», «движение за свободу профсоюзной деятельности», требование «семейной» и «витальной» зарплат и т. д. В связи с чем крупная буржуазия и помещики начали кампанию преследований рабочих, прибегая к штрафам, массовым увольнениям и локаутам. Одновременно они стремились подорвать их доверие к Народному фронту и его правительству. С точки зрения правых, правительственная политика оказалась, как они заявляли, в противоречии с «неподдающейся контролю» деятельностью его «сотрудников-марксистов» [17, 1939, 14 марта]. Соответственно они требовали, чтобы «его Превосходительство Президент республики взял на себя задачу вернуть промышленности мир, деревне спокойствие, а всей стране — веру в то, что будет положен конец роковому движению, направленному на то, чтобы вызвать глубокие потрясения в чилийском обществе и нанести вред всякому прогрессу» [там же]. Нетрудно заметить, что правые силы хотели представить справедливое рабочее движение как чуждое интересам общества, а правительство Народного фронта — прямо повинное в социальных волнениях, потрясавших Чили.

Огромный толчок рабочему движению дали опубликование в печати и начало обсуждения в конгрессе 2—9 ноября 1939 г. правительственного законопроекта «О предоставлении основных прав трудящимся», в котором подтверждалась свобода профсоюзной деятельности и гарантировался 10-ти часовой рабочий день [10, 1939, 2 нояб., 15 сессия; 11, 1939, 9 нояб.]. Горячо приветствуя действия правительства, рабочие со своей стороны усилили путем забастовок борьбу за удовлетворение

своих экономических требований. Забастовочное движение с наибольшей силой проявилось прежде всего в старейших и основных отраслях экономики Чили — селитряной и угольной промышленности. В селитряном производстве в связи с резким сокращением рынков сбыта чилийской селитры в 1939—1940 гг. сложилось особенно трудное и сложное положение, грозившее понижением зарплаты и увольнением тысяч рабочих. Первые волнения рабочих данной отрасли произошли в конце 1939 г. в Норте Гранде (северная зона) на селитряных рудниках компании Костан, которой руководил промышленник Освальдо де Кастро. Экономическое положение рабочих здесь оказалось трагическим: скудные заработки совсем не соответствовали труду и не удовлетворяли самых необходимых потребностей жизни; многие рабочие были уволены.

2 ноября 1939 г. рабочие рудника «Сесилия», расположенного в провинции Антофагаста, предъявили промышленнику Кастро ряд требований в отношении некоторого увеличения зарплаты и прекращения увольнения рабочих. После того, как компания отказалась рассматривать их требования, 10 ноября 1939 г. была начата забастовка, в которой приняло участие 5 тыс. рабочих и членов их семей [13, 1941, 3 ноября]. Волнение распространилось затем на всю провинцию Антофагаста, а также перекинулось в другую провинцию Тарапака, в частности, на известные рудники Росара де Уара, Белья Вьетта, Брак и др., где положение рабочих было не лучше [11, 1941, 3 ноября]. С крайнего севера волна стачек и забастовок перекатилась в конце 1939 г. — начале 1940 г. на юг Чили, в угольные районы (Консепсьон и др.). Она была усилена страшной катастрофой, происшедшей на шахте Швагер 7 марта 1940 г. Мощный взрыв рудничного газа похоронил более 400 рабочих [16, 1940, 8 марта]. И хотя правительство Народного фронта провело тщательное расследование причин катастрофы и приняло меры технического характера, удержать рабочих от забастовок не удалось.

К лету 1940 г. забастовочной борьбой была охвачена почти вся территория страны, две главнейших отрасли промышленности. В одних местах она затихала, в других начиналась, и продолжалась периодически до 1941 г., т. е. данный фактор существовал на протяжении почти трех лет деятельности правительства Народного фронта, и который оно не могло не учитывать. Положение осложнялось еще тем, что владельцы рудников и шахт прибегали к сознательному саботажу, к скрытому и явному: свертывали производство в надежде создать экономический кризис и хаос в стране. Все вместе взятое грозило серьезным спадом производства, уменьшением его объема, увольнениями рабочих, ущемлением их прав и пр. Стремясь не допустить падения производства, правительство заняло в отно-

шении забастовок достаточно гибкую позицию. Министр внутренних дел Олаваррия от лица правительства вынужден был сделать официальное заявление, смысл которого сводился к тому, что правительство разрешало забастовки, но продолжительностью не более 10 дней, пока не будут урегулированы возникшие споры. По истечении этого срока оно предлагало все оставшиеся нерешенными вопросы по найму, условиям и оплате труда передавать в руки специальных комиссий с участием правительственных уполномоченных [14, 1941, 7 янв.].

Надо сказать, что подобное заявление правительства не всеми было правильно понято. Многие рабочие, подстрекаемые ультралевыми элементами, рассматривали решение правительства как отказ от строгого и неукоснительного соблюдения трудового законодательства. На самом же деле, если и допустить, что решение правительства было определенным отступлением от трудового законодательства, то только в интересах производства и при условии обязательного последующего урегулирования положения, о чем свидетельствуют его практические шаги. Правительство неоднократно создавало различные специальные арбитражные комиссии, посылало на места своих уполномоченных. Иногда по тому или другому поводу вводился специальный декрет. Так, например, 4 октября 1940 г. правительство издало декрет по селитряной промышленности, в котором говорилось о важности производства селитры, недопустимости свертывания его и соответствующих мерах правительства. Главное руководство в этой области промышленности должно взять на себя государственное управление селитры и йода, которому вменялось в обязанность наведение «надлежащего порядка в районах добычи селитры» [15, 1940, 4 окт.]. Вместе с тем правительство указывало на необходимость срочного рассмотрения всех законных претензий рабочих. В результате таких решительных и энергичных действий владельцам рудников пришлось отступить, приняв в свою очередь соответствующие меры. Многие уволенные рабочие восстанавливались на работе, из них около 600 рабочих и служащих низшего руководящего состава, причем, с некоторым повышением зарплаты [14, 1941, 7 янв.]. К 1941 г. зарплата в селитряной промышленности выросла в среднем на 21 % по сравнению с 1939 г. [12, с. 217].

Аналогичные меры были приняты и в угольной промышленности. К 1941 г. зарплата в данной отрасли выросла в среднем на 16,6 % по сравнению с 1939 г. [там же].

Таким образом, урегулировав положение в двух основных отраслях чилийского производства, правительство смогло избежать опасного накала и без того острой социально-экономической борьбы. Были отброшены нападки реакции и оппозиции, изо дня в день упрекавших правительство Народного фронта

в том, что оно не способно добиться «стабильности и социального примирения» [17, 1941, 15 марта].

Не выпускало правительство из поля зрения и положение в сельских районах страны. Уже с 1939 г., здесь, как и в промышленности, начались сильные волнения сельхозрабочих: первоначально в провинциях Вальпараисо и Сантьяго, а потом и в других частях страны. На предъявление сельхозрабочими экономических требований землевладельцы ответили штрафами и массовыми увольнениями. При этом землевладельческая олигархия забастовки в сельском хозяйстве и призывы к перераспределению земли также назвала «возмутительным бунтарским движением», возникшим якобы по вине «крестьянских агитаторов» [10, 1939, 6 сент., 49 сессия]. Касаясь этого движения, ранее упоминавшийся правый депутат Росас на 49-й очередной сессии палаты депутатов в 1939 г. заявил, что «нельзя подстрекать к получению земли тех людей, которые в действительности не будут способны прокормиться на ней», потому что, по его мнению, «их пороки и их нерасторопность не позволяют им жить тем, что могла бы дать им земля, если бы они ее возделывали» [там же]. Таким образом, выступление депутата Росаса обнаруживало его стремление сохранить неприкосновенными привилегии помещиков. Тем самым он утверждал незыблемость принципа разделения общества, в котором только «элита», по его словам, могла руководить обществом, предоставив лишь немногим, в особенности «самым скромным и самым послушным, пользоваться благодеяниями и следовать примеру высших слоев» [там же].

Начало обсуждения в конгрессе 2 ноября 1939 г. правительственного законопроекта «О предоставлении основных прав трудящимся» получило у сельхозрабочих единодушное одобрение и еще больше вдохновило их на борьбу за улучшение условий своего труда. Так, например, уже на следующий день после его опубликования рабочие асеньды «Чакабуко» в присутствии инспектора труда Мариано Бустос добились от своего хозяина Франсиско Петровика согласия на увеличение своей зарплаты с 15 ноября 1939 г. по 15 марта 1942 г. на 1 песо в день, а с 1942 г. на 1,5 песо [16, 1939, 3 ноября]. Это побудило рабочих из других поместий бороться за немедленное улучшение условий своей жизни, и рабочее движение в сельской местности, то возникая, то затухая, продолжало шириться по всей стране. На 20-й внеочередной сессии палаты депутатов в декабре 1939 г. социалист Карлос Гаэте, отвечая правому депутату Росасу, от имени левых заявил, что «беспорядки», в которых неоднократно обвиняют рабочих правые, с полной ясностью свидетельствует, что истинными виновниками конфликтов являются сами хозяева, организовавшие против рабочих — арендаторов и правительства». «Так что покончить

с волнениями легко, — сказал он. — Достаточно «их милостям, живущим в сельской местности, принять меры, чтобы улучшить жизнь арендаторов, чтобы покончить раз и навсегда со всеми долгами 50-ти или 60-летней давности, а также с отвратительными жилищами, в которых следует держать не человеческие существа, а скот». «Мы считаем, — продолжал далее оратор, — что пока с этими людьми не будут лучше обращаться, и пока крестьяне не станут социально и экономически свободными, мы не выполним историческую задачу, возложенную на нас» [10, 1939, 20 дек., 20 сессия]. Не трудно заметить, что в словах депутата-социалиста содержалось вполне приемлемое решение проблемы, однако мысль о том, что сами хозяева земли ликвидируют конфликт, ими же порожденный, была, конечно, утопической.

В дискуссиях по рабочему движению на селе остро встал вопрос о выплате сельхозработным заработной платы. По этому поводу депутат Карлос Гаэте сказал, что ни в одном из 100 поместий провинций О'Хиггинс и Кольчагуа не платят 20,7 песо, даже с премияльными, размер которых зависит от прихоти хозяина. «Правительство, — заявил он, — должно обязать чилийских землевладельцев вести учет с тем, чтобы можно было знать, какая зарплата выплачивается на деле. Нельзя допускать, чтобы землевладельцы уклонялись от выплаты за труд и от своих обязанностей» [там же, 9 янв., 35 сессия].

Между тем положение рабочих в деревне становилось все хуже и хуже. Число увольнений в отдельных поместьях достигало нескольких десятков человек, пополнявших армию безработных. Правая пресса по традиции утверждала, что прямыми виновниками «беспорядков» были «профессиональные агитаторы» из числа крайне левых, действия которых заставляли латифундистов принимать ответные меры. Агитаторы, по их утверждению, «ходили из поместья в поместье, подбивая рабочих выдвигать непомерные требования, например: немедленного снабжения жилищ электричеством и водопроводом в то время, как указанных удобств не было еще у самих хозяев, и даже в городах» [17, 1940, 23 дек.]. Естественно, что эти заявления были лишь неуклюжими оправданиями бездействия правых, их нежелания заняться нуждами рабочих. Так, например, 11 января 1941 г. сельхозработные имения «Аррего Арриба», находящегося в округе Касабланка, представили ее владельцу Оскару Серда требования в отношении своих экономических прав, однако они были им отвергнуты. Тенденциозно информированный управляющий Вальпараисо попытался по требованию помещика выселить из указанного имения рабочих, объявивших забастовку. Этот напряженный инцидент был с возмущением изложен в профсоюзном заявлении от 15 января, раскрыв перед общественным мнением истинное поведение ла-

тифундиста перед рабочими и государственными властями [16, 1941, 15 янв.]. Нечто подобное произошло и в имении «Мансано», принадлежащем Дитбори и Кастильо, где рабочие, объединившиеся в профсоюз, были выброшены со своей работы без всякого на то предлога. Аналогичное произошло также в имении «Росарио», где рабочие получали колеблющуюся между 1 песо и 3,5 песо зарплату в день, равный 12 часам работы [там же].

16 марта 1941 г. в правой газете «Импарсьяль» появилась статья под заглавием «Воображаемая жестокость и плохая память», где предпринимались попытки оправдать действия латифундистов. «Владельцы имений, — говорилось в газете, — не совершают никакой жестокости, когда используют свои законные права, выдворяя из своих земель работников, которые стали их врагами и потеряли их доверие. Явление, которое неизбежно в любом роде человеческой деятельности, тем более в сельском хозяйстве Чили, где сохраняется столь напряженное положение» [17, 1941, 16 янв.]. Утверждая это, газета стремилась свалить вину и ответственность на правительство, по вине которого якобы «страдают сотни и тысячи честных тружеников, которые не отдали свой голос в поддержку Народного фронта и которых теперь правительство преследует» [там же]. В данном случае, как и во всех подобного рода сообщениях, где речь шла об антагонистических противоречиях, не только защищались власть, права и привелегии землевладельцев над рабочими, но и правительству настойчиво внушалась мысль о том, что оно должно проявлять терпимость в вопросах труда и капитала. Поскольку правительство старалось благоприятствовать трудящимся массам, правые и в этом случае взваливали ответственность на правительство, которое, по их мнению, никак не могло справиться с проблемой социального примирения. За всеми этими словами скрывались лицемерие и демагогия с таким расчетом, чтобы сохранить крупное землевладение.

Таким образом, мощное движение трудящихся масс Чили было порождено их стремлением в рамках законной власти правительства Народного фронта добиться улучшения условий труда и жизни. Активизации этого движения способствовали социально-экономические преобразования правительства Агирре Серды, искавшего, в свою очередь, опоры на массы.

Положительный опыт деятельности правительства Народного фронта был использован в 70-х годах правительством Народного единства во главе с Сальвадором Альенде. В настоящее время многолетний опыт, накопленный левыми силами Чили в рамках Народного фронта, с успехом используется в деятельности единого Антифашистского фронта. Состоявшаяся в 1984 г. в глубоком подполье национальная конференция Компартии Чили вновь указала на то, что «начать процесс демократических и прогрессивных социально-политических преоб-

разований можно лишь при условии свержения военно-фашистской диктатуры путем борьбы всех слоев общества» [9, 1984, 15 июня].

Список литературы: 1. *Материалы XXVI съезда КПСС.* — М., 1982. — 223 с. 2. *Латинская Америка в борьбе против империализма за национальную независимость, демократию и народное благосостояние, мир и социализм: Декларация Совещания компартий Латинской Америки и Карибского бассейна, состоявшегося в Гаване с 10 по 13 июня 1975 года.* — М., 1975. — 63 с. 3. *Арисменди. Ленин, революция и Латинская Америка.* Изд. 2. — М., 1975. — 591 с. 4. *Арисменди. VII конгресс Коминтерна и фашизм в Латинской Америке сегодня.* — М., 1977. — 136 с. 5. *Кастро Ф. Октябрьская революция и Кубинская революция. Речи и выступления 1960—1978 гг.* — М., 1978. — 328 с. 6. *Корвалан Л. Нас ждут новые битвы. Избр. статьи и речи.* — М., 1978. — 551 с. 7. *Корвалан Л. Банкротство политики империализма в Чили. — Проблемы мира и социализма, 1983, № 5, с. 10—16.* 8. *Гарнин Ф. А. Народный фронт в Чили. 1936—1941.* — М., 1973. — 309 с. 9. *Правда, 1984.* 10. *Boletín de Sesiones del Congreso. 1938—1940.* — Biblioteca Nacional de Chile (Santiago), archivo. 11. *Mensajes Presidenciales. 1939—1942.* — Biblioteca Nacional de Chile (Santiago), archivo. 12. *Geografía económica de Chile, t. II.* — Santiago de Chile: 1957. — 535 p. 13. *El Siglo, 1941.* 14. *La Hora, 1941.* 15. *Diario Oficial, 1940.* 16. *La Opinión, 1939—1941.* 17. *El Imparcial, 1939—1941.*

Поступила в редколлегию 07.11.84.

Л. М. ХОХЛОВА

ПРОБЛЕМЫ НАРОДНОГО ОБРАЗОВАНИЯ В БОРЬБЕ ФРАНЦУЗСКИХ КОММУНИСТОВ ЗА СОВМЕСТНУЮ ПРАВИТЕЛЬСТВЕННУЮ ПРОГРАММУ ЛЕВЫХ СИЛ (1963—1972 гг.)

Подписание в 1972 г. коммунистами, социалистами и левыми радикалами совместной правительственной программы обогатило международное рабочее движение конкретным опытом борьбы за единство трудящихся на антимонополистической основе. Являясь по своим целям общедемократической, не предусматривавшей мер социалистического характера, программа все же намечала широкий комплекс мер, реализация которых значительно улучшила бы положение всех эксплуатируемых слоев народа. Одной из них являлось осуществление демократической реформы образования. Данному вопросу посвящено 29 из 192 страниц документа, т. е. больше, чем какой-либо другой проблеме [23, p. 73—102].

Требования демократизации школы всех ступеней ФКП всегда выдвигала как один из важнейших мобилизующих массы лозунгов. Богатый опыт неразрывной борьбы ФКП за разрешение кризиса образования, выработку и принятие левыми силами совместной правительственной программы приобретает важное для международного коммунистического движения зна-

чение. Вместе с тем этот опыт комплексно не исследован ни в советской, ни в зарубежной марксистской историографии. Попытаемся выявить значение и роль борьбы ФКП в защиту общественной школы в выработке и принятии правительственной программы демократического единства.

История борьбы ФКП за обеспечение доступа детей трудящихся к образованию органически связана с ее борьбой за единство рабочего класса. «Трезвая и мужественная позиция ФКП» в вопросах образования привела в середине 30-х годов к быстрому принятию правительством Народного фронта законов о продлении обязательного бесплатного обучения [11, р. 553]. Сыгравшая решающую роль в объединении патристических сил в годы войны ФКП уже в сентябре 1943 г. представила Национальному совету Сопротивления пространный документ «О французской политике в области образования», предлагавший конкретные меры по коренной перестройке и модернизации системы образования, положенный в основу программы НСС [3, с. 366]. После разгрома фашизма парламентская комиссия, возглавленная профессорами-коммунистами А. Валлоном и П. Ланжевенем, разработала и представила Национальному собранию «подлинную хартию коренного обновления и демократизации французского образования» [там же].

Одним из важнейших принципов предлагаемой системы являлось бесплатное обучение на всех уровнях, предоставление студентам стипендий, а малообеспеченным родителям учащихся — семейных пособий. «Речь идет о предоставлении каждому ребенку средств полного развития его способностей, — говорил по этому поводу Ланжевен. — Нельзя допустить, чтобы будущее детей было испорчено трудностями материального положения» [13, с. 228]. Вторым важнейшим принципом являлось обеспечение всем детям доступа к культуре. «Никакая профессиональная подготовка, — утверждал Ланжевен, — не должна превалировать над задачей приобщения каждого ребенка к общей культуре» [14, с. 241]. Наконец, огромное значение имело обучение на основе материалистического мировоззрения [там же, с. 182]. «ФКП выработала комплексную программу реорганизации народного образования, — характеризовал позже В. Роше проект Валлона—Ланжевена, — по всей полноте ее структуры, в плане комплектования и в методах преподавания» [26, с. 57].

В результате соглашательской политики лидеров Социалистической партии Франции (СФИО) буржуазии удалось отвергнуть этот проект. Более того, именно по предложению социалиста П. Бонкура в сентябре 1951 г. были приняты законы Мари, Баранже и Барашена, восстановившие школьное законодательство Виши. Они предусматривали выплату стипендий ученикам частных и клерикальных учебных заведений из фондов муниципальных и департаментских советов. Законы по-

ставили общественную школу в тяжелое положение. Их прямым следствием явилось резкое сокращение школьного строительства и быстрый рост числа перегруженных классов. Многие тысячи учеников проводили занятия в сараях, подвалах, заброшенных вагонах, трамваях, автобусах, на квартирах директоров школ. Системой стали занятия в коридорах. Только в столице в 1957 г. ученики 160 классов обучались в вагонах и 223 — в коридорах [12, 1959, 16 февр.]. Даже министр просвещения радикал Р. Биллер был вынужден признать в 1956 г., что «плачевное состояние школы ... достигает поистине степени национальной катастрофы» [1, с. 625].

В 50-е годы борьба ФКП за единство рабочего класса и расширение доступа детей трудящихся к образованию велась в неразрывной связи с массовым движением за мир и прекращение колониальных войн. Авангардная роль коммунистов, рост их авторитета в массах молодежи, боровшейся против войны, за предоставление «всем молодым людям, в том числе и самым бедным» права на образование подтверждается тем, что после раскола в 1956 г. Национального союза студентов Франции на 4 организации из 120 000 членов 80 000 осталось «под сильным влиянием Коммунистической партии» [11, с. 554].

С установлением в ноябре 1958 г. Пятой республики начинается новый этап борьбы за демократизацию образования под лозунгами единства республиканцев. ФКП с первых же дней существования нового режима повела бои в защиту демократических свобод, в том числе и светской школы, заявив уже в 1959 г. о необходимости выработки общей программы левых сил [23, с. 24]. В условиях раскола рабочего класса и поддержки голлистов социалистами компартия разъясняла массам сущность происшедших в стране перемен. Возглавлявший парламентскую группу ФКП Ж. Дюкло при обсуждении в декабре 1959 г. закона Дебрэ, предусматривавшего субсидирование государством частноклерикальных учебных заведений за счет сокращения расходов на общественную школу, призвал всю демократическую общественность Франции к единству действий в борьбе за светское образование. Он подчеркивал, что лишь при этом условии «Франция клерикальная не одолеет Францию светскую и республиканскую» [2, с. 312].

В 1959—1962 гг. борьба ФКП за светскую школу и демократию велась в неблагоприятных для нее условиях. Трудности вытекали из обстоятельств военного времени, террористической деятельности Секретной Вооруженной Организации (ОАС), раскола рабочего класса, соглашательской политики руководства СФИО, разобщенности республиканских сил и т. д. В эти годы компартия лишь вырабатывала тактику борьбы за ликвидацию режима личной власти, краеугольным камнем которой являлся тезис о необходимости достижения союза

республиканских сил на основе общей программы. Состоявшие в 1959 и 1961 гг. XV и XVI съезды ФКП констатировали, что важнейшим средством достижения этой цели может быть только массовое народное движение, развернутое при помощи общественных организаций [4; 12, 1961, 12 мая].

Вооружив своих активистов теоретически, ФКП стремилась найти основу закрепления и расширения союза с республиканцами, который начал складываться в 1961—1962 гг. в движении за мир в Алжире. Такую основу она видела в необходимости совместной борьбы в защиту светской школы и удовлетворение других ближайших требований трудящихся [28]. Начиная с февраля 1963 г., компартии удалось развернуть под этими лозунгами мощные массовые выступления по всей стране. В них приняли активное участие все учительско-преподавательские синдикаты, местные комитеты в защиту светского образования, родительские ассоциации и т. д. В начале марта ФКП созвала конференцию мэров-коммунистов, выработавшую конкретные предложения для предстоящего Национального конгресса мэров Франции. Ее участники к требованиям общественности сохранить светский характер школы прибавили требования ее демократизации. Следуя примеру компартии, такую же конференцию провела и СФИО, на которой председатель руководящего комитета Ги Молле признал необходимость сотрудничества в битвах за образование с коммунистами. Состоявшийся вскоре Национальный конгресс мэров Франции призвал всех республиканцев, мэров, работников системы образования к сплочению для отражения атак правительства. Откликаясь на призыв, созданный в апреле Национальный конгресс НССФ заявил, что «выработка в сотрудничестве с рабочими профсоюзами проекта реформы всех ступеней системы образования, ведущей к его подлинной демократизации», представляет одну из важнейших задач организации [12, 1963, 7 марта].

Учитывая происшедшие в настроениях масс перемены, ФКП сочла своевременным уже в 1963 г. призвать демократов и республиканцев к выработке совместной программы к президентским выборам 1965 г. с целью ликвидации режима личной власти. В росте сплоченности трудящихся масс и их недовольства режимом, в дальнейшем укреплении единства в низах коммунистов, социалистов и других демократов ФКП видела возможность постановки вопроса о выдвижении на основе общей программы единого кандидата левых сил на президентских выборах 1965 г., подготовка к которым должна была начаться в декабре 1963 г. Важную роль в этой борьбе коммунисты отводили массовому движению молодежи. В ноябре 1963 г. ФКП призвала студентов Франции поддержать ее инициативу, а в конце года опубликовала проект программы к президентским выборам, в которой большое внимание уделялось проблемам демократизации системы образования [6; 18; 19].

Значительный вклад в развитие борьбы ФКП за образование под лозунгами единства левых и демократических сил внесли массовые выступления трудящихся, длившиеся в течение всего 1965 г. Весной правительство готовило к обсуждению в Национальном собрании проект реакционной реформы системы образования, направленный на дальнейшее материальное и моральное поощрение католических школ, закрытие общественных учебных заведений, сокращение государственных субсидий коммунам на школьное строительство и усиление классовых перегородок на пути доступа детей трудящихся к образованию [12, 1965, апрель]. По инициативе коммунистов Национальный комитет защиты светской школы (КНАЛЬ) призвал массы к незамедлительному проведению широкой кампании протеста против реформы. Он направил местным комитетам директивы по организации действий и обратился к молодежи страны с призывом активно поддерживать движение.

В течение апреля-мая 1965 г. состоялись Национальные конгрессы различных профсоюзных организаций системы образования: Союза преподавателей высших учебных заведений, Союза учителей коммунальных школ, Национального союза студентов Франции, Национальных профсоюзов средних технических, педагогических, общеобразовательных школ [там же, 1965, май-апрель]. Родители школьников, лицеистов, гимназистов проводили собрания, митинги, манифестации, направляли в правительственные органы делегации и петиции. Общественные организации работников просвещения публиковали общие или раздельные декларации, резолюции, призывы, осуждавшие голлистскую школьную политику. Даже Высший совет Народного образования заявил 25 мая, что в 1965 г. претворить в жизнь проект реформы невозможно из-за чрезмерного возбуждения масс [там же, 1965, 29 мая].

Широкомасштабные массовые выступления в защиту общественной школы, резкое полевание профсоюзов системы образования, радикализация их требований сыграли важную роль в достижении соглашения ФКП с Конвентом республиканских институтов о выдвижении единого кандидата на пост Франции, что признавал в сентябре 1965 г. Ф. Миттеран [16, с. 421—422]. Хотя Конвент и компартия выступали с отдельными, отличавшимися прежде всего отношением к режиму личной власти избирательными программами, в них наиболее сходным был подход к проблемам образования [6; 9; 22]. По инициативе ФКП в октябре по всей стране были учреждены местные комитеты поддержки Миттерана, в которые вошли представители большинства школьных синдикатов. Эти комитеты, профсоюзы учителей, студентов, родителей школьников в публикуемых документах призывали избирателей голосовать за единого кандидата левых сил. На декабрьских выборах Миттеран собрал 45,5 % голосов. Г. Деффэр же был вынужден публично отка-

заться от выдвижения своей кандидатуры. Примечателен факт, что на президентских выборах 1969 г. Деффэр, по-прежнему выступавший против единства с коммунистами, собрал лишь 5 % голосов.

Этот опыт был использован ФКП в ходе подготовки к выборам в Национальное собрание 1967 г. Мартовский 1966 г. Пленум ЦК ФКП призвал профсоюзы к борьбе за проведение избирательной кампании на основе общей программы левых сил. Он направил письма Ф. Миттерану, ВКТ, Форс Увриер, ВКДТ, левым партиям, 24-м крупнейшим учительско-преподавательским профцентрам [19, с. 309]. Июньский 1966 г. Пленум утвердил минимальную программу левых сил и снова обратился к тем же организациям с призывом поддержать принятую компартией инициативу [20]. Уже в июне многие профсоюзы откликнулись на призыв: за ликвидацию режима личной власти на основе общей программы высказались в печати тысячи учителей различных учебных заведений. Только в Тулоне документ подписало 850 преподавателей. В результате в июле того же года Федерация Демократических и Социалистических левых сил (ФДСЛС) также опубликовала свою программу, многие пункты которой, особенно касавшиеся образования и других социально-экономических требований, были сходными с соответствующими пунктами программы ФКП. Осенью компартия обратилась к ФДСЛС с предложением выступить на парламентских выборах с общей программой, предусматривающей выделение четверти государственного бюджета на образование, предоставление кредитов на профессионально-техническое обучение, строительство спортивных сооружений и жилищ для учителей [19]. 20 декабря 1966 г. Федерация и ФКП опубликовали совместное коммюнике, в котором констатировалась невозможность разрешения кризиса в системе образования, удовлетворения других требований трудящихся в условиях режима личной власти и подчеркивалась необходимость его ликвидации. [7]. Такой же документ ими был подписан в феврале 1968 г., что способствовало дальнейшему развитию союза левых сил [9].

Образование в июне 1971 г. Французской социалистической партии (ФСП), возглавленной Ф. Миттераном, в значительной степени ослабило антикоммунистические течения СФИО и создало новые предпосылки единства рабочего класса. Учитывая это, в октябре 1971 г. ЦК ФКП утвердил «правительственную программу демократического единства», которая предлагала ясные и конструктивные решения крупных проблем, стоявших перед страной [21, с. 7]. Более пятой части текста (6 из 21 главы) было посвящено проблемам народного образования [21]. В подписанной в 1972 г. ФКП, ФСП и левыми радикалами совместной правительственной программе данному вопросу

также уделено огромное внимание (29 из 192 страниц) [23]. В предисловии и приложениях отмечена важность совместных выступлений левых сил за ближайшие требования трудящихся, особенно в защиту школы, и авангардная роль коммунистов в движении [22; 23, с. 186—188]. «Единственной стратегией борьбы ФКП за образование, — говорил по этому поводу в 1980 г. Ф. Миттеран, — являлись непрекращавшиеся призывы к прямым действиям», что вызывало отклики учителей-социалистов, в то же время обвинявших свое руководство в «проведении тактики хвостизма, нерешительности и соглашательства с правительством в ущерб расширявшемуся движению» [17, с. 151].

Таким образом, после второй мировой войны, и особенно в годы Пятой республики, во Франции кризис системы образования достиг чрезмерной остроты. ФКП, с тех пор как она начала бороться за ближайшие требования трудящихся, постоянно шла в авангарде движения за демократизацию общественной школы, сочетая свои выступления с битвами за сплочение рабочего класса. Этот опыт ФКП представляет большую ценность для международного коммунистического движения, поскольку ФСП оказалась единственной представительницей западноевропейской социал-демократии, которая пошла на союз с коммунистами на основе совместной правительственной программы. С приходом в 1981 г. левых сил к власти правительством были выделены значительные финансовые средства местным органам власти и министерству образования, в результате чего более 1,5 миллионов детей трудящихся смогли продолжить учебу в средних общеобразовательных и профессионально-технических учебных заведениях. В условиях острейшего кризиса школы всех ступеней в капиталистическом мире это явилось мощным стимулом развития в западных странах борьбы за единство демократических сил и за доступ детей эксплуатируемых слоев к образованию.

Список литературы: 1. Дюкло Ж. Избранные произведения. — М., 1959. — Т. 2. 554 с. 2. Дюкло Ж. Мемуары. — М., 1975. — Т. 2. 559 с. 3. Роше В. Избранные статьи и речи. — М., 1972. — 413 с. 4. *Торез М.* Избранные статьи и речи. — М., 1966. — 662 с. 5. Aron R. Election de mars et la 5. République. — Paris: Ed. Juillard, 1978. — 183 p. 6. *Campagne pour le programme commun.* — Cahiers du communisme, 1964, n. 1, p. 124—126. 7. *Communiqué commun sur les entretiens et d'accords conclus entre le Parti Communiste Français et la Fédération de la Gauche Démocrate Socialiste.* — Economie et politique, 1967, n. 150, p. 179—181. 8. *Communiqué du Comité Directeur.* 3. 10. 1963. — La Révue Socialiste, 1963, n. 167, p. 443. 9. *Déclaration commune du Parti Communiste Français et F. G. D. S.* — Cahiers du communisme, 1968, n. 3, p. 19—30. 10. *Deffaire G.* Un nouvel horizon. — Paris: Ed. Gallimard, 1965. — 183 p. 11. *Granet M.* Syndicalisme chez les enseignants. — La Révue Socialiste, 1965, n. 183, p. 541—555. 12. *L'Humanité.* 13. *Langevin A.* Paul Langevin, mon pere. — Paris: Ed. Français réunis, 1971. — 291 p. 14. *Langevin P.* Pensée et action. — Paris: Ed. Sociales, 1964. — 349 p. 15. *Lettre du Parti Communiste au Parti Socialiste.* — L'Humanité,

31.05. 1965. 16. *Mitterrand F. Ici et maintenant.* — Paris, Ed. Fayard, 1980. — 309 p. 17. *Mitterrand F. Politique.* — Paris, Ed. Fayard, 1977. — 640 p. 18. *Parti Communiste Français et les étudiants.* — Cahiers du communisme, 1963, n. 12, p. 106—109. 19. *Pour un programme commun et une tactique électorale commune.* — Cahiers du communisme, 1966, n. 12, p. 142. 20. *Pour une tactique électorale commune.* — Cahiers du communisme, 1966, n. 4, p. 135—136. 21. *Programme pour un gouvernement démocratique d'union populaire.* — Paris: Ed. Sociales, 1971. — 251 p. 22. *Programme du Parti Communiste Français pour les élections législatives.* — Economie et politique, 1966, n. 147, p. 32—38. 23. *Programme commun de gouvernement du Parti Communiste Français et du Parti Socialiste.* — Paris: Ed. Sociales, 1972. — 192 p. 24. *Résolution du Congrès extraordinaire.* — La Revue Socialiste, 1964, n. 172, p. 378—380. 25. *Rey A. Réflexions sur une réforme de l'enseignement supérieur.* — La Revue Socialiste, 1964, n. 174, p. 48—52. 26. *Rochet W. Avenir du Parti Communiste Français* — Paris: Ed. Grasset, 1969. — 188 p. 27. *Textes votés par le Congrès National du Parti Socialiste.* — La Revue Socialiste, 1963, n. 165, p. 204—222. 28. *Travaux du Comité Centrale.* — Cahiers du communisme, 1962, n. 12, p. 114.

Поступила в редколлегию 13.10.84.

Г. В. ЗГУРСКИЙ

РЫНОК ТАБАКОВОДСТВА НА ЛЕВОБЕРЕЖНОЙ УКРАИНЕ В 60—90-е ГОДЫ XIX в.

Развитие табаководства в пореформенной России с особой яркостью характеризует процесс превращения земледелия в одну из отраслей капиталистического товарного производства. В. И. Ленин отмечал, что «рост сельскохозяйственных технических производств имеет очень важное значение в вопросе о развитии капитализма» [1, т. 3, с. 284]. Табаководство, товарный характер которого проявился еще до отмены крепостного права, было одной из важнейших отраслей технического растениеводства в России. Главными районами разведения табака были Левобережная Украина, Бессарабия, Самарская губерния, позднее — Крым и Кавказ, но ведущую роль играли две левобережные губернии — Полтавская и Черниговская. Поэтому сбыт продуктов табаководства занимал особое место в структуре аграрного рынка Левобережной Украины. Тем не менее эта проблема до сих пор не нашла достаточно полного отражения в научной литературе. Представители официальной и земской статистики собрали важный материал для характеристики рынка табаководства [5; 8; 9; 11; 12; 13; 14], но эти данные не привлекали серьезного внимания дореволюционных историков народного хозяйства и использовались лишь в изданиях обзорного характера [7; 15].

Впервые проблемы развития табаководства в пореформенное время с точки зрения эволюции капиталистического рынка были рассмотрены В. И. Лениным в его труде «Развитие капи-

тализма в России». Глубоко изучив данные о размерах плантаций табака в трех уездах Полтавской губернии, он подчеркнул особую концентрацию табачных посевов в руках капиталистических хозяйств и отметил, что табаководство как «отрасль специально-торгового земледелия данной местности более сосредоточена в руках капиталистов, чем земледелие вообще» [1, т. 3, с. 299]. Принципиальное значение имеет ленинский вывод о том, что рост торгового табаководства был проявлением развития капитализма в этой отрасли хозяйства.

Основываясь на главных положениях труда В. И. Ленина, советские исследователи продолжали изучение проблем развития торгового табаководства и табачного рынка отдельных регионов страны, в том числе и Левобережной Украины [2; 4; 6 и др.] Так, И. С. Лобода, рассматривая процесс развития капитализма в сельском хозяйстве Черниговщины, показал капиталистический характер эволюции табаководства губернии [6, с. 10]. В обстоятельном труде И. А. Гуржия, посвященном месту Украины в системе всероссийского рынка, приведены суммарные усредненные данные о посевах и сборе табака в Полтавской и Черниговской губерниях за пореформенные десятилетия, рассмотрены направления вывоза табачной продукции и сделан вывод, что Левобережье в 60—90-е годы XIX в. было главным табаководческим районом страны [4, с. 64—68].

Однако средние цифры не позволяют проследить динамику роста табаководства, выявить его колебания по годам, связанные с особенностями социально-экономического развития региона и всей страны. До сих пор в литературе не освещены вопросы о месте каждой из губерний Левобережной Украины в производстве табака и торговле им, о ценах на продукты табаководства, не изучены данные о транспортировке табачных грузов по железным дорогам, роль крупных железнодорожных станций в вывозе табака, вопросы развития табачной промышленности региона. Это затрудняет оценку места Левобережной Украины в структуре рынка технических культур пореформенной России. Попытаемся восполнить имеющийся пробел, используя материалы центральных и местных статистических изданий второй половины XIX — начала XX в.

Табаководство на Левобережной Украине имеет давнюю историю: Первые плантации табака появились здесь еще в начале XVIII в. К 1861 г. площадь табачных посевов на Левобережье составила 30 112 десятин (88,1 % всех посевов табака в России), а сбор — 862 783 пуда (78,4 % общероссийского) [подсчитано по: 14, с. 156—165]. После отмены крепостного права, в условиях перестройки сельского хозяйства на новых, капиталистических началах табаководство переживало серьезные трудности. В 1862 г. площадь табачных посевов на Левобережной Украине сократилась более чем вдвое (до 12 798

дес.), а сбор табака — более чем на 30 % (до 597 800 пуд). Уровень 1861 г. по посевам был превзойден лишь в 1875 г. (30 816 дес.), да и позднее площадь посевов подвергалась сильным колебаниям. Однако уже в 1863 г. мы наблюдаем увеличение сбора табака до 1 368 553 пуд. (на 58 % по сравнению с 1861 г.), а к середине 70-х годов сборы табака выросли почти вдвое [подсчитано по: 14, с. 2—6, 156—167]. Рост урожая ярко свидетельствует о преимуществах капиталистических методов ведения хозяйства в табаководстве пореформенной России.

По отдельным губерниям региона производство табака распределялось следующим образом. Черниговская губерния в 60-е годы давала в среднем 53 % сбора табака на Левобережье, в 70-е годы — 64 %, в 80-е годы — 62,8 %. Полтавская губерния производила соответственно 43,6 %, 33 % и 34 % табачного сырья. Меньше всего табака давала Харьковская губерния — соответственно 3,4 %, 3 % и 3,2 % [подсчитано по: 14, с. 156—157].

В силу климатических условий, а также потому, что главным потребителем табака были крестьяне и городская беднота, предъявлявшие спрос на дешевые сорта, на Левобережной Украине выращивалась главным образом махорка, лучший разбор которой назывался «панской», и табаки низших сортов. В 80—90-е годы сбор низкосортного табака составлял в Черниговской губернии 96,5 % общего сбора, в Полтавской — 98,6 %, в Харьковской — 86 %. Желтые (турецкие) табаки составляли в указанных губерниях соответственно 0,1 %, 0,8 % и 13,8 % общего сбора, а сигарные (американские) табаки — 3,4 %, 0,6 % и 0,2 % [14, с. 2—6].

Большинство табачных плантаций после отмены крепостного права находилось в руках крестьян, но значительная часть посевов приходилась на помещичьи хозяйства. Об этом свидетельствуют, в частности, данные о числе плантаций и площади табачных посевов за 1887 г. [там же, с. 114—115]:

Губерния	Помещики и крупные землевладельцы				Крестьяне и мещане				Прочие группы населения			
	число плантаций	%	площадь посевов, дес.	%	число плантаций	%	площадь посевов, дес.	%	число плантаций	%	площадь посевов, дес.	%
Черниговская	4152	4,4	4546	27,7	89983	94,8	11160	68	762	0,8	706	4,3
Полтавская	2043	1,0	5279	47,3	211926	98,8	5163	46,3	609	0,3	720	6,4
Харьковская	45	0,3	132	17,3	15007	99,7	631	82,7	—	—	—	—

Мы видим, что на 4,4 % помещичьих табачных плантаций в Черниговской, 1 % в Полтавской и 0,3 % в Харьковской губернии приходилось соответственно 27,7 %, 47,3 % и 17,3 % посевов. Даже в конце XIX в. наиболее крупные плантации принадлежали помещикам. Их табачные посевы достигали размеров 20—60 десятин [10, с. 339, 422, 423, 462]. Крупные помещики имели возможность выращивать лучшие сорта табака [8, т. 1, с. 77]. Крестьяне же не имели ни агротехнических, ни финансовых возможностей для разведения более доходных высших сортов. В большинстве крестьянских хозяйств табачные плантации предназначались для удовлетворения личных потребностей в табаке и махорке.

Доходность табаководства определялась площадью и структурой посевов, организацией производства, рыночными ценами на табак. При оптовых закупках в Москве и Петербурге в 70—80-е годы украинский табак продавался более чем в два раза дешевле крымских, бессарабских и кавказских сортов [5, с. 124; 2, с. 102]. Сравнительно низкие цены не способствовали быстрому росту доходности табаководства, но позволяли левобережному табаку, и в особенности махорке, успешно конкурировать с табаками других районов, вытесняя их с всероссийского рынка. Значение высокосортных табаков Кубани, Крыма и Кавказа увеличилось лишь в 90-е годы XIX в. с развитием сети железных дорог и возрастанием спроса на табачных предприятиях страны.

Ниже были и закупочные цены на плантациях Левобережной Украины. В 1881—1900 гг. средняя местная цена на табак составляла 1,85 р. за пуд в Черниговской и 2,10 р. в Полтавской губерниях, в то время как бессарабский табак продавался на месте сбора в среднем по 8,25—14,75 р. за пуд в зависимости от сорта [10, с. 162; 2, с. 103].

В целом после отмены крепостного права табаководство на Левобережной Украине стало прибыльной отраслью земледелия. Чистый доход с десятины табачных плантаций в 70-е годы составлял здесь в среднем 50—60 р. [5, с. 116], а при разведении высших сортов мог превышать и 90 р. [14, с. 170].

Продажа табака до принятия устава 1883 г. производилась главным образом на плантациях. Здесь его приобретали мелкие скупщики — мещане, иногда крестьяне, имевшие свои небольшие плантации. Эти посредники, зачастую ссужая крестьян деньгами, скупали в сентябре табак за бесценок партиями в 15—80 пуд. и свозили в торговые центры, где в октябре он попадал в руки оптовых торговцев. Существовали и крупные скупщики, приобретавшие с малых плантаций до 20 тыс. пуд. [3, с. 599; 4, с. 66—67; 7, с. XV].

Самые большие закупки левобережного табака производились, по данным конца 60-х годов XIX в., на Ильинской ярмарке в Полтаве (до 170 тыс. р.), на Крещенской ярмарке в Харь-

кове (до 75 тыс. р.). Табак здесь составлял значительный процент торговых оборотов. Важными передаточными пунктами служили Витебская, Ростовская (Ярославской губ.), Нижегородская и Ирбитская ярмарки [3, с. 600].

После установления нового порядка закупки табака произошла монополизация готовой продукции фабрикантами и владельцами складов. По словам одного из управляющих акцизными сборами Черниговской губернии, «с введением нового табачного устава табачная торговля перешла в руки складчиков и фабрикантов, ... а потому и условия сбыта табака существенно изменились. Явилась стачка покупателей, а затем образовалась монополия с ее неизбежным понижением цен на табак» [7, с. 5]. Искусственное снижение цен на продукцию мелких табаководов не могло не сказаться и на доходности крупных плантаций. Во многих экономиях табак оставался непроданным по 2—3 года в ожидании более высоких цен.

Большая часть собранного урожая вывозилась за пределы Левобережной Украины. Направления вывоза табака зависели от его качества и сорта. Турецкие сорта поступали на табачные фабрики Одессы, Киева, а также в Полтаву и Харьков. Простая рубанка (бакун) и махорка находили сбыт в центральных губерниях, на юге Украины, где значительная часть махорки шла на мойку овец и борьбу с сельскохозяйственными вредителями. Шнуровой табак (т. е. просушенный на шнурах) вывозился в значительных количествах, помимо центральных районов страны, в Прибалтику и Польшу. Часть украинского табака поступала через Ирбитскую ярмарку в Сибирь, часть — через Одессу и сухопутные границы за пределы России. Наибольшее количество табака за границу вывозилось из Черниговской губернии. Так, в 1884 г. отсюда было вывезено 62 386 пуд. (8,2 % общего сбора), в 1885 г. — 49 484 пуд. (4 %), а в 1886 г. — 95 162 пуд. (7,1 %) [7, с. 13; 14, с. 148]. Бакун вывозился главным образом в Австрию, а также в Германию, Францию и Италию. Полтавский табак шел в Любек, Гамбург, Кенигсберг и даже в Иокогаму (Япония) [7, с. 24]. Экспортом табака занимались преимущественно табакопромышленники и владельцы складов.

Наиболее крупными получателями Левобережного табака были Киев, Ростов-на-Дону, Ярославль, Польша, Прибалтика. Значительных масштабов достигли также перевозки табака внутри региона и ввоз его из других губерний страны, что было вызвано потребностями развития табачной промышленности Левобережья. Крупные партии табака привозились по железным дорогам в Ромны (в 1893 г. 108,6 тыс. пуд.) и Харьков (68,8 тыс. пуд.) [11, с. II].

Табачная промышленность региона была развита неравномерно. В Черниговской губернии она почти отсутствовала, а в Полтавской и Харьковской губерниях достигла значительного

уровня. В 1891 г. в Харьковской губернии было 15 табачных фабрик, перерабатывающих за год 39 тыс. пуд. табака и 59 тыс. пуд. махорки. В дальнейшем число фабрик сокращалось (до 6 в 1899 г.) при росте объема их производства. Общее количество переработанного табака увеличилось до 41 тыс. пуд. в 1899 г. По мере развития всероссийского рынка росла переработка высших сортов табака, доставлявшегося преимущественно из южнорусских губерний и Закавказья. Одновременно выработка махорки из местного сырья снизилась до 17 тыс. пуд. в 1899 г., а в начале XX в. совсем прекратилась [12, с. 132]. Крупными фабриками Левобережья в 90-е годы вырабатывалось продукции на сумму от 300 до 800 тыс. р. в год [10, с. 200].

Приведенные данные о развитии торгового табаководства и табачного рынка свидетельствуют о том, что на Левобережной Украине, занимавшей в 60—90-е годы XIX в. главное место в разведении табака, выращивались главным образом махорка и низкосортные табаки (свыше 90 %). Хотя развитие табаководства и табачной торговли тормозились нищетой и малоземельем огромной массы крестьянства, капиталистические отношения здесь успешно пробивали себе дорогу, и в 80—90-е годы XIX в. табаководство превратилось в доходную отрасль капиталистического сельскохозяйственного производства. В рассматриваемый период большая часть выращиваемого табака (свыше 95 %) предназначалась для продажи. Анализ географии табачного рынка показывает, что Левобережье Украины было прочно включено в систему всероссийского рынка и, благодаря низким ценам на местный табак, успешно конкурировало с другими табаководческими районами страны. С развитием сети железных дорог большая часть производимого в регионе табака (около 80 %) стала перевозиться по этим дорогам, что способствовало повышению стабильности табачного рынка, росту его объема. Развитие торгового табаководства способствовало возникновению в регионе крупных капиталистических предприятий по переработке табака, которые, в свою очередь, активно воздействовали на табачный рынок, подчиняя его своим требованиям.

Список литературы: 1. Ленин В. И. Развитие капитализма в России. — Полн. собр. соч., т. 3, с. 1—609. 2. Анцупов И. А. Сельскохозяйственный рынок Бессарабии в XIX в. — Кишинев, 1981. — 252 с. 3. Военно-статистический сборник. — Спб., 1871. — Вып. 4. Россия. XXX, 922 с. 4. Гуржий И. О. Україна в системі всеросійського ринку 60—90-х років XIX ст. — К., 1968. — 192 с. 5. Историко-статистический обзор промышленности России. — Спб., 1883. — Т. 1. 545 с. 6. Лобода И. С. Развитие капитализма в сельском хозяйстве Черниговской губернии второй половины XIX ст. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. — К., 1958. — 40 с. 7. Обзор табаководства в России. — Б. м., [1888]. — XXIV, 173 с. 8. Отчеты и отдельные записки по табаководству, фабрикации табака и табачной торговле. В 4-х т. — Спб., 1888—1889. 9. Производительные силы России. — Спб., 1896. — XI, 1249 с. 10. Рос-

сия: Полное географическое описание нашего отечества. — Спб., 1903. Т. 7. Малороссия. 518 с. 11. Сводная статистика перевозок по русским железным дорогам 1893 г. — Спб., 1896. — Вып. 53. Табак. II, 98 с. 12. Сельское хозяйство, фабричная промышленность и занятия населения Харьковской губернии. — Х., 1917—1918. — 154 с. 13. Статистика производств, облагаемых акцизом, и гербовых знаков за 1897 и 1898 гг. — Спб., 1900. — 1037 с. 14. Статистические сведения о табаководстве в России. — Б. м., [1887]. — VIII, 185 с. 15. Щербачев В. С. Обзор табаководства в России. — Спб., 1894. — Вып. 2 и 3. Малороссия и Туркестанский край. — II, 192 с. 16. Энциклопедический словарь. В 43-х т. Изд. Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона. — Спб., 1890 — 1907.

Поступила в редколлегию 27.09.84.

Ю. А. ГОЛУБКИН, канд. ист. наук,
В. А. ДЯТЛОВ, канд. ист. наук

ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ ВЗГЛЯДЫ АНДРЕАСА КАРЛШТАДТА И ЕГО ПОЗИЦИЯ В РЕФОРМАЦИИ

Андреас Карлштадт [1480—1541 гг.] наряду с Лютером и Мюнцером относится к числу наиболее видных немецких реформаторов. В 20-х годах XVI в. его имя было известно всей Германии. Его 68 произведений в общем итоге выдержали 156 изданий [20, с. VII]. Но затем дворянская и буржуазная историография сосредоточила основное внимание на изучении Лютера. Исследованием Карлштадта и других деятелей левых течений Реформации историки долгое время не занимались. В общих же работах по истории Реформации повторялась характеристика Карлштадта как мятежника, который привлек на свою сторону плебеев и крестьян и настраивал их против властей. Основой для такой оценки служили высказывания Лютера и других протестантов XVI в., которые в полемике с представителями католической реакции стремились доказать свою непричастность к событиям Крестьянской войны и называли в качестве ее главных зачинщиков цвиккауских «пороков», Мюнцера, Карлштадта [см.: 26, с. 15—89].

Лишь в начале XX в. взгляды и деятельность Карлштадта были обстоятельно, на обширном материале источников исследованы немецким либеральным историком Г. Барге [16; 17]. Он выдвинул мысль о том, что Карлштадта следует рассматривать как основоположника нового направления Реформации — мирского евангелического пуританизма. Характерными чертами этого направления автор считал религиозный энтузиазм, борьбу за создание самостоятельных христианских общин и новой нравственности. Работа Г. Барге вызвала оживленную дискуссию, в ходе которой наряду с высокой оценкой этого ис-

следования отмечалось преувеличение автором степени радикализма Карлштадта [см.: 22].

Вновь Карлштадт привлёк внимание буржуазных исследователей лишь в 70-х годах. Но авторы немногих специальных работ рассматривали главным образом расхождение Карлштадта и Лютера по догматическим вопросам [23; 25].

В советской историографии Карлштадту посвящена одна статья, в историографии ГДР — три. Одна из этих статей — популярный, далеко не полный биографический очерк [21], две — посвящены узким вопросам [15; 28], и лишь в статье Г. Фукса [18] дается общая характеристика учения и деятельности Карлштадта. В этих статьях и в общих работах по истории Реформации, изданных в СССР и ГДР, Карлштадт рассматривается как один из основоположников и идеологов бюргерского радикального направления Реформации. Но при этом радикализм Карлштадта не столько раскрывается, сколько декларируется. Постоянно подчеркивается прогрессивность Карлштадта по сравнению с Лютером.

В настоящей статье делается попытка рассмотреть деятельность и взгляды Карлштадта в тесной связи с характеристикой задач, решавшихся общественным движением Германии первой четверти XVI в., и в сравнении с программными требованиями других реформаторов, прежде всего — основоположника Реформации Мартина Лютера. На наш взгляд, такой подход позволит глубже понять цели немецкого бюргерства и его позицию в Реформации.

Реформация и Крестьянская война в Германии рассматриваются марксистской историографией как первая раннебуржуазная революция. Задача этой революции сводилась к устранению препятствий, стоявших на пути зарождавшихся в Германии капиталистических отношений.

Сплочение группировок, полностью или частично заинтересованных в решении этой задачи, должно было в тех исторических условиях произойти на основе религиозной идеологии. Ведь в средние века «чувства масс вскормлены были исключительно религиозной пищей», и для того, «чтобы вызвать бурное движение, необходимо было собственные интересы этих масс представлять им в религиозной одежде» [1, с. 314].

В 1517—1521 гг. острее идейно-политической борьбы в Германии было направлено против папского Рима. Эту борьбу возглавил Лютер. Он подверг всесторонней уничтожающей критике злоупотребления папского Рима, догматику, культ и институты католической церкви, наметил контуры новой, независимой от Рима национальной церковной организации, ряд социальных реформ, провозгласил демократические принципы всеобщего священства и равенство всех христиан перед богом, независимо от их социального положения.

Главная роль в идейно-политической борьбе 1517—1521 гг. принадлежала молодой немецкой интеллигенции. К числу ее наиболее видных представителей и принадлежал Карлштадт. Доктор теологии и доктор права, профессор Виттенбергского университета, высокопоставленный церковный администратор, он одним из первых стал на сторону Лютера и оказал ему поддержку в борьбе против продажи индульгенций. Во время Лейпцигского диспута Лютер и Карлштадт вели ожесточенную полемику с одним из наиболее ревностных папистов и апологетов схоластики ингольштадтским профессором Иоганном Экком. Наряду с Лютером Карлштадт предавался проклятию в папской булле 1520 г. [11, с. 30]. Под влиянием программных произведений Лютера Карлштадт в сочинении «О папской святости» (октябрь 1520 г.) заявил о своем окончательном разрыве с папской церковью [см.: 18, с. 526].

Каких-либо противоречий между Лютером и Карлштадтом в рассматриваемый период не замечается. Современники относят Карлштадта к числу наиболее видных и последовательных сподвижников Лютера. «На его (Лютера. — Ю. Г., В. Д.) стороне, — говорится в одном из диалогов 1521 г., — много ученых людей, в особенности доктор Эразм Роттердамский, прочная опора Писания, точно так же доктор Андреас Карлштадт, корона Священного Писания, точно так же Эколомпад и еще много других» [14, с. 153].

Впрочем, в 1517—1521 гг. все участники идейно-теоретической борьбы с идеологами папского Рима и католической церкви выступали единым фронтом, так как деструктивная часть лютеровской программы — требование покончить с произволом «романистов» — отражала чаяния самых широких слоев немецкого общества и разделялась ими. Многие идеологи Реформации рассчитывали на то, что государственная власть окажет им поддержку в борьбе с папской курией. Ведь во многих европейских странах засилье папского Рима, а также другие феодальные препятствия были устранены мирным путем, благодаря союзу королевской власти с бюргерством.

Но Вормский рейхстаг 1521 г. продемонстрировал неспособность «верхов» решить общенациональные задачи. Император, который для осуществления своих честолюбивых внешнеполитических планов нуждался в поддержке папы, не мог не отвергнуть идею Реформации. По вполне понятным причинам встретила она отпор и со стороны духовных князей. Светские же князья стремились использовать «дело Лютера» как средство давления на папу и императора с целью усиления своей собственной власти и закрепления политической раздробленности Германии. Результатом всего этого явилось принятие Вормского эдикта, объявлявшего Лютера и Реформацию вне закона.

Эдикт вызвал бурю возмущения в среде демократических слоев немецкого общества. После Вормского рейхстага, на вто-

ром этапе общественного движения — в 1521—1524 гг. — в Германии начинается открытая борьба за ликвидацию культа и институтов католической церкви и создание новой религиозной организации. Главная роль в этой борьбе принадлежала бюргерству. Движение бюргерства зачастую поддерживалось стихийными выступлениями плебса. Крестьянство до середины 1524 г. занимало по отношению к Реформации нейтрально-выжидательную позицию.

1521—1524 гг. — это высший пункт реформаторской деятельности Карлштадта. В 1521—1522 гг. он возглавил реформационное движение в Виттенберге, в 1523—1524 гг. — в Орламюнде. В ходе этих движений по устоям католической церкви был нанесен ощутимый удар: ликвидированы многочисленные мессы, отменена большая часть таинств, отвергнут культ святых, церковные праздники, признаны несостоятельными монашеские обеты и т. д. Все это не могло не вызвать глубоких изменений и в социальной сфере. Ликвидация католических месс освобождала цехи, братства и гильдии от непомерных поборов. Отмена многих таинств, которые католической церковью рассматривались как исключительные средства передачи божественной милости, не только подрывала особое положение клира как посредника между богом и людьми, но и приводила к выводу о ненужности широко разветвленной церковной иерархии. Упразднение celibата имело своим следствием рост рождаемости. Отрицание культа святых, помимо подрыва идеологического влияния католицизма, вызвало изъятие икон и статуй из церквей, что представляло собой важный шаг на пути создания «дешевой» бюргерской церкви. Отказ от многочисленных церковных праздников, которые занимали около трети дней в году, явился грандиозным стимулом к активизации предпринимательской и торговой деятельности. Признание несостоятельности монашеских обетов вело к массовому бегству монахов из монастырей, ликвидации последних, включению бывших монахов в сферу производства.

Но Карлштадт выступал не только как ниспровергатель обветшавших устоев католицизма. В 1521—1524 гг. он пытался создать новую религиозную организацию, отвечавшую устремлениям бюргерства.

Опираясь на идеи мистиков и Лютера, Карлштадт подчеркивал решающую роль мирян в жизни общества. Но к кардинальному преобразованию общественной жизни он, в отличие от Мюнцера, не стремился. Главной целью Карлштадта было создание сети автономных религиозных общин. Жизнь христианской общины должна, по его мнению, строиться в соответствии с лютеровским учением о всеобщем священстве, на демократических началах: проповедников надлежит избирать и смещать всей общиной. Главная функция проповедников — не

отправление обрядов и таинств, а проповедь слова божьего. Экономическая база общин, по мысли Карлштадта, должна создаваться за счет секуляризации церковных и монастырских имуществ, ежегодных взносов бюргеров, процентов с кредитов, предоставляемых горожанам. Во время виттенбергского движения 1521—1522 гг. была впервые в Германии предпринята попытка создания «общей кассы» общины. Средства «общей кассы» предполагалось использовать для оказания помощи бедным и разорившимся ремесленникам, вдовам, сиротам, для выплаты стипендий детям слабо обеспеченных горожан. Разумеется, эта система благотворительности лишь отчасти смягчала социальные противоречия, но не устраняла их. Не выдвигая требования глубокого преобразования социальных институтов, Карлштадт ограничивал обязанности общества по отношению к бедным лишь сферой публичной помощи.

Одно из центральных мест в жизни общины Карлштадт отводил производительному труду. Он неоднократно обличал паразитизм феодалов, священников, монахов [6, с. 45—46; 7, с. 95], пытался ввести в общинах порядок, согласно которому шесть дней в неделю люди должны работать и лишь седьмой — отводить для отдыха [6, с. 46, 64]. Постоянный и упорный труд, считал Карлштадт, является главным критерием нравственной оценки человека [6, с. 46; 7, с. 95].

Превознесение трудовой деятельности способствовало повышению социальной значимости бюргерства и крестьянства. Но Карлштадт не отрицал эксплуатацию трудящихся господствующими классами. Он лишь предлагал упорядочить отношения работодателей и работников. По мнению Карлштадта, работник обязан усердно трудиться на хозяина, а последний должен своевременно и справедливо оплачивать его труд. Главный принцип, которым должны руководствоваться обе стороны, должен заключаться в том, чтобы они не наносили друг другу ущерба [6, с. 70, 30—32]. Столь же иллюзорным был и его призыв к духовным владыкам последовать ветхозаветным примерам и освободить крестьян от крепостной зависимости, а затем помочь им заняться ремеслом или каким-то другим делом [4, с. 27].

Стремясь установить в общине новые нравственные нормы, Карлштадт критиковал различные потребительские излишества и пропагандировал идеи бережливости и накопительства. Эти идеи, отражавшие устремления бюргерства в эпоху первоначального накопления капитала, нашли затем наиболее полное воплощение в его учении.

Карлштадт также пытался решить вопрос о политических правах общины. Он неоднократно выражал недовольство существовавшей в Германии системой правления, осуждал произвол князей и дворянства. Но вместе с тем он был противником идеи универсального политического переворота, которую

отстаивал Мюнцер. Карлштадт считал возможным усовершенствовать существующую политическую систему на основе установления принципа ответственности властей перед своими подданными. Для того, чтобы не допускать злоупотреблений, власти, по мнению Карлштадта, должны руководствоваться божественными законами, а право контроля за их соблюдением он предлагал предоставить общине [6, с. 81—82]. Но идея отлучения тех представителей власти, которые выступают против божественных законов, была сформулирована им довольно неопределенно [6, с. 77]. На практике все свелось к призывам Карлштадта к князьям, бесконечным ссылкам на авторитет Библии, декларативному осуждению «безбожных» властей [5, с. 94—95, 106, 113; 7, с. 51—52, 54].

Рассмотрев деятельность Карлштадта и основные принципы, положенные им в основу устройства христианских общин, попытаемся ответить на вопрос о степени его радикализма. Но перед этим обратим внимание на терминологию и критерий оценки. Поскольку термин «радикал» происходит от латинского слова *radix* (корень, основание), мы вкладываем в него следующее содержание: а) сторонник крайних, коренных, основополагающих преобразований; б) сторонник крайних, решительных действий. Но для того, чтобы судить о глубине, основательности, решительности кого-то или чего-то, нужна точка отсчета. В данном случае ею может служить лютеровская программа Реформации, поскольку все идеологи оппозиционных течений прошли начальную подготовку в школе Лютера, и при формулировке своих программных требований они с некоторыми положениями основоположника Реформации безоговорочно соглашались, некоторые — развивали дальше, с некоторыми — полемизировали.

Руководствуясь таким критерием, отметим, что, во-первых, ни Лютер, ни Карлштадт не стремились к коренной ломке господствовавших в Германии феодальных отношений. Во-вторых, в программе Карлштадта идеалы средневекового бюргерства сочетались с представлениями новых раннекапиталистических слоев общества. Сочетание этих же элементов характерно и для лютеровской программы Реформации. В-третьих, разница между взглядами Карлштадта на преобразование церкви и социальной жизни и соответствующими воззрениями Лютера заключается лишь в том, что первый с более рационалистических позиций истолковывал сущность таинств крещения и причащения [см.: 9], высоко оценивал архаичное ветхозаветное право [см.: 9, с. 156—158] и довольно робко и неопределенно высказал мысль о желательности освобождения от личной зависимости крепостных крестьян, принадлежавших духовным феодалам. В основных же пунктах программы, которые касались и критики устоев католицизма, и создания новой религиозной организации, Карлштадт полностью солидаризировался с идея-

ми, выдвинутыми Лютером в его программных произведениях 1520 г. Показательно, что сразу же после виттенбергских событий 1521—1522 гг. Лютер писал в одном из писем: «Никто не может отрицать, что сущность преобразований обоснована мной» [10, с. 109].

На наш взгляд, противоречия Лютера и Карлштадта не носили антагонистического характера. И первый, и второй были представителями зарождавшейся немецкой интеллигенции, отражавшей устремления немецкого бюргерства. В нем же прослойка раннекапиталистического бюргерства была немногочисленной, а для подавляющей части среднего и мелкого бюргерства было характерно преобладание корпоративных, сословных интересов над классовыми интересами.

Яблоком раздора для двух реформаторов стали вопросы тактики. В их трактовке Карлштадт не вышел за рамки представлений мелкого и части среднего бюргерства небольших городов Саксонии и Тюрингии, которое стремилось к немедленному воплощению в жизнь принципов, вытекавших из учения о всеобщем священстве и к созданию автономных христианских общин. Эта группировка иногда прибегала к насильственным методам борьбы с католической церковью и допускала возможность активного участия в Реформации городского плебса. Такая тактика была реакцией на карательные меры против Реформации, которые предписывались Вормским рейхстагом, мандатом имперского правления в Нюрнберге от 20 января 1521 г., указами многих немецких князей, изданными в 1522 г. и Регенсбургским конвентом 1524 г.

Тактика немедленного, насильственного осуществления Реформации вызвала резкий отпор со стороны Лютера, который при решении вопроса о средствах, путях и методах борьбы с католической церковью в определенной степени отражал интересы крупного и части среднего бюргерства, допускавшего прогресс лишь в рамках закона. «Телесному мятежу» Лютер противопоставил «духовный мятеж». Лютер призывал к распространению идей Реформации в широких кругах немецкого общества, всеобщему бойкоту католической церкви, созыву в Германии «свободного христианского собора», призванного санкционировать церковные реформы.

И тактику, которой придерживался Карлштадт, и тактику, которую отстаивал Лютер, нельзя оценивать однозначно. Решительные действия приверженцев Карлштадта иногда заставляли реакционно-католический лагерь идти на уступки. Но радикалы, добиваясь временных, локальных успехов, зачастую не учитывали общеполитической ситуации, наносили ущерб коренным интересам движения и даже не пытались согласовать свои действия не только в общегерманском масштабе, но и в пределах, выходящих за рамки отдельного княжества.

Лютер же необоснованно преувеличивал значение мирных средств борьбы. Вместе с тем он довольно реалистично оценивал внутривластную и внешневластную ситуацию 1521—1524 гг., и, выходя за рамки типичной для немецкого бюргерства провинциальной ограниченности, пытался осуществить Реформацию в общегерманском масштабе.

Но ни Карлштадт, ни Лютер не признали решающей роли крестьянства в общественном движении первой четверти XVI в. А только крестьянско-плебейские массы Германии смогли во время Крестьянской войны 1524—1525 гг. преодолеть ограниченность всех прежних атак на феодальную систему и выступить за ее устранение путем революционного переворота.

В борьбе народных масс бюргерство увидело реальную угрозу не только для осуществления Реформации, а и для самого своего существования. Поэтому и Лютер, и Карлштадт отмежевались от народных масс. Этот разрыв идеологов бюргерства с движением народных масс покоился на антагонистических противоречиях, которые лежат в основе взаимоотношений любого эксплуататорского и эксплуатируемого классов и делают невозможной их длительную совместную борьбу в период активных революционных действий.

Таким образом, рассмотренный нами материал приводит к выводу, что радикализм Карлштадта и его сторонников был относительным. Ни одна из группировок немецкого бюргерства не была еще в достаточной степени развитой для того, чтобы выдвинуть последовательную антифеодальную программу и добиваться ее осуществления в тесном союзе с крестьянством и плебсом.

Список литературы: 1. *Энгельс Ф.* Людвиг Фейербах и конец классической немецкой философии. — Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 21, с. 269—317. 2. *Aktenstücke zur Wittenberger Bewegung. Anfang 1522.* — Leipzig, 1912. — 51 s. 3. *Kappens M. E. G.* Kleine Nachlässe einiger grossen Teils noch ungedruckter und sonderlich zur Erläuterung der Reformationsgeschichte nützlicher Urkunden. — Leipzig, 1727. — Th. 2. 776 s. 4. *Karlstadt A.* Abthunung der Bilder und daß keyn Bedtler unther den Christen sein sollen. 1522. — In: *Kleine Texte für Vorlesungen und Übungen.* Bonn, 1911. H. 74, s. 3—72. 5. *Karlstadt in Orlamünde.* — In: *Mitteilungen der Geschichte—und altertumsforschenden Gesellschaft in Osterlandes.* 1858. Bd 4, s. 41—125. 6. *Karlstadt's Schriften aus den Jahren 1523—1525.* — Halle/Saale, 1956. — T. 1. 103 s. 7. *Karlstadt's Schriften...* — Halle/Saale, 1957. — T. 2. 128 s. 8. *Karlstadt's Thesen aus den Jahren 1521—1522.* — In: *Barge H. Andreas Bodenstein von Karlstadt.* Bd. I. Exkurse. Leipzig, 1905, s. 427—497. 9. *Luther M.* Wider die himmlischen Propheten, von Bildern und Sacrament. Bd. 29, s. 134—297. 10. *Hither M.* Briefwechscl. — E. A. Bd. 53. — 386 s. 11. *Luther in Worms.* Ein Quellenbuch. — Witten, 1971. — 164 s. 12. *Müntzer Th.* Schriften und Briefe. Kritische Gesamtausgabe. — Gütersloh, 1968. — 591 s. 13. *Die Wittenberger Bewegung 1521 und 1522.* — Archiv für Reformationsgeschichte, 1909, Jg. 6, s. 161—226; 261—325; 385—469. 14. *Satirien und Pasquille aus der Reformationszeit.* Bd. II. — Hannover, 1863. — 528 s. 15. *Павленко В. Г.* К вопросу об идеологической подготовке Реформации в Германии. Карлштадт и его комментарии к «De spiritu et littera» Августина Блаженного. — Уч. зап. Кемеров. пед. ин-та, 1973, вып. 33, с. 3—32. 16. *Barge H. Andreas Bodenstein von Karlstadt.* Bd I. — Leipzig, 1905. —

500 s. 17. *Barge H.* Andreas Bodenstein..., Bd. II. — 632 s. 18. *Fuchs G.* Karlstadt's radikalreformatorisches Wirken und seine Stellung zwischen Münstertreuer und Luther. — WZ der Martin Luther-Universität Halle-Wittenberg. Gesellschaft, u. Sprachwiss. Reihe, 1953/54. H. 3, s. 523—550. 19. *Günther G.* «Altes Recht», «Göttliches Recht» und «Römisches Recht» in der Zeit der Reformation und des Bauernkrieges. — WZ der Karl-Marx-Universität. — Leipzig, 1965. — H. 3, s. 427—434. 20. *Hertzsch E.* Einleitung zu Karlstadts Schriften..., Teil 1, s. VII—XXVI. 21. *Hoppe G.* Andreas Karlstadt. — In: Unter dem Regenbogen. — Leipzig—Jena—Berlin, 1976, s. 202—210. 22. *Müller K.* Luther und Karlstadt. — Tübingen, 1907. — 298 s. 23. *Preus I. S.* Karlstadt's ordinationes and Luther's liberty: a study of the Wittenberg movement 1521—1522. — London, 1974. — 88 s. 24. *Rochler W.* Martin Luter und die Reformation als Laienbewegung. — Wiesbaden, 1981. — 76 s. 25. *Sider R. I.* Andreas Bodenstein von Karlstadt: The Development of his thought. 1517—1525. — Leiden, 1974. — 167 p. 26. *Steinmetz M.* Das Müntzerbild von Martin Luther bis Friedrich Engels. — Berlin, 1971. — 499 s. 27. *Trappe W.* Zwischen Reformation und Revolution—Karlstadt 1523/24. — WZ Friedrich-Schiller-Universität Jena. Gesellschaftl. u. Sprachwiss. Reihe, 1983. H. 1/2, s. 101—111. 28. *Zschelletrschky H.* Vorgeschichte des reformatorischen Bildkampfes. Zu Grunachs Holzschnitt «Himmelwagen und Höllenwagen des Andreas Bodenstein von Karlstadt» von 1519. — In: Kunst und Reformation. Leipzig, 1982, s. 67—76.

Поступила в редколлегию 07.09.84.

А. А. ГАВРЮШЕНКО

ГУМАНИСТИЧЕСКИЕ ВОЗЗРЕНИЯ МЕЛАНХТОНА В 1518—1520 гг.

История немецкого гуманизма давно является предметом интенсивного изучения, но до сих пор у исследователей нет единого мнения по многим важным вопросам данной темы. Особенно много разногласий возникает при оценке взаимоотношений гуманизма и Реформации в 1517—1521 гг., т. е. на первом этапе раннебуржуазной революции в Германии. В этой связи представляет значительный интерес рассмотрение взглядов видного гуманиста и активного участника реформационного движения Филиппа Меланхтона (1497—1560).

В советской историографии и в историографии ГДР взгляды и деятельность Меланхтона рассматривались лишь эпизодически [2]. В буржуазной же литературе господствует мнение, что Меланхтон на рубеже 1518—1519 гг., т. е. несколько месяцев спустя после начала работы в Виттенбергском университете, порвал с гуманизмом и с тех пор действовал как теолог [4; 8; 10]. Но подобная точка зрения возникла вследствие конфессионального подхода к анализу источников. Поэтому в настоящей статье предпринимается попытка рассмотреть литературное наследие Меланхтона 1518—1520 гг. и на основании этого решить, что же доминировало в его творчестве: идеи гуманизма или богословские доктрины.

Идейную обстановку в Виттенбергском университете в момент прибытия туда Меланхтона определяли три фактора: схоластика, гуманизм и реформационная теология Лютера. Главным противником схоластов был Лютер и его сторонники, стремившиеся к проведению ряда гуманистических преобразований на артистическом факультете. Для окончательного решения этой задачи и было решено пригласить на должность профессора древнегреческого языка молодого ученого из Тюбингена Филиппа Меланхтона. Рекомендую его патрону университета курфюрсту Фридриху Саксонскому, известный немецкий гуманист Рейхлин писал: «Я не знаю никого в Германии, кто был бы выше его по образованности за исключением Эразма Роттердамского, но последний — выходец из Голландии» [5, с. 34].

Идейная позиция Меланхтона в момент его прибытия в Виттенберг нашла отражение в речи «О необходимости улучшения обучения юношества», произнесенной им 29 августа 1518 г. Меланхтон сосредоточил внимание слушателей на двух важных вопросах: оценке существующего состояния образования и предполагаемой программе его обновления.

Осознавая сложность гуманистической реформы образования, Меланхтон подчеркивал, что «для сражения с гидрой невежества нужен не только Тезей, но и Геркулес» [там же, с. 15]. Вместе с тем он считал вполне возможным «освободить науку от покрывшей ее ржавчины, и содействовать возрождению ее первоначального блеска» [13, с. 16].

Отличительной чертой предложенной Меланхтоном программы реформы образования был ее демократизм, отсутствие каких-либо сословных ограничений, что, несомненно, отвечало интересам передовых слоев бюргерства. Обучение и воспитание народных масс — вот путь, которым Меланхтон предполагал достичь культурного подъема. В его представлении существовала прямая связь между состоянием науки, с одной стороны, и религиозной и общественной жизнью — с другой. «Если бы истинные науки почитались должным образом, — отмечал Меланхтон, — то было бы можно улучшить испорченные нравы церкви, возродить находящийся в упадке дух людей» [там же, с. 18].

Лейтмотивом второй части речи, где обосновывается важность возрождения литературы, философии, истории, совершенствования знания языков, является преимущественный интерес Меланхтона к использованию гуманистических дисциплин как средства воздействия на духовный облик человека. По существу, основная цель Меланхтона — воспитание нового человека и обучение его на основе античного наследия.

Ряд буржуазных историков пытается выделить в речи, наряду с отмеченными выше моментами, тему теологии и пред-

ставить ее доминирующей у Меланхтона [6; 7; 10]. Но непредвзятое прочтение речи показывает, что все сказанное Меланхтоном о теологии не выходит за рамки собственного немецким гуманистам интереса к христианской древности и ее источникам. Тем более нет оснований рассматривать эти фрагментарные высказывания как свидетельство теологического союза Меланхтона с Лютером, поскольку ни в произведениях первого, написанных в довиттенбергский период, ни в самой речи нет никаких подтверждений того, что Меланхтон знал и разделял реформационные идеи Лютера. Союз (если пользоваться этим термином) Меланхтона и Лютера был в тот момент обусловлен единственно их общей антисхоластической позицией, а не теологическим единомыслием.

Конец 1518 — первая половина 1519 гг. — период интенсивной академической деятельности Меланхтона. Он характеризует себя как *homo philosophus*, ведущего жизнь в духе ученых гуманистов [5, с. 43], в одном лице представлявшего его и автора, и издателя, и преподавателя. В типографиях Виттенберга по его заказам печатаются произведения Лукиана, Плутарха, Афиногора. Наряду с ними издается «Послание к Титу» апостола Павла, в котором Меланхтона привлекает прежде всего морально-этический аспект, то, как «необходимо оно для улучшения нравственности» [там же, с. 50].

Новым ударом по схоластике явилось написанное Меланхтоном в январе 1519 г. посвящение к своему учебнику риторики. Здесь он противопоставляет философии схоластов науки, которые воспитывают разум, нравы и чувства и дают возможность познавать прекрасное. В число передовых борцов за прогресс наряду с Эразмом и Рейхлином, Меланхтон ставит и Лютера [там же, с. 63]. Подобную же точку зрения он отстаивает и в марте 1519 г. По мнению Меланхтона, истинная теология после четырех веков господства схоластики и вопреки сопротивлению последней будет вновь призвана на свет. При чем произойдет это главным образом благодаря деятельности Эразма, Рейхлина, Капито, Эколампада и других гуманистов [там же, с. 70]. Тождественность взглядов гуманистов и реформаторов на вопросы веры не вызывает в это время у Меланхтона никаких сомнений.

Подчеркиваемое Меланхтоном совпадение или близость позиции Лютера и Эразма объясняется тем, что вплоть до середины 1519 г. Лютера еще нельзя рассматривать как сложившегося реформатора: он вел борьбу со злоупотреблениями папского Рима, не порывая еще с католической церковью. Эразм занимал аналогичную позицию, и на последнего ориентировался Меланхтон. Для него реформационная деятельность Лютера — только естественное продолжение и дополнение борьбы гуманистов.

Задуманная Меланхтоном гуманистическая реформа образования в духе требований зарождавшейся немецкой буржуазии могла быть успешной лишь в том случае, если бы был нанесен решительный удар по теологическим основам схоластики и католической церкви. В этой связи показательно отношение Меланхтона к событиям Лейпцигского диспута 1519 г., на котором шла борьба между Лютером и Карлштадтом, как представителями новой теологии, с одной стороны, и известным католическим богословом И. Экком — с другой. Реформаторы предложили на диспуте новую трактовку целого ряда важных теологических положений: о свободе воли, о примате папы, о возможности заблуждения церковных соборов, об отпущении грехов и т. д., но, как и следовало ожидать, не смогли добиться признания своих взглядов правильными.

Обширная эрудиция Меланхтона, присутствовавшего на диспуте в качестве наблюдателя, позволила ему иногда оказывать реформаторам помощь советами. Ход диспута Меланхтон осветил в открытом письме Эколампаду, который впоследствии стал одним из руководителей реформационного движения в Базеле. Можно ли рассматривать данное письмо, как это делают буржуазные историки, в качестве важнейшего доказательства перехода Меланхтона на теологические позиции? На наш взгляд, нет. Меланхтон кратко и объективно излагает перипетии спора, являющегося, по его словам, «свидетельством двусмысленного учения теологов» [11, с. 132]. В теологические тонкости спора Меланхтон погружаться не хочет, справедливо усматривая здесь схоластический подход у обеих спорящих сторон. Проявленная им в ряде мест письма солидарность с Лютером, как, например, по поводу отрицания непогрешимости пап и соборов, или в отношении идей Я. Гуса [там же, с. 133], свидетельствует о гражданской, а не о теологической позиции автора. И можно сказать, что Меланхтон при всей его близости к Лютеру судит о диспуте еще с точки зрения стороннего наблюдателя, с точки зрения гуманиста. Суть его поддержки Лютера состоит прежде всего в том, что он представил общественности идеи Лютера как вполне допустимые наряду с католическими, т. е. утвердил за реформатором право на критическое рассмотрение вопросов веры. Но главными противоборствующими сторонами Меланхтон по-прежнему считает гуманистов и схоластов. Характерно, что и Экка он порицает не столько как сторонника папской церкви, а как яркого схоласта и обскуранта. Письмо Меланхтона, повлекшее за собой широкое обсуждение итогов диспута, способствовало тому, что в поддержку Лютера высказывались гуманисты Нюрнберга, Аугсбурга, Эрфурта, Страсбурга, Шлеттштадта [10, с. 87].

Последовавшая за диспутом полемика с Экком, приводит Меланхтона к мысли, что оружием борьбы со схоластами в сложившейся обстановке является не только и даже не столько

античность, сколько христианская древность. Для того, кто хотел занимать в разгорающейся революционной борьбе активную позицию, идеи античных авторов не могли стать организующим и направляющим началом, поскольку ниспровержение католической церкви в то время возможно было лишь на основе религиозной идеологии. Л. Штерн в этой связи справедливо отмечал, что как и у многих других критиков католицизма, у Эразма, Лютера и Меланхтона теологическая основа борьбы с папством и церковной схоластикой была общей — апостол Павел [16, с. 31].

Взгляды Меланхтона на «философию Павла» оформились в основном к началу 1520 г. и были изложены им в речи, произнесенной в январе по случаю чествования апостола Павла как патрона теологического факультета университета. При этом присутствовал советник императора Карла V И. Бруннер, посредством которого реформаторы хотели познакомить молодого правителя со своим учением.

Основная идея речи — показать преимущество «философии» апостола в сравнении со схоластикой. Меланхтон понимает свое развитие идей апостола как вклад гуманиста в обновление библейской науки, т. е. как продолжение работы Эразма и Лютера. Признав, что раньше он не уделял должного внимания библейской теологии, Меланхтон провозглашает Писание основой духовной жизни [12, с. 28]. Учение Павла представляется Меланхтону сводом правил поведения христиан в жизни, регулирующим их отношение к церкви, гражданским властям, народу, божественным и человеческим законам.

Перенесение Меланхтоном центра внимания на христианство отнюдь не свидетельствовало о полном отрицании античности. Отрицался главным образом искаженный схоластикой Аристотель, его философские и этические произведения. В то же время Меланхтон оставил вне критики все достижения античности в естественных и математических дисциплинах, логику, риторику и поэтику.

Меланхтон не изменил своей гуманистической программе 1518 г. и последовательно продолжал борьбу за ее осуществление. Косвенным свидетельством того, что авторитет и известность Меланхтона как ученого и преподавателя — несмотря на определенные изменения в его гуманистических воззрениях — постепенно возрастали, является значительное увеличение числа его слушателей: 400 в 1518 г. и 600 в 1520 г. [10, с. 143]. Во второй половине 1520 г., в речи, посвященной защите Лютера от нападок папских приспешников, Меланхтон вновь обращается к вопросу о развитии образования. Важнейшим средством возрождения европейской культурно-политической общности он считает реформу университетов — центров обучения и воспитания [14, с. 324]. Обновление и облагораживание общества

должно, по мнению Меланхтона, начинаться именно отсюда, поскольку университеты есть *nervos christianae republicae* [там же, с. 346]. Стержневая идея гуманистов об улучшении мира путем обучения и воспитания личности по-прежнему занимает центральное место во взглядах Меланхтона.

Таким образом, рассмотренный материал побуждает нас поставить под сомнение широко распространенный в буржуазной историографии тезис о якобы всеобъемлющей теологизации мировоззрения Меланхтона в 1518—1520 гг. Меланхтон прибыл в Виттенберг высокоэрудированным гуманистом, основное внимание которого было сосредоточено на борьбе со схоластами. В университете он сближается с Лютером, поддерживает его критическую позицию в отношении некоторых проблем католической догматики, усваивает отдельные аспекты его реформационного учения. Гуманистические воззрения Меланхтона с 1518 по 1520 гг. претерпевают определенные структурные изменения, но его позиция остается, по существу, позицией гуманиста, а не теолога.

Список литературы: 1. *Энгельс Ф.* Заметки о Германии. — Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 18, с. 571—578. 2. *Гаврюшенко А. А.* Филипп Меланхтон в марксистской историографии СССР и ГДР 50-х—70-х годов. — Вестн. Харьк. ун-та. № 238. История. Изд-во Харьк. ун-та, 1983, с. 76—84. 3. *Горфункель А. Х.* Философия эпохи Возрождения. — М., 1980. — 368 с. 4. *Bornkamm H.* Philipp Melanchthon. — Bornkamm H. Das Jahrhundert der Reformation. Gottingen, 1966, s. 55—68. 5. *Corpus Reformatorum.* Vol. I. — Halle, 1934. — 1120 Sp. 6. *Dorn M.* Melanchthons Antrittsrede von 1518. — 450 Jahre Martin—Luther—Universität Halle—Wittenberg. — Halle, 1952. — Bd. I, s. 141—148. 7. *Ellinger G.* Philipp Melanchthon. — Berlin, 1902. — 624 s. 8. *Geyer H. B.* Von der Geburt des wahren Menschen. Neukirchen. — Vluyn, 1965. — 381 s. 9. *Manschreck C. L.* Melanchthon. — New York, 1958. — 350 p. 10. *Maurer W.* Der junge Melanchthon. — Gottingen, 1969. — Bd. 2: Theolog. 617 s. 11. *Melanchthon P.* Bericht über die Leipziger Disputation an Oecolampadius. — Melanchthon P. Werke, Hrsg. von F. A. Koethe. Leipzig, 1829. — Th. I, s. 131—138. 12. *Melanchthon P.* Declamatiuncula in Divi Pauli doctrinam. — Melanchthons Werke in Auswahl. Gütersloh, 1951. Bd. I, s. 27—43. 13. *Melanchthon P.* De corrigendis adulescentiae studiis. — Corpus Reformatorum. — Halle, 1843. — Vol. XI, sp. 15—25. 14. *Melanchthon P.* Didymi Faventini adversus Thomam Placentinum Oratio pro Martino Luthero Theologo. — Corpus Reformatorum. Halle, 1834. Vol. I, sp. 286—358. 15. *Sperl A.* Melanchthon zwischen Humanismus und Reformation. — München, 1959. — 204 s. 16. *Stern L.* Philipp Melanchthon — Humanist, Reformator, Praeceptor Germaniae. — Philipp Melanchthon. — Berlin, 1963, s. 1—72.

Поступила в редколлегию 27.10.84.

С. И. БАЕВ

**БАЛЬТАЗАР ГУБМАЙЕР И РЕФОРМАЦИОННОЕ
ДВИЖЕНИЕ В ВАЛЬДСГУТЕ
В 1523—1524 гг.**

Реформационное движение 1523—1525 гг. в Вальдсгуте, небольшом городе на Верхнем Рейне, представляет собой один из важнейших эпизодов раннебуржуазной революции 1517—1525 гг. в Германии. Стремление бюргерства и плебса преобразовать организацию и культ католической церкви привело город к острейшему политическому конфликту с Австрией, в ходе которого получил теоретическое обоснование и практическую реализацию принцип права на сопротивление тираническим властям. Еще летом 1524 г. город заключил союз с восставшими штюллингенскими крестьянами и принял активное участие в Крестьянской войне. Наконец, в Вальдсгуте оформилась и просуществовала в течение нескольких месяцев одна из первых анабаптистских общин.

Видную роль в подготовке и проведении вальдсгутской реформации сыграл радикальный народный проповедник и крупнейший представитель раннего анабаптизма Балтазар Губмайер (около 1485—1528 гг.). Возглавив в 1523 г. реформационное движение в Вальдсгуте, он оставался его признанным идеологом и руководителем вплоть до победы феодально-католической реакции в декабре 1525 г.

Вальдсгутский период деятельности Губмайера изучался в исследовательском плане рядом буржуазных историков [15; 18—21]. Однако они в первую очередь интересовались развитием теологических воззрений реформатора в 1523—1525 гг., а события в Вальдсгуте оценивали преимущественно с конфессиональной точки зрения.

В марксистской историографии специальные работы о реформационном движении в Вальдсгуте и Губмайере отсутствуют. В обобщающих же трудах, отдельных монографиях и статьях, посвященных различным аспектам раннебуржуазной революции 1517—1525 гг., вопрос о Губмайере и движении в Вальдсгуте затрагивался лишь частично, главным образом в связи с событиями Крестьянской войны 1524—1525 гг. в Юго-Западной Германии [10—14; 17; 18].

В настоящей статье предпринимается попытка рассмотреть начальный период реформационных преобразований в Вальдсгуте с 1523 г. по июнь 1524 г., т. е. до восстания крестьян в ландграфстве Штюллинген. Основное внимание уделяется характеристике позиции Губмайера, анализу программы реформ, выдвинутой им накануне Великой крестьянской войны.

В Вальдсгуте к началу XVI в. проживало около 1000 чел. Город располагал особыми правами, которые были вновь под-

тверждены в 1520 г. императором Карлом V. Одним из них являлось право свободного выбора своего проповедника [15, с. 94—95]. В политическом отношении Вальдсгут принадлежал к Передней Австрии* и подчинялся правительству в Энзисгейме.

Основная заслуга в непосредственной подготовке реформационного движения в городе принадлежала Бальтазару Губмайеру. Он стал священником в Вальдсгуте в начале 1521 г. К этому моменту будущий реформатор и анабаптист приобрел достаточно широкую известность в католических кругах Юго-Западной Германии как проповедник и церковный деятель. Получив образование в университетах Фрейбурга и Ингольштадта, где он слушал лекции яркого противника Реформации Иоганна Экка, Губмайер в 1512 г. был удостоен степени доктора теологии и некоторое время занимался преподавательской деятельностью. В 1519 г. он возглавил паломническое движение в Регенсбурге, которое Лютер впоследствии подверг острой критике [15, с. 86—87].

Переход Губмайера на сторону нового учения произошел, очевидно, только на рубеже 1522—1523 г., когда он познакомился с некоторыми из сочинений Лютера и завязал контакты с рядом швейцарских реформаторов, прежде всего с Цвингли. Уже в апреле 1523 г. Губмайер, по сообщению констанцкого епископа, выступил перед горожанами Вальдсгута с проповедью «истинного» Евангелия и резко отзывался о священниках, утаивающих его от народа [21, с. 230]. Однако открыто сторонником Реформации Губмайер признал себя лишь в октябре 1523 г., приняв участие во втором религиозном собеседовании в Цюрихе. Предметом дискуссии были католическая месса и иконы, которые в результате жарких споров участники диспута отвергли. Губмайер в своих высказываниях по этим двум главным проблемам полностью присоединился к точке зрения Цвингли. Он осудил поклонение иконам и католическую трактовку мессы как «жертвы» и «доброго дела», потребовал ввести для мирян причастие под двумя видами — хлебом и вином [2, с. 516; 530—531]. При обсуждении же вопроса о путях и сроках осуществления конкретных реформ Губмайер занял довольно умеренную позицию. Он, правда, считал, что решающий голос в проведении Реформации должна иметь община верующих, но при этом заявлял, что сами преобразования возможны, когда каждый христианин убедится в бесполезности католических обрядов. Только тогда, по мнению Губмайера, община сможет «без всякого мятежа» удалить иконы и реформировать мессу [2, с. 516]. Поэтому в качестве первоочередной реформатор выдвинул задачу проповеди Евангелия и всесторонней критики католицизма [там же].

* К Передней Австрии относились наследственные земли Габсбургов в Верхней Швабии и Шварцвальде.

После возвращения Губмайера из Цюриха реформационные идеи в духе Цвингли получают все большее распространение в Вальдсгуте. Пытаясь подавить Реформацию, австрийские власти прибегли к репрессивным действиям. 5 декабря 1523 г. в Вальдсгут прибыли представители эрцгерцога Фердинанда. Они потребовали выдачи Губмайера на основании того, что он неверно истолковывал Евангелие, примкнул к «лютеровской секте» и, тем самым, нарушил императорские и епископские мандаты [3, с. 251; 15, с. 121—123]. В городе начались волнения, в ходе которых некоторые из бюргеров грозили расправиться с послами эрцгерцога [22, с. 91—92]. Опираясь на поддержку горожан, магистрат Вальдсгута отверг попытку вмешательства в дела внутригородского управления и отказался изгнать своего проповедника. В официальном ответе правительству в Верхнем Эльзасе от 11 декабря совет города подчеркивал, что популярность Губмайера в народе чрезвычайно велика, и поэтому его выдача чревата мятежом [19, с. 98]. Эти события положили начало реформационному движению в Вальдсгуте, принявшему на первых порах характер борьбы за свободу проповеди Евангелия.

Реформация в Вальдсгуте делала первые, еще весьма робкие шаги. 4 января 1524 г. фогт города Лауфенбурга Ульрих фон Хабсберг сообщил правительству в Энзисгейме, что Губмайер и член городского совета Гутьяр отказались соблюдать пост [15, с. 127]. Это, казалось бы, незначительное событие вызвало еще большую обеспокоенность габсбургских властей. В феврале 1524 г. они вновь повторили свое требование выдать Губмайера, одновременно сетуя на то, что «лютеровская секта» в Вальдсгуте приобрела серьезное влияние [18, с. 40]. Епископ Констанца 20 февраля в послании к австрийскому правительству в Верхнем Эльзасе также настаивал на немедленном наказании вальдсгутского священника, подчеркивая, что его проповеди ведут к неподчинению светским и духовным господам [21, с. 229]. 13 апреля Вальдсгуту был предоставлен месячный срок для того, чтобы заменить еретического проповедника католическим пастырем [15, с. 129].

Хорошо понимая всю сложность своего положения, Губмайер попытался заручиться поддержкой духовенства и совета Вальдсгута. Вероятно, в конце апреля по инициативе реформатора в городе состоялось религиозное собеседование, на котором присутствовали представители капитула и ряд священников из сельской округи. Как следует из донесения инсбрукского правительства от 4 мая, Губмайер представил на обсуждение некоторые статьи, направленные против «святой веры и устройства» церкви [4, с. 296]. Очевидно, под этими статьями подразумевались «18 тезисов», составленные реформатором специально в связи с диспутом в Вальдсгуте и вскоре вышедшие по меньшей мере в четырех изданиях [7, с. 69].

Несмотря на отсутствие четко выраженных социальных и политических требований, проект Губмайера в целом соответствовал интересам бюргерских слоев, нуждавшихся прежде всего в дешевом церковном устройстве, которое бы «устраняло монахов, прелатов, римскую курию — словом, все, что в церкви было дорогостоящим» [1, с. 361—362]. Реформы, намеченные в «18 тезисах», неизбежно вели к ликвидации институтов и культа католической церкви и созданию новой религиозной организации, отвечавшей потребностям буржуазного развития.

Обсуждение тезисов выявило острые разногласия в Вальдсгуте по вопросу о проведении Реформации. Большинство священников города отвергло «новшества» и отказалось последовать за Губмайером [9, с. 419]. Окончательное размежевание на реформационную и католическую группировки произошло к середине мая 1524 г., когда магистрат Вальдсгута должен был вынести решение по делу Губмайера. 15 мая истек срок, в течение которого вальдсгутцы, согласно указу инсбрукского правительства, обязаны были выдать своего проповедника [15, с. 129]. Эта проблема находилась в центре всеобщего внимания, так как с ней была связана дальнейшая судьба Реформации в городе. Ситуация стала настолько критической, что на собрании городской общины некоторые из бюргеров высказались за изгнание реформатора [9, с. 419]. Однако сторонники Губмайера поклялись «не покидать его и уничтожить тех, кто стремится избавиться от него» [5, с. 211]. Они играли решающую роль в движении. Как только стало ясно, что попытка мирного урегулирования обречена на провал, радикально настроенные горожане, среди которых многие были вооружены, двинулись к ратуше и добились у совета Вальдсгута обещания оставить Губмайера и не выдавать его австрийским властям [там же]. Действия бюргерских и плебейских масс были направлены прежде всего против католического духовенства и не принявшей нового учения части патрициата, которые не смогли оказать сопротивления. В итоге восемь из двенадцати священников вынуждены были покинуть город. Магистрат Вальдсгута объявил им, что не сможет защитить их при таких беспорядках [9, с. 420]. Вслед за этим началось бегство представителей патрицианской верхушки, многие из которых тайно вернулись в город лишь в конце ноября 1525 г. накануне взятия Вальдсгута австрийскими войсками. По сообщению хрониста Кесслера, это были сторонники папы и императора [8, с. 191].

Таким образом, победа реформационного направления была обеспечена благодаря инициативе основной массы населения Вальдсгута. Натиск, оказанный горожанами, определил позицию совета, который перешел в реформационный лагерь. Вместе с тем умеренные слои бюргерства не теряли надежды на мирное развитие Реформации.

В конце мая 1524 г. состоялся ландтаг в Брейзахе, на котором присутствовал эрцгерцог Фердинанд. По его настоянию на ландтаг прибыла депутация из Вальдсгута. Во время переговоров вальдсгутские представители уверяли эрцгерцога в нерушимой преданности города дому Габсбургов. Ссылаясь на право Вальдсгута свободно избирать своего священника, они просили власти не препятствовать Губмайеру в проповеди «божьего слова» [3, с. 322; 7, с. 278]. Но перспектива дальнейшего распространения реформационных идей в австрийских землях, разумеется, не устраивала силы католической реакции во главе с эрцгерцогом. 23 мая ландтаг в Брейзахе призвал все сословия к борьбе с Реформацией и принял решение, осуждавшее лютеровское и подобные ему учения как источник беспорядков и мятежей. Указ грозил опалой и немедленным наказанием всем подданным эрцгерцога, поддерживающим церковные «новшества» [4, с. 274]. Это решение, как отмечалось в виллингенской хронике, было в первую очередь направлено против Вальдсгута и Губмайера [6, с. 97].

Вопреки этому требованию, община Вальдсгута решила оставить своего проповедника. 200 горожан поклялись защищать его всеми средствами. Губмайер, член городского совета Гутьяр и их приверженцы намеревались также обратиться за помощью в Цюрих [4, с. 277]. Активные выступления бюргеров и магистрата против церковной политики эрцгерцога и католической церкви все же не вылились в коренное преобразование богослужения. В данный период в Вальдсгуте были осуществлены лишь некоторые из намеченных Губмайером реформ. 26 мая 1524 г. в городе в момент религиозного шествия тексты из Евангелия читались на немецком языке; значительно упрощен был обряд причастия [там же]. Реформационные идеи еще в недостаточной степени овладели бюргерскими и плебейскими массами Вальдсгута, действия которых во многом носили стихийный характер. Нет и свидетельств того, что Губмайер призывал к немедленной реализации всех пунктов своей программы. С другой стороны, развитие Реформации в городе сдерживалось внешней опасностью. Антикатолическая оппозиция в Вальдсгуте во главе с Губмайером вынуждена была считаться с вполне реальной возможностью подавления Реформации австрийскими властями.

Тем не менее, необходимо отметить, что уже на первом этапе движение в Вальдсгуте достигло важных результатов. Реформация в городе благодаря поддержке совета и основной части населения перешла на легальное положение. В результате изгнания священников в Вальдсгуте была серьезно ослаблена католическая организация. Небольшой город, опираясь на свои силы, смог противостоять эрцгерцогу Фердинанду, являвшемуся оплотом феодально-католической реакции в Южной Германии. В борьбе за ликвидацию княжеского произвола

и католической церкви горожане Вальдсгута выступали на первых порах единым фронтом. Радикальные бюргерские и плебейские слои еще не заявили о своих самостоятельных требованиях. Это сказалось как на позиции Губмайера, так и на темпах проведения в городе реформ.

Список литературы: 1. *Энгельс Ф.* Крестьянская война в Германии. — Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 7, с. 343—437. 2. *Acta oder geschicht wie es uf dem gesprach der tagen 26, 27 und 28 wynnmons in der christenlichen statt Zürich ... ergangen ist anbetreffend die götzen und die mess.* — In: *Huldreich Zwingli's Werke. Erste vollständige Ausgabe durch M. Schuber und J. Schulthess.* Bd. I. — Zürich, 1828, S. 459—545. 3. *Actensammlung zur schweizerischen Reformationsgeschichte in den Jahren 1521—1532 im Anschluss an die gleichzeitigen eidgenössischen Abschiede.* Bearb. und hrsg. von Dr. J. Strickler. Bd. I. — Zürich, 1878. — 726 S. 4. *Akten zur Geschichte der Stühlinger Erhebung des Jahres 1524.* Hrsg. von W. Stolze. — Zeitschrift für die Geschichte des Oberrheins. Bd. 42. Karlsruhe, 1929. — 341 S. 5. *Fabrizi J.* Ursach warumb der Wiedertauffer patron und erster anfenger doctor Balthasar Hubmaier auff den zehenten Martij Anno 1528 verbrennet sei. — In: *Loserth J.* Doctor Balthasar Hubmaier und die Anfänge der Wiedertäufer in Mähren. — Brünn, 1893, S. 210—218. 6. *Heinrich Hug's Villinger Chronik von 1495 bis 1533.* Hrsg. von Ch. Roder. — Tübingen, 1883. — 276 S. 7. *Hubmaier Balthasar* Schriften. Hrsg. von G. Westin und T. Bergsten. — Gütersloh, 1962. — 507 S. 8. *Johannes Kesslers Sabbata.* Hrsg. von Hist. Verein des Kantons St. Gallen. — St. Gallen, 1902. — 719 S. 9. *Küssenberg H.* Chronik der Reformation in der Grafschaft Baden, im Klettgau und auf dem Schwarzwalde. Hrsg. von J. Huber. — Archiv für die schweizer. Reformationsgeschichte. Bd. 3. Solothurn, 1875, 480 S. 10. *Некрасов Ю. К.* Города и крестьяне Южной Германии во время Крестьянской войны (осень 1524 — весна 1525 г.). В кн.: *Средневековый город.* Саратов, 1978, вып. 5, с. 74—96. 11. *Некрасов Ю. К.* Города и крестьяне Южной Германии во время Крестьянской войны (весна—лето 1525 г.). — В кн.: *Средневековый город.* Саратов, 1981, вып. 6, с. 79—103. 12. *Смирин М. М.* Народная Реформация Томаса Мюнцера и Великая крестьянская война. — М., 1955. — 567 с. 13. *Bensing M. und Hoyer S.* Der deutsche Bauernkrieg 1524—1526. — Berlin, 1970. — 324 S. 14. *Bergsten T.* Balthasar Hubmaier. Seine Stellung zur Reformation und Täuferum. 1521 — 1528. — Kassel, 1961. — 551 S. 15. *Deutsche Geschichte in zwölf Bänden.* Bd. 3. Die Epoche des Übergangs vom Feudalismus zum Kapitalismus von den siebziger Jahren des 15. Jahrhunderts bis 1789. Berlin, 1983. — 592 S. 16. *Illustrierte Geschichte der deutschen frühbürgerlichen Revolution.* 2. Auflage. — Berlin, 1982. — 416 S. 17. *Loserth J.* Doctor Balthasar Hubmaier und die Anfänge Wiedertäufer in Mähren. — Brünn, 1893. — 237 S. 18. *Loserth J.* Die Stadt Waldshut und die vorderösterreichische Regierung 1523 — 1526. — In: *Archiv für österreichische Geschichte.* Bd. 77. Wien, 1891, S. 91—216. 19. *Mau W.* Balthasar Hubmaier. — Berlin—Leipzig, 1912. — 187 S. 20. *Sachsse C.* Doctor Balthasar Hubmaier als Theologe. — Berlin, 1914. — 372 S. 21. *Scott T.* Reformation and Peasant's War in Waldshut and Environs A Structural Analysis. — Archiv für Reformationsgeschichte, 69 Jg., Gütersloh, 1978, p. 82—102.

Поступила в редколлегию 23.01.85.

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Журавский Ю. И.</i> Историографическая Лениниана в Украинской ССР (1969—1984 гг.)	3
<i>Травкина О. И.</i> Современная советская историческая литература о борьбе с германскими оккупантами на Украине в 1918 г.	12
<i>Наумов С. А.</i> Деятельность Советов Левобережной Украины по осуществлению политики «военного коммунизма» (1919 г.)	18
<i>Чалиниченко В. В.</i> Крестьянское хозяйство Украины накануне перехода Советской страны к нэпу	26
<i>Лантух В. В.</i> Использование ярмарок для налаживания товарооборота Украины в первые годы нэпа	34
<i>Чермил. И. Л., Куделко С. М.</i> Современная советская историография о значении процесса создания материально-технической базы социализма в промышленности для преодоления экономического неравенства народов СССР	40
<i>Тимофеев В. В.</i> Движение изобретателей и рационализаторов в 1966—1970 гг. (На материалах машиностроительной промышленности УССР)	47
<i>Бердник А. Н.</i> Рост рядов профсоюзных организаций в колхозах Украинской ССР (1976—1980 гг.)	55
<i>Козлитин В. Д.</i> Советско-югославские театральные связи (1917—1941 гг.)	62
<i>Бойко В. В.</i> Дружественные контакты советского и болгарского народов в области художественной литературы (1949—1958 гг.)	70
<i>Попов Г. Н., Страшнюк С. Ю.</i> Сотрудничество союзов художников СССР и НРБ в развитии изобразительного искусства и повышении его общественной роли (1971—1984 гг.)	76
<i>Чувпило А. А.</i> Индийская буржуазная историография о колониальной политике Англии в Индии (1917—1947 гг.)	82
<i>Пахомов В. Ф.</i> Рабочее движение и политика правительства Народного фронта в Чили (1938—1941 гг.)	89
<i>Хохлова Л. М.</i> Проблемы народного образования в борьбе французских коммунистов за совместную правительственную программу левых сил (1963—1972 гг.)	96
<i>Згурский Г. В.</i> Рынок табаководства на Левобережной Украине в 60—90-е годы XIX в.	103
<i>Голубкин Ю. А., Дятлов В. А.</i> Общественно-политические взгляды Андреаса Карлштадта и его позиция в Реформации	109
<i>Гаврюшенко А. А.</i> Гуманистические воззрения Меланхтона в 1518—1520 гг.	117
<i>Баев С. И.</i> Бальтазар Губмайер и реформационное движение в Вальдсгуте в 1523—1524 гг.	123

2/39-1✓